

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

**ПУШКИН И „ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА“**

1830—1831 гг.

ГЛАВА I

КРИТИКА МНЕНИЙ О СТАТЬЯХ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ», ПРИПИСЫВАВШИХСЯ А. С. ПУШКИНУ

Журнально-публицистическая деятельность Пушкина мало освещена. Отдельные этапы ее не вполне исследованы. Так, объем и характер участия Пушкина в «Литературной газете» 1830—1831 годов не определены с необходимой точностью. В 1925 году Б. В. Томашевский подвел итоги разысканиям в этой области и сделал несколько новых догадок¹. Он указал на то, что большая часть несомненно пушкинских статей в «Литературной газете» приходится на январь—февраль 1830 года, то есть на тот период, когда в отсутствие А. А. Дельвига великий поэт исполнял обязанности редактора (вдвоем с О. М. Сомовым), и что все статьи Пушкина в этой газете (за исключением статьи о Видоке, не принятой страха ради Булгаринского М. П. Погодиным в «Московский вестник») появились за время его пребывания в Петербурге. Из этого арифметического расчета вытекало скептическое отношение Б. В. Томашевского к признанию Пушкина автором тех статей, которые помещены в «Литературной газете» за время отсутствия Пушкина в Петербурге. Решительно отвергается принадлежность Пушкину следующих статей, признанных за пушкинские Анненковым и перепечатанных в Собрании сочинений Пушкина под редакцией П. А. Ефремова:

1) «Требует ли публика извещения» (О личностях в критике) из № 20 (6 апреля 1830 года)²;

¹ Б. В. Томашевский, Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения, Л. 1925, стр. 118—126.

² П. В. Анненков, Общественные идеалы А. С. Пушкина, «Вестник Европы», 1880, июнь, стр. 600—601. Анненков в этой статье заявлял: «Для библиографов и для будущего истинно полного собрания сочинений Пушкина

2) «С некоторых пор журналисты» (О неблаговидности нападков на дворянство) из № 36 (25 июня); эта статья П. Анненковым напечатана в дополнительном VII т. соч. Пушкина¹;

затем — следующих статей, обследованных Н. О. Лернером и введенных в Собрание сочинений Пушкина под редакцией С. А. Венгерова;

3) Заметка о «Русских шутках» из № 18 (27 марта);

4) «Все благоразумные люди» из № 23 (21 апреля); у Лернера были колебания, Пушкин или Вяземский — автор этой статьи²; Томашевский, ссылаясь на отсутствие Пушкина в Петербурге весной 1830 года, высказывается за авторство Вяземского³;

5) «Мне все советуют» из № 24 (26 апреля);

6) «Анекдот о Байроне» из № 53 (18 сентября), приписанный Пушкину фальсификатором А. Греном и помещенный в собрании сочинений Пушкина П. Анненковым (в дополнительном VII т.);

7) «История о божьем короле К. Нодье» из № 55 (28 сентября);

8) «La confession Жюля Жанена» из № 60 (23 октября).

По мнению Томашевского, «нет никаких оснований приписывать Пушкину эти заметки».

Само собой разумеется, что здесь не упоминаются те приписывавшиеся Пушкину статьи, в отношении которых к середине 20-х годов XX века уже выяснилось авторство А. А. Дельвига. По Томашевскому, из цикла *dubia* очень вероятно принадлежность Пушкину лишь примечания к стихотворению «Собрание насекомых» (№ 43, 3 июня — Пушкин в это время был в Петербурге) и, несомненно, статьи из № 45 «Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии», впрочем, писанной совместно с Дельвигом. Очень сомнительно, хотя и не невозможно, предположение о пушкинском авторстве для заметки «Англия есть отечество карикатуры» из № 12. Томашевский высказывается об этом в таком духе: «Можно, понятно, догадываться, что Пушкин мог написать статью о карикатуре в № 12 (хотя тон возражения Полевого в № 6 «Московского телеграфа» заставляет думать, что Полевому был известен автор, и

мы можем еще привести заметки его, появившиеся в смеси «Литературной газеты» и не попавшие ни в один из сборников его творений. Таковы: № 10, стр. 81 — о князе Вяземском; № 12, стр. 98 — о карикатуре в Англии, которая содержит намек на Н. А. Полевого; № 16, стр. 129 — о гекзаметрах Мерзлякова, в сравнении с гекзаметрами Дельвига; № 20, стр. 162 — ответ Критику, объявившему при разборе одного литературного сборника, что нет причин сожалеть об отсутствии в нем знаменитых писателей; № 36, стр. 293 — вторая заметка о неблаговидности нападков на дворянство».

¹ См. Б. В. Томашевский, Пушкин, стр. 121.

² Н. О. Лернер, Новооткрытые страницы Пушкина, «Пушкин и его современники», вып. XII, СПб. 1909.

³ Б. В. Томашевский, Пушкин, стр. 122.

автор этот не был Пушкиным)»¹. О статье «Когда Макферсон издал «Стихотворения Оссиана...» в № 5 «Литературной газеты» 1830 года Томашевский почему-то вовсе не упоминает. Но скептицизм Б. В. Томашевского (что естественно) гораздо сильнее в области отрицания, чем в сфере самостоятельных догадок и «подозрений», относящихся к авторской деятельности Пушкина в «Литературной газете». Оставив на долю Пушкина из цикла *dubia* только две статьи, Б. В. Томашевский для пополнения ущерба «заподозрил пушкинскую руку» еще в следующих заметках «Литературной газеты»:

1) в смеси № 6 за 1830 год извещение о «Карелии» Глинки, очень близкое, по мнению Томашевского, «по тону» к отзыву Пушкина об этом произведении в № 10;

2) в рецензии на «Сен-Марса» Альфреда де Виньи в № 7 за 1830 г.;

3) в том же № 7 — «Письмо Калиника Чупрынского»;

4) в № 11 — заметка «Кажется, русским любителям чтения...»; по словам Б. В. Томашевского, она «дает перечень книг, входящих в круг острых интересов Пушкина»;

5) в № 12 рецензия на «Невский альманах», помещавшаяся в сочинениях Дельвига, но, по мнению Томашевского, своей характеристикой поэзии Языкова напоминающая Пушкина.

Наконец, в «Литературной газете» за 1831 год могли быть связаны с именем Пушкина две заметки, подписанные буквой «Р» (которой подписаны пушкинская рецензия на «Историю Русского народа» Н. Полевого и рецензия на произведения Сент-Бёва);

6) в № 18: «В «Московском вестнике» на 1830 год (ч. VI, стр. 146) напечатано письмо „о латинской речи г. Снегирева”».

7) в № 27: «Издатель «Телеграфа» в журнале сем на 1831 г.».

Таким образом, общая цифра сомнительных пушкинских статей в «Литературной газете» после исследования Б. В. Томашевского почти не изменилась: на место восьми отвергнутых становилось также восемь «гадательных», так как Томашевский вскользь упомянул еще о возможной причастности Пушкина к заметке из № 45 «Литературной газеты» «В нынешнем году «Сев. пчела» отличалась особенной неблагосклонностью», — заметке, приписанной Н. О. Лернером Пушкину, а по свидетельству В. П. Гаевского, написанной Дельвигом при участии Пушкина².

Исследование Томашевского об участии Пушкина в «Литературной газете» было чересчур схематично и догматично. Оно не исчерпало вопроса и даже не остановило потока сомнительных

¹ Б. В. Томашевский, Пушкин, стр. 121—122.

² Н. О. Лернер, Новооткрытые страницы Пушкина, «Пушкин и его современники», вып. XII, стр. 141.

атрибуций. Поэтому Н. К. Козьмин, издавая историко-литературные, критические, публицистические и полемические статьи и заметки Пушкина в томе IX Сочинений Пушкина (изд. Акад. наук СССР, 1927), ограничился тем, что беспорядочно смешал в серии статей, приписываемых Пушкину, несомненно пушкинские, такие как, например, «Об альманахе „Денница“», рецензия на «Карелию» Глинки, и очень сомнительные, как отзыв об «Истории Богемского короля» К. Нодье, «Анекдот о Байроне», «La confession Жюля Жанена», и даже несомненно не пушкинские, как, например, «О лжекритиках. Сочинитель „Письма из Рима к издателю“». Кроме того, в примечаниях к IX тому Н. К. Козьмин напечатал в форме каталога «список статей и заметок, приписываемых Пушкину» (IX, стр. 987—989), объединив здесь, впрочем, далеко не все указания предшественников своих, а воспользовавшись главным образом трудами и суждениями Н. О. Лернера и Б. В. Томашевского.

Последующие издания сочинений Пушкина вступили на путь ограничений. Но скептицизм Б. В. Томашевского не привился, а его догадки не нашли сочувствия. В серию *dubia* включались в последующих изданиях сочинений Пушкина (в изданиях «Красная нива», «Academia», «Гослитиздат») несколько анонимных заметок «Литературной газеты» за 1830 год, приписанных Пушкину П. Анненковым, В. П. Гаевским, отчасти П. А. Ефремовым и Н. О. Лернером:

1) «Когда Макферсон издал «Стихотворения Оссиана...» («Л. г.», № 5).

2) «Англия есть отечество карикатуры» («Л. г.», № 12).

3) «Требуется ли публика извещения» («Л. г.», № 20).

4) «С некоторых пор журналисты наши...» («Л. г.», № 36).

5) «Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии» («Л. г.», № 45).

6) «Заметка об эпиграмме «Собрание насекомых» («Л. г.», № 43).

7) Два анекдота: а) «Старый генерал Ш. представлялся однажды Екатерине II» и

б) «Шувалов, заспорив однажды с Ломоносовым...» («Л. г.», № 8).

Достоверность этих заметок расценивалась неодинаково: № 6 и 7 — почти не вызвали сомнений; статья № 5 — также приписывалась Пушкину с большой вероятностью; № 4 — с минимальной долей вероятности; принадлежность № 1, 2 и 3 считалась недоказанной.

Когда готовилось последнее полное издание сочинений А. С. Пушкина Академией наук, В. В. Гиппиус считал возможным включить в него весь цикл сомнительных статей Пушкина, помещенных в изданиях Гослитиздата и «Academia», но решил дополнить его рецензией на «Сен-Марса» А. де Виньи, (в № 7), в которой заподозрил «руку Пушкина» Б. В. Томашевский. Та-

ким образом, был осуществлен частичный компромисс между точками зрения Анненкова — Ефремова, Н. О. Лернера и Б. В. Томашевского¹.

Однако методами исторической и историко-стилистической критики вопрос об участии Пушкина в «Литературной газете» можно было осветить шире и поставить его на более прочный фундамент. Прежде всего необходимо составить общий полный каталог статей «Литературной газеты» за 1830 год, неизвестно кому принадлежащих, но приписывавшихся Пушкину:

1) «Когда Макферсон издал «Стихотворения Оссиана»...» («Л. г.», 1830, № 5, стр. 40);

2) «Литературные новости» («Л. г.», 1830, № 6, стр. 48);

3) «Сен-Марс, или Заговор при Людовике XIII...» («Л. г.», 1830, № 7, стр. 53);

4) «Письмо Калиника Чупрынского к издателю «Литературной газеты» и его сотрудникам» («Л. г.», 1830, № 7, стр. 55—56).

5) Из отдела «Смесь» № 8 «Литературной газеты» два анекдота:

а) «Старый генерал Ш. представлялся однажды Екатерине II».

б) «Шувалов, заспорив однажды с Ломоносовым...» («Л. г.», 1830, № 8, стр. 66).

6) «Кажется, русским любителям чтения скоро не будет более причины» («Л. г.», 1830, № 11, стр. 90).

7) «Англия есть отечество карикатуры...» («Л. г.», 1830, № 12, стр. 98).

8) «Невский Альманах на 1830 год» («Л. г.», 1830, № 12, стр. 96).

9) «Кто-то заметил, что русские шутки...» («Л. г.», 1830, № 18, стр. 146).

10) «Требуется ли публика извещения» («Л. г.», 1830, № 20, стр. 162).

11) «В 39-м № «Сев. пчелы» помещено окончание статьи» («Л. г.», 1830, № 20, стр. 161). Это статья А. А. Дельвига, но предполагалось участие в ней Пушкина, хотя В. П. Гаевский указал на наличие рукописи Дельвига.

На экземпляре «Литературной газеты», принадлежащем Институту русской литературы, а раньше составлявшем собственность В. П. Гаевского, под этой статьей рукой Гаевского написано: «Дельвиг (см. его рукописи)». Кроме того, в самом тексте статьи, по-видимому, по рукописи Дельвига сделана вставка вы-

¹ Позднее редакционный комитет по академическому изданию сочинений А. С. Пушкина поручил мне заново пересмотреть вопрос об атрибуции анонимных статей в «Литературной газете» 1830—1831 гг. В кратком виде итоги этих разысканий были изложены мною в статье «Неизвестные заметки Пушкина в «Литературной газете» 1830 г.» «Временник Пушкинской комиссии», АН СССР, вып. 4—5, М.—Л. 1939.

ражения: «с позволения сказать» между словами: «известною книгою» и «Ивана Выжигина». В целом получается такая фраза: «Не называет ли «Северная пчела» известною книгою, с позволения сказать, Ивана Выжигина, где находится странное разделение московского общества на классы, в числе коих один составлен из архивных юношей?» (стр. 161).

12) «Все благоразумные люди предвидели» («Л. г.», 1830, № 23, стр. 186).

13) «„Мне всё советуют“, — говорил однажды Л. Байрон» («Л. г.», 1830, № 24, стр. 193).

14) «С некоторых пор журналисты наши» («Л. г.», 1830, № 36, стр. 293).

15) «Заметка об эпиграмме „Собрание насекомых“» («Л. г.», № 43, стр. 56).

16) «Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии» («Л. г.», 1830, № 45, стр. 72).

17) «В нынешнем году «Северная пчела» отличалась особенно неблагоприятностью к гг. Загоскину, Пушкину и Киреевскому» («Л. г.», 1830, т. II, стр. 72).

18) «О лжекритиках. Сочинитель «Письма из Рима к издателю «Л. газеты»» («Л. г.», № 50, стр. 114).

19) «Анекдот о Байроне» («Л. г.», 1830, № 53, стр. 139—146).

20) «История о богемском короле. Соч. К. Нодье» («Л. г.», 1830, № 55, стр. 153—155).

21) «La Confession Жюля Жанена» («Л. г.», 1830, № 60, стр. 193—195).

Из этого перечня, конечно, прежде всего должны быть исключены статьи, которые в свете современных знаний о стиле и творчестве Пушкина почти наверное не могут принадлежать ему. Если они не пушкинские, то возникает вопрос: чьи же? Отрицание пушкинского авторства здесь получает полную силу только при утверждении подлинного имени автора. Однако тут не всегда можно с полной достоверностью определить имя настоящего автора статьи по языку, стилю, по содержанию критических высказываний, по особенностям и оттенкам литературного вкуса. Казалось бы, выбор между Пушкиным, с одной стороны, и Вяземским, Дельвигом и Сомовым, с другой, не затруднителен. И все же это — не так. Критические задачи и взгляды основного писательского ядра сотрудников «Литературной газеты» частично совпадали. Общий нейтральный фонд языковых и стилистических средств русской литературной речи того времени иногда — при небольшом объеме заметки — заслоняет и затемняет индивидуальные черты и оттенки стиля автора. Сомова можно узнать по некоторой безличности стиля, по отсутствию резкого индивидуального колорита в его сочинениях, по крайней мере журнально-публицистических. Но манера Сомова эклектична и нередко сбивается на стиль Дельвига. Стиль Вяземского, соче-

тающий краски Вольтера, Шатобриана, Бенж. Констан и русской барской простонародности, наиболее индивидуален и характерен. Но в сдержанном и трезвом стиле, освобожденном от назойливого острословия и околесных перифраз, Вяземский сближается с Пушкиным, а иногда и с другими сотрудниками «Литературной газеты». Стиль Дельвига лишен пушкинского разнообразия, но движется в русле тех же традиций публицистической прозы, что и публицистический стиль Пушкина. Поэтому не все ответы на вопрос об авторстве отдельных стилей могут быть точны и убедительны.

В свое время П. В. Анненков и особенно Н. О. Лернер, который первым из пушкинистов XX века решился при извлечении пушкинских статей из «Литературной газеты» выйти за пределы анненковского и ефремовского канона, выдвинули несколько ценных методических принципов, которыми следовало бы руководствоваться в поисках неизвестных сочинений Пушкина. Н. О. Лернер сформулировал эти принципы особенно отчетливо, хотя сам и не сумел ими воспользоваться в должной мере¹. Так, по мнению Лернера, есть три критерия для признания пушкинского авторства: 1) «Это — стиль писателя, его «рука» (как слабо намекнул Анненков), его индивидуальная физиономия». «Это — главное, но это еще не всё». 2) Пушкин, по словам Лернера, — «весьма ясная литературная личность». «Мы знаем систему его убеждений, концепцию его критических взглядов». Таким образом, принадлежность произведения Пушкину может быть определена на основе исторических и идеологических данных. Наконец, 3) иногда оказывается действительным и «метод исключения». «В некоторых случаях допустить, что иная анонимная статья написана не Пушкиным, — значит допустить одновременное существование никому не известного второго Пушкина»².

Последним «методом», то есть методом исключения (если это — метод), Н. О. Лернер особенно увлекался и сильно им злоупотреблял. Поэтому далеко не все его открытия оказались счастливыми. Так, Лернер значительно обогатил сочинения Пушкина за счет критических статей Дельвига. Например, Пушкину были приписаны следующие статьи Дельвига:

1) (О гексаметрах Мерзлякова) «В третьем номере «Московского вестника» на нынешний год», из № 16 «Литературной газеты».

¹ Н. О. Лернер, *Новооткрытые страницы Пушкина*. «Северные записки», 1913, февраль; «Пушкин и его современники», вып. XII; *Его же. Новые приобретения пушкинского текста*. Пушкин, под редакцией С. А. Венгерова, т. VI. Ср. также «Материалы для биографии А. С. Пушкина», Соч., т. I, 1855, стр. 250—251, Соч. Пушкина, изд. П. В. Анненкова, т. V и VII; статья П. В. Анненкова: «Общественные идеалы А. С. Пушкина», «Вестник Европы», 1880, кн. VI.

² Пушкин, под редакцией С. А. Венгерова, т. VI, Пг. 1915, стр. 198.

2) (О главе «Евгения Онегина».) «В 39-м № «Сев. пчелы»...» из № 20.

3) Рецензия на «Василия Шуйского» А. В. Станкевича из № 38¹.

Таким образом, прежде чем предпринимать самостоятельные поиски пушкинских произведений, анонимно опубликованных в «Литературной газете», необходимо внимательно разобрать и изучить коллекцию тех статей и заметок, которые разными авторами и на основе разных соображений связывались с именем Пушкина.

Есть несомненные и глубокие различия, несмотря на усилия О. С. Сомова и П. А. Плетнева после смерти А. А. Дельвига сохранить внутреннее единство и последовательность литературного направления этого издания, между «Литературной газетой» 1830 года и «Литературной газетой» за 1831 год. Впрочем, Пушкин и Вяземский находили, что уже к концу 1830 года «Литературная газета» стала «вялой», утратила былую остроту. 13 января 1831 года А. С. Пушкин писал П. А. Плетневу: «Что Газета наша? Надобно нам об ней подумать. Под конец она была очень вяла; иначе и быть нельзя: в ней отражается русская литература. В ней говорили под конец об одном Булгарине; так и быть должно: в России пишет один Булгарин»². А на следующий день — 14 января 1831 года — П. А. Вяземский в письме к Пушкину заявляет: «Что-нибудь, а придумать надобно, чтобы вырвать литературу нашу из рук Булгарина и Полевого. — Что за разбор Дельвига твоему Борису? Начинает последним монологом его. Нужно будет нам с тобою и Баратынским написать инструкцию Дельвигу, если он хочет, чтобы мы участвовали в его газете. Смешное дело, что он не подписывается ни на один исторический журнал и кормится сказками Бульи и Петерб. Польскою Газетою. При том нужно обязать его, чтобы по крайней мере через № была его статья дельная и проч. и проч., а без того нет возможности помогать ему»³.

В письме от 22 февраля 1831 года П. А. Плетнев обращается к Пушкину с просьбой прийти на помощь «Литературной газете» и, ограничив права Сомова, самому вместе с Вяземским взяться за «Литературную газету»: «Ты упоминал об издании Северн. Цветов. Это непременно сделать надобно с посвящением Дельвигу. Сомова можно будет вознаградить из выручки такую же суммою, какая приходилась на его долю и прежде. Я даже полагаю, что для пользы же Сомова надобно будет поступить так и с Литературной Газетой. Он ей не придаст живости, без чего

¹ См. список безусловно принадлежащих Дельвигу статей, появившихся в «Литературной газете», в «Библиографии», приложенной к «Полному собранию стихотворений А. А. Дельвига», под редакцией Б. В. Томашевского (1934), стр. 505—506.

² А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 14, АН СССР, 1941, стр. 143.

³ Там же, стр. 144.

она решительно умрет. Не возьмется ли тебе с Вяземским за нее? Будь в каждом ее номере хоть пять строчек то острых, то умных, то живых, и тем она уж поднимется над братиею своею. Вам двоим ничего это не будет стоить, а на будущее время она может сделаться верною арендою, при которой Сомов останется на обыкновенном жалованье»¹.

Это предложение не нашло сочувственного отклика у Пушкина, занятого тогда устройством своей семейной жизни. В письме к Плетневу от 26 марта 1831 года он просит: «Сомову скажи, чтоб он прислал мне, если может, «Лит. Газету» за прошедший год (за нынешний не нужно; сам за ним приеду) да и «Сев. Цветы», последний памятник нашего Дельвига», — и сообщает: «Об альманахе переговорим. Я не прочь издать с тобой последние С. Цветы. Но я затеваю и другое, о котором также переговорим»². Последняя фраза очень знаменательна. Смысл ее несколько раскрывается в письме Пушкина к тому же Плетневу из Москвы от 11 апреля 1831 года: «Мне кажется, что если все мы будем в кучке, то литература не может не согреться и чего-нибудь да не произвести: альманаха, журнала, чего доброго? — и газеты!»³ Можно догадываться, что Пушкин, разочаровавшись, особенно после смерти Дельвига, в «Литературной газете», начинает мечтать о своем собственном журнале, план которого он затем в письме к А. Х. Бенкендорфу из Царского Села во второй половине июля и излагает: «С радостью взялся бы я за редакцию *политического и литературного журнала*, т. е. такого, в коем печатались бы политические и заграничные новости. Около него соединил бы я писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных, которые все еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к просвещению»⁴. Позднее в ответ на расспросы и предположения Вяземского, касающиеся издания журнала, Пушкин заявляет (в письме от 3 сентября 1831 г.): «О газете политической нечего и думать, но журнал ежемесячный, или четырехмесячный, третьейской можно бы нам попробовать — одна беда: *без мод* он не пойдет, а *с модами* статья нам наряду с Шаликовым, Полевым и проч. — совестно. Как ты? с, или без?»⁵

В письме к П. В. Нащокину (от 22 октября 1831 г.) Пушкин возвращается к теме о журнале: «...Не знаю, не затею ли чего-нибудь литературного, журнала, альманаха или тому подобного. Лень»⁶.

Любопытно, что П. А. Вяземский, очевидно, хорошо знавший об этом замысле Пушкина, пишет ему в Царское Село 11 июня

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 153.

² Там же, стр. 158.

³ Там же, стр. 161.

⁴ Там же, стр. 256.

⁵ Там же, стр. 220.

⁶ Там же, стр. 237.

1831 года: «Что твои литературные проекты? Есть ли начало? Хорошо бы с нового года начать журнал, а к новому году изгот-овить альманачик»¹. Очевидно, и литературные планы Вязем-ского в 1831 году обходят «Литературную газету» Сомова.

Необходимо заметить также, что Вяземский в это время энергично работал в «Коммерческой газете», о чем он сообщил Пушкину в письме от 17 июня 1831 года: «Прошу теперь читать меня уже в Коммерческой газете: Отыщи мой взгляд на вы-ставку»².

И Пушкин, рисуя юмористически торжественное заседание арзамасцев в Царском Селе по случаю получения Вяземским звания камергера, сообщает Вяземскому в форме протокола за-седания, который вел он, «сверчь», избранный секретарем: «Спрашивали члены: Зачем Асмодей не является ни в одном пе-риодическом издании? Секретарь отвечивал единогласно: Он статьи свои отсылает в Коммерческую Газету без имени. Спра-шивали члены: Давно ли Асмодей занимается Коммерческой? выигрывает ли он в коммерческую? Председатель отвечивал единогласно же: В Коммерческую выиграл он ключ, и теперь Асмодей перейдет к Банку»³.

О замысле и плане альманаха Вяземский писал Пушкину 14 июля 1831 года: «Пожалуй, давай готовить альманах: дорож-ная котомка нашего маленького Гримма-пилигрима (т. е. А. И. Тургенева. — В. В.) у меня в руках. Пили Гримма, да и полно! Страниц двадцать или тридцать напилим славных. Я из-готовлю литературный отчет о примечательнейших произведе-ниях нашего книжного урожая и так и быть по поводу сему проч-ту и Рославлева, которого еще не читал и потому не бранил и не браню. Между тем ты собирай стихи свои и других. Напишем к Баратынскому, который удрал в Казань с Энгельгардтовским семейством. Дай повесть, одну из повестей своих; закажи дру-гого Бетговена Одоевскому, поставим на ноги Киреевского, за-поем иже-херувимы пред кликушею-Жуковским и чорт что-ни-будь из него выломает. Войдешь ли в переговоры с Сомовым и будешь ли требовать его интервенции или non-интервенции? Только не откладывай дела в длинный ящик и приступим к ра-боте»⁴.

Правда, охладев к сомовской «Литературной газете», Пушкин в 1831 году все же изредка посылал туда статьи (кроме того, смотри в № 1 стихотворение «Кавказ», в № 5 сонет «Мадонна»⁵).

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 175.

² Там же, стр. 177.

³ Там же, стр. 207—208.

⁴ Там же, стр. 190.

⁵ Стихотворение «Мадонна» было напечатано также в альманахе «Си-ротка» на 1831 г.

Так, в том же письме к Плетневу 11 апреля 1831 года Пушкин сообщает: «Сомов написал мне длинное письмо, на которое еще не отвечал. Скажу ему, что Делорма я сам ему привезу, потому и не посылаю»¹. Здесь речь идет о статье Пушкина, посвященной J. Delorme (S-te Beuve) и предназначенной для «Литературной газеты» (напечатана в № 32 за 1831 г. 5 июня).

О своем впечатлении от этой статьи П. А. Вяземский пишет Пушкину в письме с датой — 17 июня (1831 г.): «Я с удовольствием узнал тебя в Делорме. Целую тебя и милую»². В сущности, до сих пор это была единственная статья в «Литературной газете» за 1831 год, несомненно принадлежащая Пушкину (подписана Р.). Совершенно ясно, что, поселившись по отъезде из Москвы с начала июня в Царском Селе и отрезанный карантинном в связи с появлением холеры от Петербурга, Пушкин не мог в это время сотрудничать в «Литературной газете» по крайней мере до середины октября этого года.

Показательны также заявления в письмах Пушкина из Царского Села П. А. Вяземскому:

«Здесь я журналов не получаю, и не знаю, что делается в нашем омуте, и кто кого» (11 июня 1831 г.)³.

«О литературе не спрашивай: я не получаю ни единого журнала, кроме С.-Петербургских ведомостей, и тех не читаю. Рославлева прочел и очень желаю знать, каким образом ты бранишь его. Разговоров о Борисе не слыхал и не видал; я в чужие разговоры не вмешиваюсь. Не пишу покаместь ничего, ожидаю осени» (3 июля 1831 г.)⁴.

П. В. Нащокину: «Если бы ты читал наши журналы, то увидел бы, что все, что называют у нас критикой, одинаково глупо и смешно. С моей стороны, я отступился; возражать серьезно — не возможно; а паясить перед публикою не намерен. Да и к тому же ни критики, ни публика не достойны дельных возражений. Нынче осенью займусь литературой, а зимой заруюсь в архивы, куда вход дозволен мне царем»⁵.

Правда, Вяземский из Остафьева писал Пушкину в Царское Село 27 июля 1831 года: «Кинь это в Литературную Газету: «В конце длинной статьи, написанной в защиту и в оправдание Булгарина, критикованного Телескопом, г-н Греч говорит (Сын Отечества №): *Я решился на сие не для того, чтоб оправдывать и защищать Булгарина (который в этом не имеет надобности, ибо у него в одном мизинце более ума и таланта, нежели во многих головах рецензентов).* — Жаль же, сказал один читатель, что Булгарин не одним мизинцом пишет».

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 161.

² Там же, стр. 177.

³ Там же, стр. 175.

⁴ Там же, стр. 187.

⁵ Там же, стр. 196.

А если хочешь, дай другой оборот этому. Во всяком случае на этом мизинце можно погулять и хорошенько расковырять им гузно. Что за лакеи!»¹

Пушкин так отзывался на это сатирическое предложение Вяземского (в письме от 3 августа 1831 г.): «Литературная газета что-то замолкла; конечно Сомов болен, или подпиской недоволен. Твое замечание о Мизинце Булгарина — не пропадет; обещаю тебя насмешить; но нам покаместь не до смеха: ты верно слышал о возмущениях Новгородских и Старой Руси»². И в тот же день Пушкин пишет П. А. Плетневу: «Что же Цветы? ей-богу не знаю, что мне делать? Яковлев пишет, что покаместь нельзя за них приняться. Почему же? разве типографии остановились? разве нет бумаги? Разве Сомов болен или отказывается от издания? Кстати: что сделалось с Литературною Газетою? Она неисправнее Меркурия»³. Следовательно, интерес у Пушкина к «Литературной газете» был. Но едва ли Пушкин пересылал в редакцию «Литературной газеты» из Царского Села рукописи своих статей. Ведь даже «Повести Белкина», посланные им с okazji (с лицеистом Эслингом) Плетневу, вернулись назад. «Сказки мои, — сообщает Пушкин в том же письме, — возвратились ко мне, не достигнув до тебя»⁴. Cholera прекратилась в первой половине августа, а затем сняты были и карантинны. Ср. в письме Н. В. Гоголя к Пушкину от 21 августа 1831 года: «В Петербурге скучно до нестерпимости. Cholera всех поразгоняла во все стороны, и знакомым нужен целый месяц антракта, чтобы встретиться между собою»⁵.

Таким образом, в 1831 году Пушкин и Вяземский в силу разных причин очень мало внимания могли уделять «Литературной газете». Вот почему трудно согласиться с гипотезой Б. В. Томашевского о возможности приписать Пушкину еще две статьи в «Литературной газете» за 1831 год, подписанные буквой Р (тем же инициалом, как и пушкинская статья о Сент-Бёве). Аргументация Б. В. Томашевского исходит из следующего соображения П. В. Анненкова, высказанного в его «Материалах»: «Литературная Газета» 1830 и 1831 гг. заключает две статьи, подписанные буквою Р, какой были подписаны впоследствии «Скупой рыцарь» Пушкина и «Пиковая дама». Первая есть разбор Истории Русского Народа Г. Полевого. Вторая есть рецензия произведений С. Бёва»⁶. Принадлежность этих двух статей Пушкину оказалась бесспорной. Б. В. Томашевский отмечает, что «Анненков ошибся, указав на 2 только статьи за этой подписью. В «Литературной газете» 1831 года есть еще две статьи за этой

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 199.

² Там же, стр. 204.

³ Там же, стр. 206.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 211.

⁶ П. В. Анненков, Соч., т. I, СПб. 1855, стр. 298, примечание.

подписью. Появились они в отсутствие Пушкина, но в то время, когда Плетнев умолял Пушкина и Вяземского поддержать хиреющую газету своим участием... Первая заметка написана в защиту Снегирева, которого впоследствии Пушкин приглашал в свой «Современник», и направлена против «Московского вестника», с которым у Пушкина были в это время натянутые отношения. Заметка эта упомянута в № 21 «Литературной газеты» в качестве «принадлежащей почтенному нашему корреспонденту». Для ее понимания необходимо иметь в виду статью в последней книжке «Московского вестника» за 1830 год (отдел «Критика», стр. 146—164). Другая статья имеет в виду «Современную библиографию» «Московского телеграфа» (1831, № 5, стр. 85—93 и 96)¹.

В «Московском вестнике» 1830 года (№ XXI—XXIV) в отделе «Критика» напечатано «Письмо к редактору „Московского вестника“», заключающее в себе разбор Латинской речи, произнесенной профессором Снегиревым на университетском юбилее. Автор этого письма Евдоким Луценко прежде всего указывает на важность освещения в печати актов университетских речей знаменитых профессоров. «Ибо, не говоря о том, что это суть плоды долговременного и постоянного занятия наукою и, следовательно, произведения, которые можно почитать совершеннейшими и из коих наиболее можно поучиться, часто бывает еще и то (как говорят), что некоторые из них (особенно на латинском языке) пишутся года по три и более и потому всегда требуют особенного уважения как образцовые в своем роде» (146—147). Далее Евдоким Луценко признается, что, несмотря на свою малую начитанность в текстах на латинском языке, при ознакомлении с речью проф. Снегирева, он «не мог прочесть ни одной страницы... почти ни одного периода без того, чтобы не спотыкнуться на какое-нибудь слово, или фразу, или целую мысль» (148). Характерно следующее заявление автора письма: «Но как в речи сей столь много выпуклостей, что даже и с посредственным знанием языка можно усмотреть все неправильности, то я и останавливаюсь только на самых очевидных, и то в одном вступлении. Ибо на подробное рассмотрение всей речи надобно много времени» (150).

Критическое рассмотрение и начинается со слова *jubilaeum*. Указывается на неведение проф. Снегирева, что *jubilaeus* есть прилагательное, а не существительное и что, следовательно, форма рода его определяется «существительным выраженным или подразумеваемым. Если подразумевается *annus* (*jubilaeus annus*), то форма имен. множ. должна быть *jubilaei*, а не *jubilaeum*, как у Снегирева. Ведь «злые люди пожалуй скажут, что автор не умеет согласовать существительного с прилагательным,

¹ Б. Томашевский, Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения, стр. 123—124.

а добрые — что будут думать о его познании в латинском языке и о его лекциях? Что скажут, когда увидят, что г. профессор не умел без ошибки назвать того праздника, на коем он избран быть оратором?» (151—152).

Несмотря на тождество подписи Р с подписью позднее в № 32 за 1831 год (5 июня) напечатанной пушкинской статьи о сочинениях J. Delogme (S-te Beuve) и ранее в № 4 (16 января 1830 г.) — опубликованной статьи об «Истории русского народа» Н. Полевого (см. свидетельство Вяземского: «Русский Библиофил», 1914, апрель), статью в «Смеси» «Лит. газеты» № 18 (от 27 марта 1831 года, стр. 148) нет решительно никаких оснований приписывать Пушкину. Содержание статьи — историко-этимологическое. Речь идет об этимологии слова *юбилей* (в связи с тем, что Снегирев в своем письме о латинской речи, напечатанном в ч. VI «Московского вестника» на 1830 г. (стр. 146) признал его прилагательным) и об его историческом применении в разные эпохи.

Автор заметки в «Литературной газете» заявляет: «jubilaeus есть имя существительное производное от еврейского слова. Между разными значениями, ему присвоенными, значит оно прощение (remissionis múnus). Употребляется оно и как прилагательное, напр., jubilaeus annus, jubilaenum festum. Но юбилей, возобновленный папами в XIV столетии, праздновался не в продолжение года, а через 100, потом через 50 лет; следственно, г. Снегирев не ошибся и нельзя не пожалеть, что журналист напечатал без примечания бранчивое письмо на почтенного профессора» (148).

Прежде всего следует отметить не встречающуюся в подлинных сочинениях Пушкина конструкцию: «бранчивое письмо на почтенного профессора». В языке Пушкина слово *бранчивый* употребляется абсолютно, то есть независимо от управления падежами существительного и вне связи с предлогами. Например, «потешил дерзости бранчивую свербежь», «бранчивые и напыщенные выражения», «бранчивые критики» и т. п.¹ Конструкция — *письмо на* кого-нибудь — также несвойственна языку Пушкина².

Но вместе с тем необходимо указать на то, что этимология слова *юбилей*, предлагаемая в рассматриваемой заметке, и в настоящее время в основном считается вполне приемлемой. В «Russisches Etymologisches Wörterbuch» von Max Vasmer (В. III) под словом «юбилей» читаем: «юбилей, ёя 'jubiläum', seit Peter d. Gr., s. Smirnov 351. Über nhd jubiläum aus lat. iubilaeum, urspr. iubilaeus annus, das auf hebr. Jôbêl 'Widderhorn' zurückgeht, s. Littmann 29, Kluge — Götze EW 269, Walde — Hofmann I 719 ff» (S. 466). Таким образом, критическое заме-

¹ «Словарь языка Пушкина», т. I, М. 1956, стр. 169—170.

² См. «Словарь языка Пушкина», т. III М. 1959, стр. 350.—351.

чание автора заметки «Литературной газеты» касается лишь первого слова речи Снегирева: «Не имея речи под руками, разбирать ее не могу и в знании критика оной не сомневаюсь; но первое слово речи критиковано им напрасно».

Едва ли Пушкин мог пуститься в полемику из-за этимологии первого слова латинской речи, из-за спора о том, является *jubilaeus* существительным или прилагательным (что с синтаксической точки зрения даже для латинского языка не так существенно; ср. употребление *peto* в функции существительного и прилагательного). Таким образом, нет решительно никакой «зацепки», кроме буквы «Р», для того, чтобы связать эту заметку с именем Пушкина. В № 20 «Литературной газеты» (апрель 6) за 1831 год отдел «Смеси» начинается такой заметкой: «*Новая грамматическая поправка*. В 18-м № «Литературной газеты» один почтенный наш Корреспондент отстоял грамматические права латинского речения: *jubilaeus*, права, на кои покушался некоторый критик. Справедливость требует, чтоб мы оказали таковую же защиту одному Французскому слову. В 4-м № Телескопа, в статье о книге: *Sanevas méthodique et chronologique etc*, сказано, что Автор помянутой книги называет г-на Полевого *l'elegant historien* — щеголь-историк. Сей перевод не совсем точен: слово *elegant*, приданное здесь историку Русского народа, есть имя прилагательное, и критику следовало бы перевести сие выражение по крайней мере так: щеголеватый Историк. В точности сего последнего перевода мы ссылаемся на самого г. Полевого, известного своими глубокими познаниями в Лингвистике. В 1-й книжке «Московского телеграфа» за 1831 год на стр. 15 славный французский проповедник назван щеголеватым» (165—166). Естественно, возникает вопрос: мог ли автор этой заметки, очевидно, издатель «Литературной газеты» О. М. Сомов, назвать А. С. Пушкина «одним почтенным нашим корреспондентом»? Ответ на этот вопрос может быть только отрицательный. Да Сомов и не мог бы пушкинскую заметку развивать и продолжать в таком стиле. Невозможность связать с именем Пушкина заметку о слове *юбилей*, подписанную буквой «Р», уже заранее настраивает скептически и в отношении принадлежности Пушкину другой логико-грамматической и риторической статьи, помещенной в «Литературной газете» № 27 (11 мая) за 1831 год и подписанной тем же «пушкинским» знаком «Р». Для этой статьи Б. В. Томашевский не мог привести никаких фактов в пользу авторства Пушкина, кроме указания на подпись «Р». Но если эта подпись, как показывает заметка о юбилее, отнюдь не является бесспорным свидетельством пушкинского наследия, то отпадают все надежды как-то приблизить эту статью, направленную против Полевого, к творчеству Пушкина. Прежде всего в языке этой статьи встречаются такие лексические новообразования и такие фразеологические обороты, которые чужды словарю Пушкина. Например, «по *высоковзглядным* расчетам г. По-

левого», «обращает невыгодное внимание на такие сочинения, в которых не указывает ни малейшей ошибки»; «имеем мы перед глазами до 40 особых превосходных творений об эстетике», «поставлены ясные и особые формы» и т. п. (см. «Словарь языка Пушкина» под соответствующими словами). Да и самый стиль критики Полевого — беззубый и плоский — не имеет ничего общего со стилем Пушкина. Достаточно одной иллюстрации: «Говорить и делать — две вещи совсем разные: пусть издатель Телеграфа без шума, без порицания других писателей, напишет курс словесных наук по своей новой системе, в которой бы ни одна наука нигде и ни в чем не смешивалась с другою; и если оный курс найдется удовлетворительнее прежних, то за ним будут и честь и слава и общее употребление» («Л. г.», 1831, № 27, стр. 222).

Таким образом, предположение Б. В. Томашевского о принадлежности Пушкину статей в № 18 (от 27 марта) и в № 27 (11 мая) «Литературной газеты» за 1831 год не может быть обосновано. Оно не только недоказуемо, но и невероятно. Однако это не значит, что, кроме стихотворения «Кавказ», подписанного «А. Пушкин» (в № 1 «Литературной газеты» за 1831 г., а также перепечатки сонета «Мадонна» и анонимной статьи о сочинениях Сент-Бёва (в № 32), Пушкин так ничего и не дал из своей продукции в «Литературную газету» за 1831 год.

Есть основания подозревать, если не прямое участие Пушкина в написании разбора появившейся в №№ 17 и 18 «Московского телеграфа» статьи под названием: «Малороссия, ее обитатели и история», то во всяком случае косвенное сильное пушкинское влияние на ее автора («Л. г.», 1831, № 8, 5 февраля, «Ученые новости», стр. 66) ¹.

Кроме того, можно высказать вероятную догадку (доказать которую в настоящее время нет никакой возможности), что Пушкину принадлежит афористическая заметка, помещенная в «Смеси» № 5 «Литературной газеты» за 1831 год (стр. 42):

«Г. Издатель Телеграфа объявил со свойственной ему скромностью, что «Журнал его и впредь хуже не будет». На сие Молва тотчас ему заметила, что и Г. Издатель Телеграфа невозможного сделать не может. А мы с своей стороны заметим Молве, что шутка ее остроумна, но не совсем справедлива. Издатель Телеграфа первым № своего журнала на нынешний год доказал, что для него и невозможное возможно». Так как издатель (то есть О. М. Сомов) поставил свою подпись под рецензией на повесть В. Ушакова «Киргиз-Кайсак» («Л. г.», 1831, № 5, стр. 42), а полной своей фамилией (Сомов) расписался под помещенным в том же номере «Литературной газеты» окончанием своей статьи «Новые русские журналы» (стр. 39—41), то, очевидно,

¹ См. главу «Об авторстве двух статей «Литературной газеты» 1830 — 1831 гг. на украинские темы (Сомов, Пушкин, Гоголь?)».

ироническая заметка в «Смеси», направленная против Полевого, написана не О. М. Сомовым. Кем же? Очевидно, Пушкиным или Вяземским.

Вопрос об участии Пушкина в «Литературной газете» за 1830 год, привлечший внимание многих ученых, все же еще далек от окончательного решения¹. Многие статьи «Литературной газеты» 1830 года, приписанные Пушкину, начиная с П. В. Анненкова и кончая Б. В. Томашевским, еще не прикреплены к их подлинным авторам. Между тем для пушкиноведения имеет большое значение работа по установлению авторства тех статей, в писании которых «заподозрена рука Пушкина» (как выразился Б. В. Томашевский). Только недавно выяснился окончательно вопрос о принадлежности Дельвигу таких, например, статей в «Литературной газете», как «В третьем номере Московского Вестника на нынешний год» (о гекзаметрах Мерзлякова) из № 16 за 1830 год² или «В 39 № „Северной Пчелы“...» (о VII главе «Евгения Онегина») из № 20³.

Еще до сих пор не прекратились попытки ввести в собрание сочинений Пушкина ту или иную из связывавшихся когда-нибудь с именем Пушкина статей. Таким образом совершенно необходимо прежде всего подвергнуть точной критической проверке доводы и основания в пользу принадлежности Пушкину тех сомнительных статей, которые ему приписывались и приписываются.

¹ Ср., например, статью П. В. Анненкова «Общественные идеалы А. С. Пушкина» («Вестник Европы», 1880, № 6, стр. 601); его же, «Материалы для биографии А. С. Пушкина» (А. С. Пушкин, Соч., т. I, 1855), стр. 250—251; статьи Н. О. Лернера: «Новооткрытые страницы Пушкина» («Сев. записки», 1913, февраль; «Пушкин и его современники», вып. XII, СПб. 1909); «Новые приобретения пушкинского текста» («Пушкин под редакцией С. А. Венгерова», т. VI); книгу Н. Синявского и М. Цявловского: «Пушкин в печати», М. 1914; статьи В. Я. Брюсова: «Русский архив», М. 1916, 1—3; «Биржевые ведомости», 1916, 21 октября, № 15875; книгу Б. В. Томашевского: «Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения», Л. 1925; Дополнения: «К вопросу об участии Пушкина в «Литературной газете»; т. IX Сочинений А. С. Пушкина, изд. АН СССР, Л. 1928; ср. также т. IX, вып. 2, примечания; статьи Н. К. Замкова: «К истории «Литературной газеты» барона А. А. Дельвига» («Русская старина», 1916, май); «К цензурной истории произведений Пушкина» («Пушкин и его современники», вып. XXIX—XXX); ср. также издания сочинений Пушкина: Геннади, Ефремова, П. Морозова, С. А. Венгерова, «Красной нивы», Гослитиздата и «Academia». Ср. также: А. Фомин, «К вопросу об авторах неподписанных статей в «Литературной газете» 1830 г.», СПб. 1914; Л. А. Фин, «П. В. Анненков, первый издатель и биограф Пушкина». Сб. «А. С. Пушкин», Сароблгиз, 1937.

² Эта статья Дельвига, приписанная Пушкину Анненковым, была включена в круг несомненно пушкинских произведений в т. IX Сочинений Пушкина, изд. АН СССР, 1928—1929. Находка автографа Дельвига не разубедила Н. К. Козмина (примеч., стр. 950—951).

³ Ср. список (далеко не полный) безусловно принадлежащих Дельвигу статей «Лит. газеты» в «Библиографии», приложенной к «Полному собранию стихотворений» А. А. Дельвига под редакцией Б. В. Томашевского (1934), стр. 505—506.

1) «Когда Макферсон издал „Стихотворения Оссиана“...» («Лит. газета», 1830, № 5). С № 3 по № 13 и, может быть, даже по 14 в «Лит. газ.» нет статей А. А. Дельвига, который в это время отсутствовал в Петербурге. Сомову, как показывает изучение «Лит. газеты», сначала была поручена лишь нейтральная библиографически-аннотационная и переводная работа. Заметка о Макферсоне, в основном, состоит из переводных цитат. В стиле ее не видно ярких индивидуальных примет слога Вяземского (кроме, может быть, одного примера: «Закипела жаркая война на перьях»). Конструкция *война на перьях* и соответствующее каламбурное лексико-фразеологическое сочетание не встречаются в языке Пушкина (см. «Словарь языка Пушкина» — под словами *война* и *перо*). Но это выражение может принадлежать и Сомову. Кроме того, слово *делатель* («...Доктор Джонсон, человек отменно грубый, сильно напал на Макферсона и называл его обманщиком и злоумышленным *делателем* подлогов») неизвестно в других сочинениях Пушкина и занесено в «Словарь языка Пушкина» только из этой статьи.

Слово *покушение* сочетается в языке Пушкина только с предложением *на* (см. «Словарь языка Пушкина», т. III, стр. 493). Между тем в рассматриваемой заметке «Литературной газеты» употреблен предлог *против*: («отражать всякое *насильственное против меня покушение*»).

Но все это, конечно, еще не исключало вполне гипотезы об участии Пушкина в написании этой статьи, тем более что ярких следов стиля Вяземского в ней не находили.

В первых номерах «Литературной газеты» литературная полемика, по-видимому, была сосредоточена в руках основных членов редакции. По методу исключения, статью о Макферсоне и Джонсоне пушкинисты стремились приписывать Пушкину. Статья «Когда Макферсон...» была приписана Пушкину Н. О. Лернером в 1913 году¹ и входит, начиная с издания ГИХЛ (1933, т. V, стр. 919) и кончая полным академическим и составленными на его основе последующими изданиями, во все собрания сочинений А. С. Пушкина, в отдел *Dubia*. Правда, в сочинениях Пушкина еще один раз встречается имя Джонсона, но в ином, даже противоречащем контексте. В статье, посвященной «Слову о полку Игореве», Пушкин писал: «Некоторые писатели усомнились в подлинности древнего памятника нашей поэзии и возбудили жаркие возражения. Счастливая подделка может ввести в заблуждение людей незнающих, но не может укрыться от взоров истинного знатока. Вальполь не вдался в обман, когда Чаттертон прислал ему стихотворения старого монаха Rowley, Джонсон тотчас уличил Макферсона»². Между тем в приписыв-

¹ См. статью Н. О. Лернера в журн. «Северные записки», 1913, февраль, стр. 28—44.

² А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. XII, 1949, стр. 147.

ваемой Пушкину статье «Лит. газ.» считается недоказанною подделка Макферсона. «Когда Макферсон издал *Стихотворения Оссиана* (перевод, подражание или собственное сочинение, — этот вопрос, кажется, доселе еще не решен)... «Потом начали догадываться, допытываться и дознались (вправду или нет), что поэмы Оссиановы были поддельные»... Сам доктор Джонсон изображается в статье лишь как человек «отменно грубой».

Таким образом, для автора статьи он является лишь типическим воплощением бранчивого и грубого критика. Весь эпизод столкновения между Макферсоном и Джонсоном лишен принципиальной историко-литературной остроты. Он служит лишь аллегорической басней для морально-полемического вывода применительно к литературной современности. «Предлагаем это письмо как поучительный пример для наших журнальных критиков. И почему нашим Адиссонам не быть и нашими Джонсонами?» Но в этой плоскости тема о критике и полемике, о «неприличных и пристрастных выходках некоторых журналистов», затронутая Пушкиным в «Отрывке из литературных летописей», возродилась во второй статье Пушкина об «Истории русского народа» Н. Полевого («Лит. газ.», 1830, № 12): «Сказав откровенно наш образ мыслей насчет *Истории Русского народа*, не можем умолчать о критиках, которым она подала повод. В журнале, издаваемом ученым, известным профессором, напечатана статья¹, в коей брань доведена до исступления; более чем в 30 страницах грубых насмешек и ругательства нет ни одного дельного обвинения, ни одного поучительного показания». После упреков «Московскому вестнику» Пушкин заключает: «Ужели так трудно нашей братье критикам сохранить хладнокровие? Как не вспомнить по крайней мере совета старинной сказки:

То же бы ты слово,
Да не так бы молвил».

Понятно, что бранные эпитеты Джонсона, воспроизводимые в заметке «Лит. газеты» («обманщик и злоумышленный делатель подлогов»; «глупое и бесстыдное письмо»; «угрозы какого-нибудь негодая»; «я считал вашу книгу подложною», и т. п.), воспринимались на фоне тех ругательств, которыми осыпала русская критика «Историю русского народа» Полевого.

В самом деле, в «Вестнике Европы» Каченовского (1830, № 1) собран критиком (Надеждиным) такой букет бранных выражений для Н. А. Полевого: «рука, упражнявшаяся доньше только в подпускании шутих и заряде хлопущек» (39); «отважное хвастовство и решительная самонадеянность» (39); «лохмотья отъявленной нищеты», «уродливость изувеченного натурой калеки» (41—42); «ето—не более как безобразный хаос уродливых слов,

¹ «Выписки, коими наполнена сия статья, в самом деле пойдут в пример галиматый, но и самый текст от них не отличается». (Сноска. — В. В.)

скрипящих под тяжестью уродливых мыслей, нахватанных и отсюда и отсюда — без разбора, плана и цели: пустомыслие, оправданное пустословием, не имеющим даже жалкого преимущества — одурять внимание чадным куревом философического обскурантизма; одним словом — старая ветошь, даже не перешитая по новому покрою, на которой могло бы зазеваться праздношатающееся любопытство!..» (45) «Она призывает на себя смех задорностью, негодование чванством: и — только!..» (45); «Но отчего ж такая абсолютная ничтожность? Отчего такое бессмыслие в содержании? Отчего такое безобразие в обработке?..» (45, 46) «Наш витязь, вздумав сделаться историком, рассудил придется в те же очарованные доспехи туманного пустословия... Он считал себя уполномоченным на бессудное проповедование всякого вздора» (48, 49), на «паясничество и арлекинство» (50). «Можно ль составить что нелепее, нескладнее, безобразнее или — говоря языком самого сочинителя — диче?..» (50—51). «Так понимаемую — если только эта галиматья может быть понимаема — *Историю* нам советуется прежде и паче всего отличать от *простого врожденного человеку желания знать прошедшее*» (51). Многие в этой истории «стянуто у Тьерри, но так искусно, что хозяин с удовольствием согласится отказаться от своей собственности» (53). Автор «исполнил свою затею похватски!» (там же, примеч.). «О Гизо! о Геерен! о Тьерри! о Гердер! думали ли вы, что, в возмездие за ваши великие труды, суждено будет бессмертным именам вашим заключать собой столь нелепое, столь уродливое, столь дикое буюсловие?..» (57) «Как же можно столь отважно тешиться над простодушным легковерием, погромыхая пустыми словами без всякого смысла?» (61) «Почтеннейший изобретатель нового имени для Русской Истории. В упоении самодовольствия он просмотрел, что похищенную у Гердера мыслью сам же опровергает драгоценное свое изобретение, на коем основывал свою славу» (59—60). «Все пустились в воровство» (61, примеч.). «И наш писака смеет говорить, что Карамзин увлекался ложным понятием о политической системе! Не захочет ли он также похвастаться пред ним и той безурядицей, которая составляет увертюру *Истории Русского Народа*? Это сделано также совсем не по-карамзински!.. Оригинально нелепо...» (63—64). «Что — ежели это нелепое творение будет действительно прочтено великим человеком, которому так дерзко навязано?» (67) Нибур, видя «буйное велеречие несомнительной уверенности», «что скажет он тогда о писаке, обеспокоившем его внимание истертою ветошью, выданною за свежий товар — нового фасона и лучшей доброты?» (68). Оправдывая «уродливейшую нелепость» своих писаний, Полевой скажет тонким спокойной невинности: «Да чего вы от меня требуете! Ведь эта История — мое сочинение! Я взялся сочинить *Историю* — и — сочинил, как сумелось!» «Ему захотелось перетянуть Карамзина, а дотянулся ли и до Глинки?.. Дело еще сомнительное... *История*

Российская Глинки подогрета по крайней мере горячею любовью к отечеству, которую следовало бы, конечно, растворить несколько благоразумием: но Историю Русского Народа!.. Сие море великое и пространное: тамо гады, их же несть числа: животные малые с великими!» (71—72). Таким образом, автор статьи, рассказывая о Джонсоне, метил в «Вестник Европы», в Каченовского и в Надеждина.

Но Пушкин был недоволен и бранной критикой «Московского вестника». «...Критика Погодина ни на что не похожа», — писал он Вяземскому.¹ «Гремящая статья» Погодина, как называл ее сам автор, так характеризовала «Историю русского народа»: «Самохвальство, дерзость, невежество, шарлатанство в высочайшей и отвратительнейшей степени, высокопарные и бессмысленные фразы, все прежние недоразумения, выписки из Карамзина, переведенные на варварский язык и пересыпанные яркими нелепостями автора, несколько чужих суждений, непонятных и не развитых, ни одной мысли новой, ни истинной, ни ложной, ни одного объяснения исторического, ни одного предположения, ни вероятного, ни сомнительного, ни одной догадки, — и по несколько строчек на странице, написанных правильно из готовых выражений; вот отличительный характер нового сочинения, если уже не грех называть сочинением всякую безобразную компиляцию»².

В статье «Когда Макферсон издал „Стихотворения Оссиана“...» есть и другие полемические выпады против «Вестника Европы» и его редактора Каченовского. Эту статью легче понять в связи с пушкинским «Отрывком из литературных летописей». Именно на фоне этого произведения получают надлежащий — живой и современный — смысл такие строки из письма доктора Джонсона: «Я всеми мерами буду стараться отражать всякое насильственное против меня покушение; а чего не могу сделать сам, то сделают за меня законы. Надеюсь, что угрозы какого-нибудь негодяя никогда не отклонят меня от стремления изобличать обман» («Лит. газ.», 1830, № 5, стр. 50). Тут крылся явный намек на Каченовского и его распрю с Полевым. Каченовский заявил (в «Вестнике Европы», 1829, ч. 163, № 24, стр. 304): «препираться с Бенигнуою я не имею охоты, отказавшись навсегда от бесплодной полемики; а теперь не имею на то и права, приняв другие меры к охранению своей личности от игривого произвола сего Бенигны и всех прочих». Вслед за этим «оскорбленный как издатель В. Е., г. Каченовский решился требовать защиты законов, как ординарный профессор, статский советник и кавалер, и явился в Цензурный Комитет с жалобою на цензора, пропустившего статью г. Полевого». Однако, по ядовитой летописи Пушкина, «Михаил Трофимович несколько раз дозволял себе личности в своих критических статейках... и все сие в

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 61.

² «Московский вестник», 1830, ч. I, № 2, стр. 165.

непристойных, оскорбительных выражениях». А перед этим Пушкин с едкой иронией характеризовал «критики» Каченовского в таком мечтательном стиле: «Критики г. Каченовского должны будут иметь решительное влияние на словесность. Молодые писатели не будут ими забавляться, как пошлыми шуточками журнального Гаера (в рукописи было: «как статьями, наполненными восклицаниями, пошлою бранью и неуместными цитатами»). Писатели известные не будут ими презирать, ибо услышат окончательный суд своим произведениям, оцененным ученостью, вкусом и хладнокровием». Таким образом, Джонсон-Каченовский себе позволял такие грубые полемические выпады, каких сам не терпел со стороны других, прибегая к защите законов. Именно это забавное противоречие демонстрируют бранные фразы из мнимого письма Джонсона: «ваше глупое и бесстыдное письмо», «угрозы какого-нибудь негодяя» и т. п. На этот же стиль Каченовского указывал в своей объяснительной записке цензор С. Н. Глинка. Все это, наконец, было художественно воспроизведено Пушкиным в эпиграмме «Журналами обиженный жестоко, Зоил Пахом печалился глубоко»¹.

Таким образом, «Литературная газета», воспользовавшись литературной полемикой около «Истории русского народа» Полевого, в статье «Когда Макферсон издал „Стихотворения Оссиана“...» еще раз свела счеты с «Вестником Европы» и с Каченовским. Вопрос об авторской принадлежности статьи «Когда Макферсон...» не решается бесспорно. Доводы в пользу авторства Пушкина очень слабы и сомнительны, в пользу Вяземского — совсем единичны.

На авторство Пушкина может указывать синтаксический строй заметки, состоящий из нераспространенных предложений, скупой на эпитеты. Характерно до некоторой степени для пушкинского стиля своеобразное обострение конкретных значений глагольных приставок и основ: «все с восхищением читали их и перечитывали»; «потом начали догадываться, допытываться и дознались»; в переводе письма Джонсона: «а слышанное мною о вашем характере заставляет меня обращать внимание не на то, что вы скажете, а на то, что вы докажете».

Ср. в пушкинской заметке о Дурове: «Всевозможные способы достать их (сто тысяч рублей) были им придуманы и передуманы».

Все это не решает, однако, вопроса. Вероятнее всего, составителем заметки был О. М. Сомов, а потом она лишь подверглась редакционной правке со стороны Пушкина.

2) Б. В. Томашевский «догадывался», что Пушкину может принадлежать заметка о «Карелии» Глинки в № 6 «Литературной газеты», «очень близкая по тону с отзывом Пушкина об этом

¹ «Московский телеграф», 1829, № 7, стр. 257.

произведении, помещенном в № 10»¹. Но эта догадка опровергается историко-литературными фактами. За печатанием поэмы Глинки наблюдал О. М. Сомов. Он держал — вместе с бывшим секретарем «Вольного Общ. люб. Росс. Слов.» А. А. Никитиным — корректуру. Н. К. Замковым в статье «Пушкин и Ф. Н. Глинка»² было опубликовано письмо О. М. Сомова к Ф. Глинке от 22 января 1830 года, в котором Сомов сообщал: «Карелия ваша мне не чужая: в нынешнем (6-ом) № Газеты будет о ней сказано от души». Любопытно, что между суждениями письма Сомова о Карелии и краткой заметкой «Лит. газеты» есть совпадения. Так, Сомов пишет о «Карелии»: «Многие места в ней мне очень нравятся; особливо картины мест, поверья и сказки о Витязе-Заонеге. Она отпечатается к концу нынешнего месяца. Примечания к ней я переметил». Ср. текст заметки «Литературной газеты»: «К концу сего месяца отпечатается: Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой, описательное стихотворение Ф. Н. Глинки, в четырех частях или песнях. В раме исторического события поэт изобразил предания и поверья *лесной Карелы*. Четыре сказки о *Витязе-Заонеге*, помещенные в 3-й части, носят на себе общую печать русских народных сказок: чудесное в подвигах и богатырских встречах. Но более всего читателям понравится в Карелии местность тамошнего края, изображенная во всей дикой красоте ее. Примечания о нравах, обычаях и поверьях Карелов и проч. и проч. также весьма любопытны» (48).

Однако сравнение стиля этой заметки с позднейшим «Обзрением Российской словесности» О. М. Сомова в «Сев. цветах на 1831 г.» убеждает в том, что, вероятно, по рукописи Сомова действительно прошла пушкинская рука. Сомов писал в «Сев. цветах» о «Карелии» то же, но расплывчато, многословно и цветисто: «Событие, заимствованное поэтом из Истории, служило ему только рамами для поэмы описательной. Прекрасная в своей дикости природа Карелии, с ее чудными водопадами, с ее дремучими лесами, несчетными озерами и тундрами, изображена в картине великолепной, верной, заманчивой своим разнообразием. Одно из вводных лиц, назидательный собеседник знаменитой заточенницы, Марфы Иоанновны, рассказывает ей свою повесть, в которой поэт искусно совокупил с превратностями жизни инока набожные свои мечтания и восторги духовные, излитые в лирических отрывках. Нравы *лесной Карелы*, ее предания и поверья, духи, населяющие ее северные пустыни, народные сказки ее — все это набросано кистью смелою и пленяет теплотою красок, которою отличаются произведения нашего поэта живописца»³.

¹ Б. В. Томашевский, Пушкин, стр. 122.

² «Пушкин и его современники», т. VIII, вып. 29—30, стр. 92.

³ «Северные цветы на 1831 г.», стр. 44—45.

Симптоматично, что в своей рецензии на «Карелию» Глинки Пушкин ссылается на эту заметку как на «краткое изложение содержания сей поэмы», вполне его удовлетворяющее. «В № 6-м Литер. Газеты было вкратце изложено содержание сей поэмы». Рецензия Пушкина опирается на это изложение. Например, в рецензии читаем: «Духи основали свое царство в пустынях лесной Карелы. Вот как поэт наш изображает их». Заметка начинается той же мыслью: «В раме исторического события поэт изобразил предания и поверья лесной Карелы». Стиль Пушкина здесь ярче выступает из такого сопоставления с образами пушкинской рецензии на «Юрия Милославского», помещенной в предшествующем № 5 «Литературной газеты»: «Романическое происшествие без насилия входит в раму обширнейшую происшествия исторического» (стр. 38). «Приверженность к чудесному» — по Пушкину, признак готической народной, то есть романтической поэзии (см. «О ничтожестве литературы русской»).

«Местность тамошнего края, изображенная в дикой красоте»; ср. «Г-н Полевой утверждает, что дикая поэзия согревала душу скандинава» («О истории Полевого», ст. II). Ср. «Катенин... вздумал показать нам Ленору в энергической красоте ее первобытного создания» («О сочинениях П. А. Катенина»).

3) Рецензия на роман Альфреда де Виньи «Сен-Марс, или Заговор при Людовике XIII» из № 7 «Литературной газеты» 1830 года была приписана Пушкину Б. В. Томашевским¹. Главным основанием этой догадки послужил восторженный отзыв рецензента о романе Манцони «Обрученные». Известно, как высоко ставил Пушкин это произведение Манцони. Развивая те же мысли в комментарии к переписке Пушкина с Е. М. Хитрово, Б. В. Томашевский старается подтвердить свою гипотезу также указанием на «сходство в концепции романа Манцони в ее понимании критиком «Литературной газеты» с сюжетной схемой „Капитанской дочери“»². Но этот аргумент не имеет большого значения, так как сюжетная схема и «Обрученных» и «Капитанской дочери» восходит в основном к Вальтеру Скотту. Следовательно, сюжет «Капитанской дочери» мог сложиться у Пушкина независимо от влияния Манцони (ср., например, ту же сюжетную схему в романе В. Зотова «Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона», 1832). Однако есть все основания утверждать, что эта статья о Сен-Марсе написана не Пушкиным, а вероятнее всего — О. М. Сомовым. Против принадлежности этой статьи Пушкину говорит явное несоответствие критической оценки в ней «Сен-Марса» с неизменно отрицательными отзывами Пушкина об Альфреде де Виньи («чопорном, манерном») и об

¹ Б. В. Томашевский, Пушкин, стр. 122—123; ср. «Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово», Л. 1927, стр. 250—251.

² «Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово», Л. 1927, стр. 250—251.

его «облизанном романе» (см. статью «Все́м известно, что французы народ самый антипоэтический»; письмо к М. П. Погодину в начале сентября 1832 г.; статью «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая”»). Пушкин писал в своей статье «Все́м известно, что французы народ самый антипоэтический» (1832): «Не знаю, признались ли наконец они в том же и вялом однообразии своего Ламартина, но тому лет 10 они без церемонии ставили его наравне с Байроном и Шекспиром — *Cinq Majs*, посредственный роман графа де Виньи, — равняют с великими созданиями Вал. Скотта». В статье «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая”» Пушкин отзывается о «чопорном, манерном» Альфреде де Виньи и его «облизанном романе» в тех же выражениях: «Что сделал из него [из Мильтона] г. Альфред де Виньи, которого французские критики без церемонии поставили на одной доске с В. Скоттом?»...

Вскрыв исторические, бытовые и литературные несообразности, нелепости вымыслов в развитии «Сен-Марса», Пушкин иронизирует: «А какое дело графу де Виньи до всех этих нелепых несообразностей? Ему надобно, чтоб Мильтон читал в парижском обществе свой Потерянный Рай и чтоб французские умники над ним посмеялись и не поняли духа великого поэта... и из этого выйдет... эффектная сцена»... С точки зрения исторического реализма, Пушкин выдвигает целый ряд возражений против литературного метода Альфреда де Виньи: «Или мы очень ошибаемся, или Мильтон, проезжая через Париж, не стал бы показывать себя, как заезжий фигляр, и в доме непотребной женщины забавлять общество чтением стихов, писанных на языке, неизвестном никому из присутствующих, жеманясь и рисуясь, то закрывая глаза, то возводя их в потолок. Разговоры его с Дету, с Корнелем и Декартом не были бы пошлым и изысканным пустословием». «Удивительным вымыслом» графа де Виньи, не довольствующегося «простым, незначащим и естественным изображением», а всегда бьющего на внешний «эффект», Пушкин противопоставляет «просто написанную картину» другого живописца — именно Вальтера Скотта. В письме к М. П. Погодину (в первой половине сентября 1832 г.) Пушкин, набрасывая программу своей газеты «Дневник», с неизменным постоянством повторил отрицательный отзыв о романах А. Виньи: «Романы А. *Vigny* хуже романов Загоскина».

Сопоставив эти высказывания с рецензией Пушкина на «Юрия Милославского» Загоскина, легко убедиться, что Пушкин относил Альфреда де Виньи к тем подражателям Вальтера Скотта, которые, «подобно ученику Агриппы, вызвав демона старины, не умели им управлять и сделались жертвами своей дерзости. В век, в который хотят они перенести читателя, перебираются они сами с тяжелым запасом домашних привычек, предрассудков и дневных впечатлений... Сколько несообразностей, ненужных мелочей, важных упущений! Сколько изысканности!

а сверх всего, как мало жизни!» («Лит. газета», 1830, № 5, стр. 38). Тут встречаются те же выражения, те же образы, что в отзывах о романе де Виньи. Этот манифест исторического реализма не имеет ничего общего с принципами, лежащими в основе рецензии «Литературной газеты» на «Сен-Марса». Пушкин не мог бы поставить рядом Манцони и Альфреда де Виньи — среди последователей Вальтера Скотта. В № 7 рецензент «Лит. газеты» пишет об этом «облизанном романе» де Виньи: «Вообще роман сей по праву должен нравиться людям, которых воображение не иначе любит видеть историю, как сквозь радужную призму вымысла». Иначе звучит определение историко-реалистического романа у Пушкина: «В наше время, под словом роман, разумею историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании» («Лит. газ.», 1830, № 5, стр. 37). Точно так же нет никаких точек соприкосновения между пушкинской оценкой «Сен-Марса» и отношением к нему критика «Лит. газеты». Признавая в «Обрученных» Манцони более «искусства романиста», чем в «Сен-Марсе», рецензент недостаток романа де Виньи видит только в прямолинейном развитии сюжета: «Здесь с самого начала можно предузнать развязку; видишь, к чему сочинитель ведет своего героя путями явными. Можно почти сказать, что автор сам взялся быть судьбою исторического лица, им избранного». Но, указывая на «недостаток высших соображений в целом», критик восторгается живостью и естественностью картин, частностями: «Роман сей, в частности, заключает в себе много истинных красот. Таковы пытка и мученическая смерть священника Грандье, таков портрет кардинала Ришелье, богато обставленный в кабинете сего Прелата-Министра; таковы многие характеристические черты в лицах Людовика XIII, Сен-Марса, молодого де Ту и проч... Картина казни Сен-Марса, хотя и отзывается подражанием, но жива и естественна». Таким образом, рецензент находит в «Сен-Марсе» живость и естественность, то есть как раз то, в отсутствии чего упрекал де Виньи Пушкин. Пушкинские суждения об Альфреде де Виньи и «Сен-Марсе» сохранились также в черновых набросках статьи о романе Загоскина «Юрий Милославский», напечатанной в № 5 «Лит. газеты» за 1830 год. Они тоже диаметрально противоположны рассуждениям критика «Лит. газеты» из № 7. Из черновой рукописи Пушкина (№ 2382 Библиотеки имени В. И. Ленина) становится ясным, что именно Альфреда де Виньи Пушкин относил к числу тех неудачных подражателей Вальтера Скотта, которые перебираются в изображаемую эпоху «сами с тяжелым запасом домашних привычек, предрассудков и дневных впечатлений: «Сколько несообразностей, ненужных мелочей, важных упущений, сколько изысканности и как мало жизни. (Одна умная дама сравнивала роман Альфреда де Виньи с бледной дурной литографией.) Однако же сии бледные произведения читают в Европе». От «сих бледных произведений» Пуш-

кин резко отделяет лишь сочинения Купера и Манцони. Таким образом, заметка о «Сен-Марсе» Альфреда де Виньи в № 7 «Лит. газеты» несомненно не пушкинская¹.

Любопытно, что та часть рассматриваемой статьи «Лит. газеты», которая говорит о романе Манцони, очень близка к восторженной рецензии Вяземского на «Обрученных», находящейся в «Старой записной книжке». Таким образом, именно то, что толкнуло Б. В. Томашевского на догадку об авторстве Пушкина, позволяет связать эту статью с именами О. М. Сомова или, что гораздо менее вероятно, П. А. Вяземского, стиль которого в рецензии на роман Манцони все же резко отличается от стиля рецензии «Лит. газеты». В рецензии на Манцони Вяземский пишет: «Основание романа самое простое, а именно свадьба в XVII в. двух обрученных жителей бедной итальянской деревни, а свадьба все далее и далее отсрочивается силою разных препятствий. И какие же это препятствия? Замечательнейшие исторические события, которые сталкиваются с этою свадьбою или к которым, господствующею силою обстоятельств, прибавляется беспрерывно эта свадьба... Автора, выдумщика нигде не видно: все делается как будто само собою; так и кажется, что оно иначе совершаться не могло. Тут развивается со всеми последствиями своими живая картина безначальства, господствовавшего в Италии во времена самого деспотического, чуждого владычества испанцев: картина утеснений, чинимых помещиками, картина голода, постигшего Миланскую область, и чумы, которая вскоре за ним последовала»². «Приключения крестьянки Лучии и крестьянина Лоренцио протекают среди сих величественных и ужасных явлений, но вовсе не поглощаются ими. Внимание читателя, сильно и тревожно возбужденное глубокими впечатлениями от исторических событий, пред ним совершающихся, ни на минуту не теряет из вида обрученников и не остывает в участии, которое принимает в судьбе этих двух смиренных личностей. Казалось бы как не затеряться им в этом бурном потоке? Нет, они везде выплывают и сохраняют подобающее им место в обширном повествовании». Ср. в рецензии «Лит. газеты»: «Сочинитель с большим искусством привязал внимание и участие читателей к судьбе

¹ Акад. М. Н. Розанов, отказываясь признать эту заметку произведением Пушкина, писал: «Первая же фраза статьи опровергает эту гипотезу; выделить де Виньи, как особенно талантливого из французских последователей В. Скотта, мог кто-нибудь другой, а отнюдь не Пушкин, который всегда ценит Виньи как романиста очень низко». Статья «Пушкин и итальянские писатели XVIII и начала XIX века», «Известия Академии наук СССР», Отделение обществ. наук, 1937, № 2—3, стр. 365, примечание.

² П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 32—34. Ср. в рецензии «Лит. газеты»: «...видишь Италию описываемой эпохи, видишь страсти народные в борьбе с чужевластием; становишься как бы очевидцем чумы и голода, порывов мятежной черни, и пр. и пр.» Эти стилевые различия между рецензией Вяземского и рецензией «Лит. газеты» в изложении одних и тех же мыслей и событий доказывают, что автором рецензии «Лит. газеты» был не Вяземский, а Сомов.

обрученных, которых взял он из звания мирных поселян и бросил в самый вихрь мятежей и событий исторических, покрыв совершенную неизвестностью будущую судьбу своих героев и, можно сказать, затеряв их на время, чтобы после обрадовать читателя нечаянною с ними встречей». Очень интересна одна параллель между рецензией Вяземского и «Лит. газеты» — противопоставляя роман Манцони «Сен-Марсу», критик «Лит. газеты» пишет о недостатке искусства романиста у де Виньи: «...видишь, к чему сочинитель ведет своего героя путями явными. Можно почти сказать, что автор сам взялся быть судьбою исторического лица, им избранного». А об «Обрученных» Вяземский писал: «Нигде не видишь следов авторской иглы, которая часто сшивает события, как пестрые лоскутья на живую нитку... Нет, у Манцони везде видна твердая и никогда даром недвигающаяся рука судьбы». Таким образом, нет никаких оснований отзыв «Лит. газ.» о Манцони связывать с именем Пушкина. С гораздо большей вероятностью можно приписывать его О. М. Сомову или с меньшей — П. А. Вяземскому.

Действительно, кое-что в рецензии напоминает стиль Вяземского. К Вяземскому же ведет отчасти высокая оценка романа де Виньи. В «Старой записной книжке» Вяземский так отзывался о «Сен-Марсе»: «Французская литература много успела в последние годы в роде, как назвать, романтическом, или естественном, в противоположность роду классическому, который весь искусственный. Этот роман весь озаглавлен какою-то трезвостью, истиною, которая имеет свою свежесть, как вода, которая бьет из родника и питает на месте, а не приторная вода, увядшая и согретая в буфете. У Альфреда де Виньи нет глубокости Вальтера Скотта; но есть тонкость, верность в живописи»¹. Однако трудно не увидеть здесь при общности точки зрения с рецензией «Лит. газеты» резкие различия в стиле.

Итак, рецензию «Литературной газеты» на роман Альфреда де Виньи «Сен-Марс, или Заговор при Людовике XIII» вероятнее всего связывать с О. М. Сомовым.

В языке и стиле рецензии «Лит. газеты» есть такие особенности, которые делают это предположение об авторстве О. М. Сомова вполне убедительным. Достаточно указать такие шаблонные перифразы и описательные выражения, совершенно не свойственные пушкинскому стилю:

а) «заключает в себе черты отличного достоинства» (ср. у Пушкина: «сцена Заремы с Марией имеет драматическое достоинство»); «Владимиреско не имеет другого достоинства, кроме храбрости необыкновенной» (из кишиневского дневника); «Политические речи его имеют большое достоинство» («Собр. соч. Георгия Кониского»); «первая песнь Бовы имеет также достоинство» («Александр Радищев»);

¹ П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. IX, СПб. 1884, стр. 46.

б) «Сочинитель с большим искусством привязал внимание и участие читателей к судьбе обрученных». Ср. у О. М. Сомова в «Обзрении российской словесности за... 1830 г.»:¹ «жертвою (интриги. — В. В.) становится лицо, не привязавшее к себе соучастия зрителей»;

в) «воображение не иначе любит видеть историю, как сквозь радужную призму вымысла». Ср. у О. М. Сомова в «Обзоре российской словесности за 1827 г.»:² «Дамский журнал, сквозь призму желтой своей обертки и пестреньких картинок, пропускал в благоприятных цветах свою прозу»;

г) «покрыв совершенную неизвестностью», и др. под.

Таким образом, язык и стиль заметки находят себе больше всего параллелей и соответствий в сочинениях Сомова³.

4) Ор. Сомову принадлежит и другая заметка из № 11 «Лит. газеты»: «Кажется, русским любителям чтения», приписанная Б. В. Томашевским Пушкину. Это — перечень книг, ничем не отличающийся от других библиографических заметок Сомова в «Лит. газете». Здесь на одну ступень поставлены такие исторические романы: «Юрий Милославский» Загоскина, «Димитрий Самозванец» Булгарина и «Шемякин суд» Свинына, о котором дана наиболее подробная аннотация, по-видимому, со слов автора, так как роман этот вышел только в 1832 году. В пользу авторства Сомова говорит и такое обстоятельство. Непосредственным продолжением этой заметки является сообщение о литературных новостях в № 13 «Лит. газеты»: «В исчислении новых романов, сочиняемых или печатаемых, забыли мы упомянуть еще об одном. Это: *Князь Курбский*, исторический роман г. Федорова. Роман сей печатается и скоро выйдет в свет» (106). Трудно сомневаться в том, что это дополнение инспирировано самим Свиныным, который считал «Курбского» родоначальником всех русских исторических романов. В предисловии к «Шемякину суду» П. П. Свинын писал: «Усердно желаю, чтобы слабая попытка моя — раскрыть отдаленнейшую древность Русскую пробудила охоту в Русских авторах, более меня сведущих в истории и древностях нашего отечества, заняться обработкою какого-нибудь события из первых времен царства Русского или порабощения России татарами, подобно тому, как счастливые опыты романа *Курбский*, для украшения коими *Отечественных Записок* я имел счастье споспешествовать автору убеждениями, ручательством в блестящем успехе и прочими, зависевшими от меня пособиями, породили Юрия Милославского, Самозванца, Рославлева и многие другие прекрасные русские романы, которые распространили вкус к Историческим романам, — которые,

¹ «Северные цветы на 1831 г.», стр. 7.

² «Северные цветы на 1828 г.», стр. 19.

³ Включение рецензии на «Сен-Марс» из № 7 «Лит. газеты» 1830 г. в собрание сочинений А. А. Дельвига (СПб. 1893, изд. Евгения Евдокимова, стр. 123—124) ошибочно.

правду сказать, во всех отношениях достойнее всего занимать отличные таланты и просвещенную публику»¹.

5) Два анекдота, помещенные в № 8 «Литературной газеты» за 1830 год, несомненно принадлежат Пушкину. Они и связывались долгое время с именем Пушкина и помещались в собрании сочинений А. С. Пушкина в отделе Dubia, начиная с ефремовского издания (т. V, 1881, стр. 332) (ср., напр., Полн. собр. соч. А. С. Пушкина, изд. 4, Гослитиздат, т. V, стр. 597). Самый жанр таких анекдотов культивировался Пушкиным («Table-talk») и отчасти Вяземским (в «Старой записной книжке»). В стиле двух анекдотов, напечатанных в № 8 «Литературной газеты» за 1830 год, нет ничего, что отличало бы их от лаконического стиля других пушкинских анекдотов. Самая структура их однотипна и напоминает построение других анекдотов из «Table-talk».

Вот эти два анекдота:

«Старый генерал Щ. представлялся однажды Екатерине II. «Я до сих пор не знала вас», сказала императрица. «Да и я, матушка государыня, не знал вас до сих пор», отвечал он просто-душно. «Верю», возразила она с улыбкой: «Где и знать меня, бедную вдову!»

«Шувалов, заспорив однажды с Ломоносовым, сказал ему сердито: «Мы отставим тебя от Академии». — «Нет, — возразил великий человек, — разве Академию отставите от меня».

Ср. анекдот (XVI) из «Table-talk»:

«Сатирик Милонов пришел однажды к Гнедичу пьяный, по своему обыкновению, оборванный и растрепанный. Гнедич принялся увещевать его. Растроганный Милонов заплакал и, указывая на небо, сказал: «Там, там найду я награду за все мои страдания...» — «Братец, — возразил ему Гнедич, — посмотри на себя в зеркало: пустят ли тебя туда?»²

Ср. в анекдоте (XVII) «Об арапе графа С**»:

«В назначенный день нищие пришли, по своему обыкновению. Но швейцар прогнал их, говоря сердито...»

Многие анекдоты из «Table-talk» начинаются той же формулой, что и два анекдота «Литературной газеты»: «Дельвиг однажды вызвал на дуэль Булгарина»; «Дельвиг звал однажды Рылеева к девкам»; «Денис Давыдов явился однажды в авангард к князю Багратиону»...

Суть краткою диалога (обмена репликами) в анекдоте сводится к каламбуру или к острой неожиданности, создаваемым заключительной репликой. Так в разговоре Ломоносова с Шуваловым. То же в таком анекдоте из «Table-talk»: «Денис Давыдов явился однажды в авангард к кн(язю) Багратиону и сказал: «Главнокомандующий приказал доложить вашему сиятельству, что неприятель у нас на носу, и просит вас немедленно отсту-

¹ «Шемякин суд». Роман П. П. Свиньина, М. 1832, ч. I, стр. VII.

² А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. XII, стр. 159.

пать». Багратион отвечал: «Неприятель у нас на носу? на чьем? если на вашем, так он близко; а коли на моем, так мы успеем еще отобедать»¹.

В справочном томе нового Академического собрания сочинений А. С. Пушкина предлагается эти два анекдота из «Литературной газеты» включить в раздел *Dubia*. Здесь же упомянуто, что второй анекдот впоследствии введен Пушкиным в «Путешествие из Москвы в Петербург», гл. «Ломоносов» (т. XI, стр. 254)². Здесь читаем: «В другой раз, заспоря с тем же вельможею, Ломоносов так его рассердил, что Шувалов закричал: «Я отставлю тебя от Академии». — «Нет, — возразил гордо Ломоносов, — разве Академию от меня отставят»³.

б) Статья «О русских шутках» в № 18 «Лит. газеты», приписанная Пушкину Н. О. Лернером, а Б. В. Томашевским отнесенная к творчеству О. Сомова⁴, вероятнее всего принадлежит Вяземскому. Прежде всего в языке этой заметки есть своеобразные приметы манеры Вяземского, его слога. Таковы каламбурные выражения, а также и метафоры книжно-юридического или промышленно-коммерческого характера, профессионально-технического характера, в общем несвойственные прозаическому стилю Пушкина: «Кто-то заметил, что русские шутки выгодно пользуются правом давности». Ср. «Эта шутка, упавшая в ином журнале, тотчас была поднята с пола другим и теперь идет опять в гору».

«Журналы, журналисты, подписчики сменяются новыми, а шутка все ведется та же».

«Иная шутка идет у них на десять лет...»

Есть некоторая изысканность в метафорах, роднящая шатобриановский стиль прозы Вяземского с языком поэзии. Например: «Мы видели эту колкость в цветущей поре ее в журналах, которые после заменили ее каким-нибудь Грипусье или другими замысловатыми вдохновениями домашней веселости».

Еще один пример каламбурно-метафорического употребления слова *нетленный*, вероятно, опирающийся на пушкинский стих:

И Страсбурга пирог нетленный,

но обставленный, как это всегда бывает у Вяземского, целой серией подготовительных образов:

«Иная шутка идет у них на десять лет, переходит в журнальном мире из одного поколения в другое и применяется, смотря по обстоятельствам, к разным лицам. Журналы, журналисты, подписчики сменяются новыми, а шутка все ведется та же. Одна из таких нетленных шуток есть эпитет знаменитых, приписываемый в ироническом смысле к некоторым именам».

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. XII, стр. 158.

² Там же, Справочный том. Дополнения и исправления. 1959, стр. 67.

³ Там же, т. XII, стр. 254.

⁴ Б. В. Томашевский, Пушкин, стр. 121.

В этих словах заключался полемический выпад против Полевого, обнажаемый затем ссылкой на «Грипусье и другие замысловатые вдохновения домашней веселости». А этот выпад был ответом на разные заявления Полевого, задевавшие не столько Пушкина, сколько его знаменитых друзей, и прежде всего Вяземского. Уже в первом номере «Московского телеграфа» за 1830 год Полевой писал: «А. С. Пушкин подарил Северные Цветы прелестною шуткою: он описал забавную литературную распрю Вестника Европы с г-м Бенигнуо (имеется в виду пушкинский «Отрывок из литературных летописей». — В. В.). Рады, что шуточный Бенигна доставил А. С. Пушкину случай написать столь милую шутку, и, может быть, вскоре Бенигна доставит ему новый случай к такой же статейке, где вместо Вестника Европы второе лицо составят совсем другие и, может быть, более значительные, знаменитые в литературе лица. Будет ли поэт так же беспристрастен тогда, как теперь?»¹. Полевой, несомненно, хотел выступить с развернутой критикой публицистики Вяземского.

Любопытно, что параллельные высказывания Пушкина, по видимому, связанные с этой статьей Вяземского, изложены совсем другим стилем. Так, в заметке по поводу шуток журналистов над «душегрейкой новейшего уныния» И. В. Киреевского Пушкин писал: «Положим, все та же шутка (ср. у Вяземского: «а шутка все ведется та же») каждый раз им и удастся; но какая им от того прибыль? Публике почти дела нет до литературы, а малое число любителей верит наконец не шутке, беспрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно, пробивающимся мнениям здравой критики и беспристрастия». Слово *прибыль* — непосредственно характеризует торгашей от литературы и не находится ни в какой связи с выражением Вяземского о шутках: «Русские шутки выгодно пользуются правом давности». Ср. также у Пушкина: «Шутки наших критиков приводят иногда в изумление своею невинностию». И тут опять мало общего с «замысловатыми вдохновениями домашней веселости» в языке Вяземского.

Для иронического выражения «замысловатые вдохновения домашней веселости» можно найти у Пушкина некоторую, правда, очень отдаленную параллель в «Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений»: «шутка, вдохновенная сердечною веселостию»; «и в младенческой игривости шутки, и в забавах ума, вдохновенного веселостию» («Путешествие В. Л. П.»).

Любопытно, что в черновых набросках заметки: «Шутки наших критиков приводят иногда в изумление своею невинностию» — была фраза, тоже лишь отдаленно напоминающая выражения статьи «Лит. газеты» о шутках: «Положим, русская

¹ «Московский телеграф», 1830, № 1, стр. 82.

шутка столь смешная, будучи повторена в сотый раз, им и удается»¹.

Ср. пример употребления слова *вдохновение* во множ. числе: «С чувством глубоким уважения и благодарности взираем на поэта, посвятившего гордо лучшие годы жизни исключительно труду, бескорыстным вдохновениям» («Илиада Гомерова»). Ср. в «Лит. газете», в статье П. А. Вяземского: поэты второстепенные «не столько внимательны к вдохновениям первобытным и непосредственным» («Лит. газета», 1830, № 2, стр. 13).

К теме повторения шуток и острых слов относятся такие замечания Пушкина: «Tous les genres sont bons hors le genre epique. Хорошо было сказать это в первый раз; но как можно важно повторять столь великую истину? Эта шутка Вольтера служит основаньем поверхностной критике литературных скептиков» («Отрывки из писем, мысли и замечания»). «Эпиграмма... как и всякое острое слово, теряет всю свою силу при повторении» («О Баратынском»). «Повторенное острое слово становится глупостью» (Материалы к «Отрывкам из писем...»).

Эпитет *знаменитых*, укорененный Н. А. Полевым, был затем подхвачен «Галатеей» Раича (1830, ч. XII, № 8, стр. 82), неодобрительно отозвавшейся о «Литературной летописи» Пушкина: «Мы с своей стороны постараемся изложить исторические причины, *sine ira et studio*, побудившие знаменитого нашего поэта написать незначительную статью для «Северных цветов». В Вестнике Европы помещен был разбор Полтавы, который имел несчастье не понравиться А. С. Пушкину. Вот сочинитель Полтавы, оставив на время поэтические занятия, принялся за (как говорит Вольтер) *vile prose*, втиснул ее в Северные Цветы, только не *sine ira et studio* относительно издателя Вестника Европы». Уже в своем обзоре новых альманахов (1830, № 1) Полевой сильнее всего задевает именно Вяземского, хотя затрагивает вскользь и Дельвига.

В альманахе «Денница» на 1830 год Вяземский поместил «Отрывок из письма к А. М. Готовцевой». Здесь он обрушивается на все журналы, кроме «Атеней». Хотя и не прямо, так как имена не названы, но больше всего достается «Московскому телеграфу». Вяземский писал: «Кто-то сказал, что с некоторого времени журналы наши так грязны, что их не иначе можно брать в руки, как в перчатках»². «Литературу называют выражением общества: следует вступить за общество, избличая лживость выражения поддельного и оскорбительного для чести ее. Литература наша, то есть журнальная, то воинственная, то рыночная, не есть выражение общества, а разве некоторых темных закоулков его»³. По словам Полевого, «главные из осужденных

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. IX, стр. 322.

² П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. II, СПб. 1879, стр. 142.

³ Там же, стр. 143—144.

журналистов легко узнают себя по намекам князя Вяземского»¹. И Полевой, как самый главный из этих осужденных, поднимает перчатку, вступает в бой с Вяземским: «Давно ли настало грязное для журналистов время?.. Давно ли сам князь П. А. Вяземский перестал писать в журналах? Он негодует на полемику; а кто ее завел? Кто первый довел брани журнальные до последней крайности, писал едкие сатиры, заводил пустые споры, забавлял публику эпиграммами на соперников?.. А теперь, когда журналисты увидели наконец, что знаменитые друзья только шумят и спорят, когда узнали, что проза, «рдеющая какою-то насильственной пестротой и движущаяся судорожными припадками»², не большая помощь словесности; что пустые, хотя и звонкие возгласы не история;³ что стихи, где насильственную рифмою скованы остроты Пиронов с мыслями Байрона⁴, или где сквозь греческий хитон, сшитый по мерке немецкого портного, виден парижский модный фрак⁵, не поэзия; когда век движется вперед, смеется над безделками, какими забавляли его в бывалое время, ищет новых идей, и журналисты начали смело удовлетворять таким потребностям века — они сделались виноваты?» Приведя презрительные суждения Вяземского о журналах, Полевой спрашивает: «Так ли должен говорить беспристрастный, незапоздалый, не сердитый за это, не увлекаемый коньком оскробленного самолюбия человек?.. Пишите, обличайте; увольте только нас от оскорбительных и слишком феодальных общих выражений, которые в мирной республике наук и словесности не годятся... Пишите яснее: грозы вашей никто не пугается; но только позвольте наперед вам припомнить... что теперь требуются не знаменитости, а дела; что от блаженного 1820-го года, когда на коленях стояли перед авторитетами старой памяти, прошло десять лет, а в сии десять лет Россия шагала во всех отношениях, и политическом и литературном, и теперь в литературе многое разгадано, с многого сорвана маска: многим гораздо выгоднее теперь сидеть тихонько с листочком, выдернутым из старого лаврового венка, нежели шуметь и указывать знающим более их».⁶

Булгарин в своей рецензии на VII главу «Евгения Онегина» писал: «В № 3 «Московского телеграфа» на сей 1830 г. (на стр. 356 и 357) объяснено нынешнее состояние общего мнения в литературе и, между прочим, сказано: «Ныне требуют от писателей не одной подписи *знаменитого* имени», но достоинства внутреннего и изящества внешнего. — Справедливо!» («Сев. пчела».

¹ «Московский телеграф», 1830, № 1, стр. 79.

² Цитата из статьи Вяземского с ироническим применением к прозе Вяземского. См. Полн. собр. соч., т. II, стр. 142.

³ Намек на «Историю» Карамзина.

⁴ Выпад против Пушкина или самого Вяземского.

⁵ Выпад против Дельвига.

⁶ «Московский телеграф», 1830, № 1, стр. 80—81.

1830, № 35). И позднее во «Втором письме из Карлова» («Сев. пчела», 1830, № 94) Булгарин автором эпитетов — *знаменитые и литературные аристократы* — признавал Полевого. Тут он говорил о поэтах и прозаиках, которых издатель «Московского телеграфа» в шутку назвал «знаменитыми и литературными аристократами». Любопытны замечания Вяземского в письме к М. А. Максимовичу (от 23 января 1831 г.) по поводу его литературного обозрения в «Деннице» на 1831 год: «Мне жаль видеть, что и вы... говорите о *знаменитостях*, об *аристократии*. Оставьте это «Северной пчеле» и «Телеграфу» — у них свой *argot*, что называется, свой воровской язык; но не принадлежащему шайке их неприлично марать свой рот их грязными поговорками»¹.

На эти критические нападки Полевого Пушкин уже ответил своей заметкой о статьях князя Вяземского в № 10 «Лит. газеты». Следовательно, Пушкину заметка о русских шутках явно не принадлежит. Естественнее всего приписать ее Вяземскому. Вяземский не раз возвращался к вопросу о русских шутках. «Французская острога, — писал он, — шутит словами и блещет удачным прибором слов. Русская — удачным приведением противоречивых положений. Французы шутят для уха, русские для глаз. Почти каждую русскую шутку можно переложить в карикатуру»².

Вероятно, весь отдел «Смеси» в № 18 «Литературной газеты» написан П. А. Вяземским. Во всяком случае, очень близко к стилю Вяземского начало следующего сообщения «Смеси»: «Многие из наших авторов ссылаются, как на дипломы *за рукоприкладством славы*, на переводы сочинений своих на иностранные языки. Часто эта слава в наклад: лучше сидеть дома, чем ходить в гости и встречать худое приветствие».

7) Вяземскому принадлежит заметка в № 23 «Лит. газеты» (от 21 апреля): «Все благоразумные люди предвидели» (186). В сущности, и Н. О. Лернер, высказавший догадку об авторстве Пушкина в отношении этой статьи, полагал, что «с равными основаниями можно приписать эту заметку кн. П. А. Вяземскому»³. Здесь те же черты языка и стиля Вяземского, и есть даже общие выражения с статьей в № 18 «Лит. газеты»: «„Сыну отечества“», как журналу заслуженному, пользующемуся некоторым вниманием, основанным по крайней мере на праве давности».

Вместе с тем через всю статью протекает повертываемый в разные стороны военный образ бомбы: «Вот — слова из «Сына отечества» (№ 15, 1830, стр. 165), которые, как бомба, пущенная

¹ С. И. Пономарев, Памяти князя П. А. Вяземского, СПб. 1879, стр. 104—105.

² П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. IX, стр. 22.

³ «Пушкин и его современники», вып. XII, стр. 134.

в неприятельский стан, возвестили крутой и неожиданный разрыв перемирия»... «Понимаем также в этом отношении и советливое молчание «Телеграфа» о романе: *Димитрий Самозванец*, которое, впрочем, может быть, также скоро разорвется нечаянною бомбою»¹.

В этот изысканный стиль внедряются характерные разговорные обороты иногда с индивидуальной перестройкой их: «Все благоразумные люди предвидели, что дружбе «Телеграфа» с «Сыном отечества» *недолго сдобровать*».

Наконец, резкое чередование длинных и запутанных периодов с короткими фразами также показательно для языка Вяземского. И еще одно замечание: Вяземский обычно кончает свои критические статьи моральными сентенциями и наставлениями. Так, он пишет в данной заметке: «Выражение: некто г-н Николай Полевой, есть выражение не литераторское, не вежливое. Осуждайте творение, но имейте всегда уважение к лицу». Ср. хотя бы конец статьи «О духе партий, о литературной аристократии»: «Но все же есть мера и неведению и невинности. Мало ли что ребенок, больной или слепец могут сделать несообразного с общим порядком, но на них есть дядьки, сестры милосердия и вожатые. Говорите, что стихи, что проза князя такого-то не хороши, мнения в этом случае свободны и вкусы независимы. Вы, может быть, и правы; но оставьте княжество его в стороне»².

Правда, и у Пушкина есть образы из военной сферы — в применении к писателям, но в пушкинском употреблении метафоры всегда соблюдены единство и последовательность ее развития: «Таким образом дружина ученых и писателей, какого б (рода) они ни были, всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности. Не должно им малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды, все опасности» («Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений»).

С другой стороны, именно Пушкин возражал против апелляции Вяземского к светской вежливости, а ведь ссылка на невежливость выражения образует полемическую вершину разбираемой заметки. В набросках статьи о критике и полемике «Лит. газеты» Пушкин выражал свое несогласие с приемами и принципами полемики, развитыми Вяземским: «Во-первых, что значат вечные толки о вежливости? Если бы критики наших журналов погрешали единою своею грубостию, то беда была бы еще меньшая».

8) Внимательное изучение содержания, языка и стиля анонимных статей «Лит. газеты» позволяет найти имена авторов для большей части этих статей. В связи с этой работой выяс-

¹ См. употребление слова *бомба* в языке Пушкина. «Словарь языка Пушкина», т. 1, стр. 162.

² П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. II, стр. 164—165.

няется, что неизменно печатаемая в собрании сочинений Пушкина заметка «Требуется ли публика извещения»... (О личностях в критике) из № 20 «Лит. газеты» за 1830 год принадлежит не Пушкину, а Дельвигу. Она была связана с именем Пушкина П. В. Анненковым¹ и введена в собрание сочинений Пушкина П. Ефремовым (в изд. 1882 г.). Лишь Б. В. Томашевский выразил сомнение в принадлежности этой заметки Пушкину. Он сослался на то, что за время отсутствия в Петербурге Пушкин не принимал участия в «Лит. газете» (а в момент печатания № 20 «Лит. газеты» — в апреле 1830 года — Пушкин находился в Москве) и что из этого правила есть лишь одно исключение — статья о Видоке, сначала предложенная в «Московский вестник», но испугавшая Погодина и за невозможностью напечатать в другом месте пересланная Пушкиным в «Лит. газету»². Но аргументация Б. В. Томашевского не убедила редакторов последующих изданий сочинений Пушкина — изданий Гослитиздата, «Academia» и Академии наук. Лишь в самые последние издания сочинений Пушкина, начиная с большого Академического, эта статья перестала включаться.

Между тем можно привести и другие не менее веские доводы против принадлежности этой заметки Пушкину. Прежде всего есть свидетельство Вяземского, что для № 20 «Лит. газеты» Пушкин прислал только одну статью. А так как в этом номере газеты напечатана статья Пушкина «О сочинениях Видока», то все другие статьи № 20 приходится считать не пушкинскими (в том числе и статью о личностях в критике).

27 марта 1830 года Вяземский писал своей жене: «Скажи Пушкину, что Дельвиг читал мне статью его, которая мне очень понравилась»³. 27 же марта вышел № 19 «Лит. газеты». Следовательно, Вяземский мог говорить лишь про статью о Видоке, появившуюся в № 20. В этой связи умолчание о заметке «Требуется ли публика извещения» почти равносильно свидетельству о непричастности Пушкина к ней. К тому же в языке и стиле этой заметки есть особенности, которые решительно говорят против авторства Пушкина.

Необходимо прежде всего вникнуть в построение и содержание рецензии Н. Полевого на «Невский альманах на 1830 г.». Тут сначала рецензент стремится доказать независимость литературно-художественных качеств альманаха или другого литературного издания от участия «знаменитостей»; «...Понятия о литературной знаменитости, — пишет он, — ныне совсем перепутались. Прежде идея о ней была весьма ясна и проста: русские критики составляли в основание триумвират: Жуковский,

¹ «Вестник Европы», 1880, кн. VI, стр. 601.

² Б. В. Томашевский, Пушкин, стр. 120—121.

³ «Звенья», т. VI, М.—Л. 1936. «Письма П. А. Вяземского к жене за 1830 г.», стр. 220.

Батюшков, кн. П. А. Вяземский. О сих писателях никто и ничего, кроме похвал, говорить не смел. После них следовал другой триумvirат, юная надежда наша: А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, барон Дельвиг. А затем шла остальная многочисленная дружина. Теперь Батюшков похищен у нас горестными обстоятельствами; А. С. Пушкин шагнул выше и далее и товарищей и старого триумvirата. Как же и что составляет созвездие *знаменитых*? Явились многие вновь: Н. М. Языков, С. П. Шевырев, А. Погорельский, М. П. Погодин, г-да Тютчев, Деларю, Хомяков и другие, но степени их знаменитости утверждены не единогласно; голоса в сем случае разбились. В то же время явились люди, решительно не принадлежащие к знаменитым; иные из старых, например, г-н Воейков, кажется, получили отставку из знаменитых, все разделилось, расстроилось; показались посторонние, независимые мнения. Несмотря на неблагоприятность *знаменитых* людей, ныне говорят, что, например, Булгарин, Вронченко, Козлов, суть отличные писатели наши, не уступающие весьма превозносимым писателям; что, несмотря на все усилия, старый аристократизм, который установился было в нашей литературе, распался, сделался смешон, исчез и — навсегда. Скажем ли?.. Стихи князя Вяземского, Баратынского и самого Пушкина перестали быть безусловным, единственным, всегда драгоценным украшением и подкреплением альманахов и журналов: дерзкие требуют от них не одной подписи *знаменитого* имени, но достоинства внутреннего и изящества внешнего, критика сделалась откровеннее, строже. Многим из *знаменитых* все это куда как не нравится, но возражения их походят более на крик оскорбленной гордости, нежели на голос правды и сознания в собственном достоинстве. Итак, имена *знаменитых* ныне не могут быть непременимым свидетелем достоинства, и отсутствие их не должно убивать книги, где сих имен не видно.

Не будем же осуждать Невского Альманаха за то, что нет в нем стихов Пушкина, барона Дельвига, Жуковского, кн. Вяземского, прозы г-на Погорельского и проч., а поговорим о содержании альманаха, по существенному достоинству пьес, в нем заключающихся¹.

В заключение рецензии повторяется та же мысль: «...журналы обязаны, без разбора знаменитости литературной, без разбора того: дурными ли сумароковскими или новыми гладкими стихами пишет поэт — говорить ему правду»².

Вот это-то заявление Н. Полевого о свободе критических суждений от слепого преклонения перед знаменитостями автор статьи «Литературной газеты» («Требует ли публика извещения...») сопоставляет с публичным извещением, что «такой-то журналист не хочет больше снимать шляпы перед таким-то

¹ «Московский телеграф», 1830, № 3, стр. 355—362.

² Там же, стр. 362.

поэтом или прозаиком». Нельзя сказать, чтобы это сопоставление или сравнение отличалось тонким остроумием или глубиной. Трудно приписать его Пушкину. Являясь полемическим откликом на критическую статью Н. Полевого о «Невском альманахе» на 1830 год и содержа резкие выпады против Полевого, статья «Лит. газеты» наполовину состоит из простого, сжатого, выборочного, но не препарированного острыми приемами пушкинской пародии пересказа критических замечаний Полевого. Например: «Наконец, всего смешнее, что и сам критик, сначала обещавший не жалеть об этом, признается после, что в этой книге, которой ему не хотелось было осуждать, нет ни одной статьи путной: в 1-й статье нет общности; во 2-й автор не умеет рассказывать; 3-ю читать скучно; 4-я — старая песня; в 5-й надоедают офицеры с своим питьем, едою, чаем и трубками; 6-я перепечатана; 7-я тоже, и так далее. Вот до какого противоречия доводят личности». Ср. в «Московском телеграфе»: «Вся повесть страдает обыкновенным недугом повестей г-на Байского: нет общности; нет того, что врезывается в память читателя у Ирвингов, Гофманов и Щокке. Читаете с любопытством, и повторить не захотите. *Страдалец*, повесть г-на М. Ал-ва, доказывает, что не все, что встречается в свете, может быть переложено в повесть и что по крайней мере надобно для этого уметь рассказать. Страдальца жаль — и ничего более. «Какой бедняжка!» — скажет читатель, дочитав повесть г-на Ал-ва, а читать его бедственные похождения все-таки скучно!» В Орангутанге (были г-на -ина) старая песня: перевернуты на новый лад *бабушкины попугаи и гуси дядюшки Филиппа*. — Повесть г-на Карлгофа: *Поездка к озеру Розельми* хорошо рассказана и нравится своим таинственным, немецким, окончанием. Надоедают только в ней офицеры с своим питьем, едою, чаем и трубками... Не понимаем, с чего вздумалось издателю Невского Альманаха перепечатать из Почты духов...»

В таком безобидном стиле Пушкин никогда не пересказывал статей своих противников (Ср. «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» или «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем»; ср.: «Письмо к издателю»), тем более что критика отдела стихов, названного «винегретом из всякой всячины», была особенно сурова в рецензии Полевого.

Вместе с тем в языке разбираемой заметки встречается ряд таких конструкций и выражений, которые трудно приписать Пушкину. Например: «его товарищ, получающий по приязни даром листки его (к которому бы не мешало ему лучше зайти мимоходом да словесно объявить о том)»; «но доверчивому, скромному и благомыслящему читателю понять здесь нечего»; «ужели названия *порядочного и здравомыслящего* человека лишились в наше время цены своей?»; «эти господа *мы* друг друга, верно, понимают» и т. п. В этой заметке «Литературной газеты» встречается выражение — *об этом публикует*, не отмеченное в «Словаре

языка Пушкина». Уже одни эпитеты к слову «читатель» говорят против принадлежности заметки Пушкину¹. Да ведь Пушкин сам не был сильно задет статьей Полевого, которая была направлена против *знаменитых* друзей, то есть прежде всего против Вяземского и Дельвига. Пушкин почтительно выделяется Полевым «из знаменитого созвездия русских поэтов и прозаиков»: «А. С. Пушкин шагнул выше и далее и товарищей, и старого триумвирата...»² «Пусть призванный Фебом Пушкин пишет стихи»³. Наконец, заметка из № 20 «Лит. газеты» находится в тесной связи с заметкой в № 29: «В одном из Московских журналов» (236). Обе эти статьи однородны по теме. В них есть общие образы (например, из круга дипломатических отношений).

В статье «Требуется ли публика извещения» читаем: «В одном московском журнале вот как отзываются о книге, в которой собраны статьи разных писателей» (162).

Статья в № 29 начинается так: «В одном из московских журналов кому-то вздумалось взглянуть на кабинеты газетчиков и журналистов наших, как на кабинеты образованных держав». Далее приводятся отзывы «Московского телеграфа» на «Дмитрия Самозванца» Булгарина и на роман Свинына «Ягуб Скупалов» и заканчиваются сентенцией: «После таких отзывов невольно вздохнешь, вспомнив стих:

Блажен, кто друга здесь по сердцу обретает» (236).

Любопытна общность образов: «Требуется ли публика извещения, что такой-то журналист не хочет больше снимать шляпу перед таким-то поэтом или прозаиком? Конечно нет...

Впрочем такие извещения излагаются иногда с некоторою дипломатическою важностью» (162).

Статья в № 29 вся соткана из дипломатических образов: «Часто к несчастью случается, что в повременных изданиях наших совсем не видно и первоначальных сведений о дипломатических тонкостях» (236). «Внимательный читатель видит здесь, что г. Булгарин избран игрушкою дипломатических насмешек «Московского телеграфа»: но истинно европейские дипломаты гораздо сокровеннее облачают свое тайное к чему-нибудь недоброжелательство».

Вместе с тем у обеих статей есть общность в приемах развития темы о личностях. В статье из № 20 «Лит. газеты» написано:

¹ Ср. у О. М. Сомова в «Обзоре российской словесности за 1827 г.»: «благочестивый писатель» («Северные цветы на 1828 г.», стр. 57). Ср. у Дельвига в рецензии на «Нищего» А. Подолинского («Лит. газета», 1830, № 19): «Удовольствие судей благочестивых»; в рецензии на «Классика и Романтика» К. Масальского («Лит. газета», 1830, № 43): «Назло благочестивым читателям» и др. под.

² «Московский телеграф», 1830, № 3, стр. 356.

³ Там же, стр. 362.

«Как можно не пожалеть, что в книге нет ни одной статьи, написанной человеком с отличным талантом. Наконец, всего смешнее, что и сам критик, сначала обещавший не жалеть об этом, признается после, что в этой книге, *которой ему не хотелось было осуждать*, нет ни одной статьи путной... Вот до какого противоречия доводят личности» (162). В параллель к этому избобличению противоречий в заметке из № 29 «Лит. газеты» говорится: «Господин Ушаков, разбирая Димитрия Самозванца г. Булгарина, восклицает: «Приступая к рассмотрению романа, сочиненного моим коротким приятелем, я о сих моих сношениях с автором предварительно уведомляю всех, острящих жало на новое произведение моего друга». Потом, говоря вообще об успехах словесности в нашем отечестве, г. Ушаков признается откровенно, что «она едва дошла до азбучных тройных складов». А на конец прибавляет, что роман г. Булгарина достоин той степени европейской образованности, на которой стоит наше отечество» (236).

И рядом: «Там же разобран роман: *Ягуб Скупалов*, который назван безобразным, отвратительным явлением в русской литературе». Вслед за тем издатель напоминает читателям, что «г. Свињин, находящийся с ним в приятельских отношениях, человек умный и образованный, в течение нескольких лет наполнял этим романом свои Отечественные Записки» (236).

По-видимому, заметка «Требуется ли публика извещения»... написана Дельвигом, заметка же в № 29 «Лит. газеты» принадлежит О. М. Сомову, который испытывал сильное влияние Дельвига, или тоже А. А. Дельвигу.

9) Нет решительно никаких оснований связывать с именем Пушкина перевод беседы Байрона с капитаном Медвином об эпической поэме: «Мне все советуют, — говорил однажды Л. Байрон капитану Медвину, — написать эпическую поэму» (№ 24, «Лит. газеты» от 26 апреля). В этом переводе, сделанном с французского языка, есть негладкие, полурусские обороты, например: «Любовь, вера и политика составляют собою предмет и в наши времена производят столько же раздоров, как и в веках отдаленной древности» (193). «Сам доктор Джонсон *не нашел бы привязаться* ни к одному слову». Ср.: «в добавок прочему».

Кроме того, показательна передача имени английского поэта Сутей (Southey). Так оно в статье передается трижды. Между тем Пушкин перешел постепенно от Саувея (письма 1822 года) к Southay (письма 1825 года) и Соутею (в статье «Мнение М. Е. Лобанова...») и, наконец, к Соуте (в статье «Последний из свойственников Иоанны д'Арк»).

Вероятнее всего, автором этой статьи является О. М. Сомов, переводы которого не чужды галлицизмов. Любопытно, что в представляющей собой перевод из «Исторического и литературного путешествия по Англии и Шотландии» Амедея Пишо статье

Сомова «Современная английская литература» («Лит. газета», № 58, т. II) встречается это же чтение имени — Сутей. Впрочем, так же читал это имя и Вяземский¹.

Об атрибуции этой заметки справедливо писал Б. В. Томашевский: «Заметка из № 24 представляет собою сплошной перевод с французского какого-то известия о Байроне, заключенный выпадом против «Северной пчелы». Аргумент — что один Пушкин мог интересоваться Байроном — вряд ли удачен, так как в «Литературной газете» есть много переводов с английского.. Специальные о Байроне материалы в №№ 13, 14 и 15 как из французских источников, так и из английских»².

10) Пушкину приписывалась также Н. О. Лернером³ библиографическая заметка о сочинении Карла (Шарля) Нодье: «История о Богемском короле и о семи его замках», помещенная в № 55 «Лит. газеты» (1830 г., стр. 153—155). В сущности, это перевод французской рецензии с небольшим критическим предисловием русского обозревателя. В самом переводе есть такие особенности, которые решительно не позволяют приурочивать его к Пушкину. В переводе встречаются словарные и фразеологические галлицизмы, избегаемые Пушкиным. Например: «я из первых читал ее»; «Вижу, до какой точки вы дошли в ней о литературе». Ср. у Вяземского: «В разговоре иль по прихоти, или с запальчивости переставляешь с места на место и оттого часто по долгом движении очутишься в двух шагах от точки, с какой пошел, а иногда и в ста шагах за точкой»;⁴ «У автора много правды в его очерзаниях» (*l'esquisse, le contour*); «Горесть и отчаяние Гервасии извлекли бы у меня слезы» и нек. др.

Есть лексические новообразования, также несвойственные языку Пушкина, например, *недосмысье*.

Попадают церковнокнижные архаизмы такого рода, какими не пользовался Пушкин, например, «призадуматься над тою великомудрою главою...».

Таким образом, перевод мог быть сделан или Вяземским или Сомовым. В пользу Вяземского говорит также стиль предисловия.

Тут однажды встречается пояснение русского слова французским, очень обычное в языке Вяземского и Пушкина: «Неясное, неопределенное (*le vague*) как будто сделалось ее символом и правилом».

11) Связь переведенных «Отрывков из книги Исповедь» (№ 61 и 62) с рецензией в № 60 «Лит. газеты» очевидна. Она непосредственно обозначена редакционной ссылкой в № 61 перед

¹ П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. IX, стр. 45.

² Б. В. Томашевский, Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения, стр. 122.

³ А. С. Пушкин, Соч., под ред. С. А. Венгерова, т. VI. Ср. также «Северные записки», 1913, февраль.

⁴ П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. IX, стр. 22.

переводом романа Жанена и «примечанием переводчика» к цитатам из «Исповеди» в составе самой рецензии (194). Таким образом, переводчик и автор рецензии — одно и то же лицо. Это заметил и Б. В. Томашевский¹. Но перевод не Пушкинский. Достаточно привести несколько иллюстраций: «Она мало говорила, особливо же мало ела, как будто бы ей известно было, сколь жалко видеть прожорливость в женщине» (199); «нельзя было выбрать лучшего театра и лучших актеров, дабы показать молодую девушку во всем свету» (199); «с верхних ступенек лестницы молодая девушка впоследствии говорила» (200); «сладкий запах козелиственника» (200);² «подтакивал сговорчивый молодой человек» (200); «угрызение совести припускает врача к каждой вашей жилке» (207); «Острое орудие отделяет от вашего тела болящий состав» (207); «Но это влекло... поношение молодой его сестре»; «бессовестную несправедливость для заглаждения убийства» (209) и др. под.³

Отрывки из «Исповеди» подобраны так, чтобы служить иллюстрациями к основным тезисам рецензии (ср. указание на это в примечании на стр. 199).

Автором перевода, вероятнее всего, был О. М. Сомов. Ему же, по-видимому, принадлежит и рецензия на «La confession» Жюля Жанена.

Стоит указать несколько выражений рецензии, несвойственных языку Пушкина:

«Ни одна из них не *приходит ему по сердцу*» (194); «*дитя в полном значении слова*» (194); «это дитя одарено... тою обворожительною изменчивостью расположения духа и ощущений, кои в одном лице совокупают целый мир приманок разнообразных»; «невнимание жены, *от души вертящейся в вальсе*»; «Все это еще пуще *взрывает его досаду*»; «Дух современного поколения... на все взирающего с бесстрашием фаталиста мусульманского» (195) и др. под.

12) Статья «Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии» включена П. В. Анненковым в число пушкинских произведений⁴.

А. И. Дельвиг в «Моих воспоминаниях» указал, что над этой статьей совместно работали Пушкин и А. А. Дельвиг⁵. Трудно

¹ Б. В. Томашевский, Пушкин, стр. 122.

² В «Словаре Акад. Росс.» (1874, ч. III, 214) указано лишь название — козелец; в Акад. словаре 1847 г. — козелец и козельник; «козелиственника» нет даже в Словаре Даля.

³ Ср. в переводных цитатах, вставленных в самую рецензию: «трагедия, блестящая прекрасными стихами и варварскими выражениями, но сочиненная вся на воспоминаниях, прикидывающаяся к старому отцу старинной трагедии» (194); «совесть угрызает его» (195).

⁴ А. С. Пушкин, Соч., т. VII, изд. П. В. Анненкова, 1857, стр. 86.

⁵ А. И. Дельвиг, Мои воспоминания, М. 1912, т. I, стр. 110—111

определить долю участия каждого, но, по-видимому, больше всего текста написано Пушкиным.

Принадлежность Пушкину статьи «Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии» подтверждается и критическими высказываниями Пушкина, вошедшими в «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений». «Разговор о примечании Литературной газеты» целиком посвящен защите этой статьи. Здесь Пушкин принимает на себя обвинения «Московского телеграфа» и «Галатей», выдвинутые против заметки «Новые выходки...» Косвенно этим он сам признает свое авторство.

«Московский телеграф» писал: «Литературная газета ставит шутки Полевого наряду с эпиграммами Маратов и французских революционных газетчиков. И издатели Литературной газеты не стыдятся своего *Avis au lecteur!* И это значит у них: Аристократов к фонарю! Как назвать такие ничтожные, бедные средства защиты? Я хотел только указать на литературную недобросовестность Литературной газеты» («Моск. телеграф», ч. 34, № 14, стр. 240—243).

Точно так же в «Галатее» (1830, ч. XVIII, № 34, стр. 134—137) появилось «Замечание на замечание Литературной газеты», которое сосредоточивает внимание на последних строках статьи «Литературной газеты» со слов «Эпиграммы демократических писателей», расценивая их как донос. «Если выходки наших писателей, по словам самих же издателей Литературной газеты, действительно ни в каком отношении нельзя сравнивать с выходками демократических писателей XVIII века, то для чего же наводить такую мрачную тень на них, припоминая неистовые крики французов?.. Благонамеренно ли... это? Литературных отношений здесь не видно... И это пишут или лучше сказать делают русские литераторы?..»

Хотя в «разговоре» апологет «Лит. газеты» Б. и не сливает себя вполне с аристократической группой, но ведь он, естественно, должен отделять себя и от Пушкина. Между тем он явное *alter ego* автора статьи. Он постоянно пользуется фразами из статьи, вкладывает в них иной смысл, чем противники «Лит. газеты» (например, «демократическими писателями XVIII столетия называет добродетельного Томаса, прямодушного Дюкло, твердого Шамфора и других умных и честных людей, а не Марата и революционных французских газетчиков», как выразился Полевой), и заканчивает свою защиту словами: «Есть обвинения, которые не должны быть оставлены без возражения, от кого б они, впрочем, ни происходили».

В этой статье есть текстуальные совпадения с полемическими заметками Пушкина, вошедшими в «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений».

Например, в статье: «Кто осмелится посмеяться над феодальной нетерпимостью некоторых чиновных журналистов» — в

«Опыте»: «Другие литераторы позволили себе посмеяться над нетерпимостью¹ дворян-журналистов (VI, 112).

Слова «ничуть не забавные куплеты» также отзываются пушкинской манерой. Слово *забавный* одно из любимых слов пушкинского языка.

Например, «Мнение наших критиков о нравственности и приличии, если разобрать его, удивительно забавно» (VI, 112). «Перечитывая самые бранчивые критики, я нахожу их столь забавными...» (VI, 106); «в этих маленьких сатирах столь забавных и язвительных» (статьи о Баратынском).

«Путешественник Ансело говорит и т. д. Забавная словесность!» («Отрывки из писем, мысли и замечания»).

Любопытно, что в своем ответе на статью «Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии» в № 45 «Лит. газеты» Полевой больше всего задевает князя Вяземского, по-видимому, подозревая в нем автора статьи. «Положим, например, что князь Вяземский напишет дурные стихи, а я смело скажу ему об этом; он князь! Что за нужда? Разве княжество его стихами записано в родословную книгу и стихи его — копия с дворянской грамоты?»... и тут же является эпитет — *знаменитый*: «Прошу литературных аристократов верить, что в числе моих недостатков нет литературной трусости. Дворянские грамоты и дипломы не спасут от меня худых писателей, хотя бы они были самые знаменитые друзья» («Моск. телеграф», 1830, ч. 34, № 14, стр. 240—243).

13) Н. О. Лернер допускал участие Пушкина в заметке из № 45 «Лит. газеты»: «В нынешнем году *Северная пчела* отличалась неблагоприятностью к гг. Загоскину, Пушкину и Киреевскому»... Для такого предположения нет никаких оснований ни в языке и стиле, ни в содержании и тоне заметки. Ее автор решительно отделяет себя от Пушкина. Он говорит о Пушкине как о третьем лице и цитирует его слова. Конечно, это могло бы быть приемом маскировки. Но об авторстве Дельвига говорит и ссылка на «Allgemeine Zeitung», и редакторский тон статьи, особенно резко выступающий на фоне непосредственно предшествующей заметки Дельвига. В обеих заметках есть явная общность. В одной — Дельвиг пишет о Булгарине: он «в 94 № «Сев. пчелы» уведомляет почтеннейшую публику, что критические статьи «Литерат. газеты» писаны не издателем оной: следовательно, ни А. С. Пушкиным или кн. Вяземским, самыми ревностнейшими его сотрудниками». В другой, отвечая на то же болгарское письмо из Карлова, в 94 № «Сев. пчелы», Дельвиг признается, что он является автором рецензии на «Димитрия Самозванца»: «Строгий приговор Димитрию Самозванцу (см. «Лит. газета» № 14) был приписан Пушкину». И тут же

¹ В черновых вариантах: «другие литераторы осмелились посмеяться над феодальной нетерпимостью дворян-журналистов».

примечание: «А. С. Пушкину предлагали написать критику исторического романа г. Булгарина. Он отказался, говоря: «Чтобы критиковать книгу, надобно ее прочитать, а я на свои силы не надеюсь». Этот ответ Пушкина ставится в параллель с отзывом Киреевского об «Иване Выжигине».

Таким образом, более или менее убедительно и ясно раскрываются имена авторов тех статей, которые приписывались Пушкину исследователями его творчества, но которые на самом деле ему не принадлежат¹. Авторство Пушкина в отношении статей «Англия есть отечество карикатур», «Заметки об эпиграмме «Собрание насекомых» считается доказанным.

Так, принадлежность Пушкину «Заметки об эпиграмме «Собрание насекомых» («Л. г.», 1830, № 43, стр. 56) не вызывала сомнений даже у отъявленных скептиков. Действительно, все говорит здесь за авторство Пушкина: и убийственно иронический тон, последовательный и выдержанный до конца, и стилизованный язык, и содержание, вполне соответствующее духу презрительной апологии автора. Кроме того, необыкновенный лаконизм и поразительное единство экспрессии и стиля, известные по другим критическим статьям Пушкина, ярко выступают и в этой заметке. Синтаксис этой пародии строен и закономерен. Фразы коротки и построены по одному принципу: «Журналы отозвались о нем, и большею частию неблагоклонно». «Оно удостоилось двух пародий...» «Пародия *Вестника* отличается легким остроумием...» «Здесь мы помещаем сие важное стихотворение, исправленное сочинителем». «В непродолжительном времени выйдет оно особою книгой...» и т. д. Стиль официального и торжественно-гиперболизированного объявления не прерывается до последних слов. Нет ни одного выражения, которое прямо и непосредственно выражало бы точку зрения Пушкина. Все иронически вывернуто наизнанку, но так, что сохраняется вся официальная любезность тона. О грубо-бесцеремонных эпиграммах Полевого («Моск. телеграф», 1830, ч. 32; «Новый живописец общества и литературы», № 8, стр. 135) и Надеждина («Вестник Европы», 1830, № 8, стр. 302) Пушкин писал: «Пародия *Вестника* отличается легким остроумием. (Ср. Полтава — божия коровка. Кавказский пленник — злой паук; вот Годунов — российский жук и т. п.); пародия Телеграфа — полностью смысла и строгой грамматической и логической точностью».

¹ В предложенном выше обзоре не упомянуто «Письмо Калиника Чупрынского» («Л. г.», 1830, № 7, стр. 55—56), потому что вопрос об авторе его рассматривается отдельно (см. главу «Об авторстве двух статей «Литературной газеты» 1830—1831 гг. на украинские темы»). На основании автографа определяется авторство Дельвига в отношении статьи «В 39-м № «Сев. чель» помещено окончание статьи...» («Л. г.», 1830, № 20, стр. 161). Вопрос об атрибуции анекдота о Байроне рассмотрен в главе об объективно-стилистических методах атрибуции. Об авторстве статьи «О лжекритиках. Сочинитель «Письма из Рима к издателю «Л. газеты» см. в моей книге «О языке художественной литературы».

Ср. пародию Пушкина на Полевого: «Русской грамматике не хотел он учиться, ибо недоволен был изданною для народных училищ и ожидал новой, философической. Логика казалась ему наукой прошлого века, недостойною наших просвещенных времен» («Ветреный мальчик»).

Ср. в эпиграмме Полевого:

Все, все рядком в моих листочках
Разложено, положено,
И эпиграммы в легких строчках
На смех другим обречено.

ГЛАВА II

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ А. С. ПУШКИНА В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ» 1830 ГОДА

1

А. С. Пушкин с большой энергией и творческим воодушевлением содействовал организации, изданию и редактированию «Литературной газеты». Трудно сомневаться в том, что личный вклад его в это важное литературное предприятие был не только очень значителен, но и глубоко продуман. Так, в первом же номере «Литературной газеты» Пушкин печатает «Отрывок из VIII главы Евгения Онегина» — своеобразный поэтический манифест нового литературного направления — национально-реалистического:

Смирились вы, моей весны
Высокопарные мечтанья,
И в поэтический бокал
Воды я много подмешал.

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи —
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых.

В соответствии с основной целью «Литературной газеты» — «знакомить образованную публику с новейшими произведениями литературы европейской, и в особенности Российской» — здесь же Пушкин дает поэтическую характеристику романа Бенж. Констана «Адольф» и извещает о переводе его на русский язык кн. Вяземским (см. также его сообщение о «некрологии ген. Н. Н. Раевского»).

В следующем, втором номере помещены «Стансы» Пушкина («Брожу ли я вдоль улиц шумных»). И тут же острое и величавое извещение о «Русской Илиаде» Гнедича. Н. И. Гнедич так благодарил Пушкина за это извещение: «...едва ли целое похвальное слово, в величину с Плиниево Траяну, так бы тронуло меня, как эти *несколько строк!* Едва ли мне в жизни случится читать что-либо о моем труде, кое-?> было бы сказано так благородно, и было бы мне так утешительно и сладко! Это лучше царских перстней»¹.

В третьем номере «Литературной газеты», кроме пушкинского стихотворения более интимного характера «Ответ» (с псевдонимной подписью Крс — Карс), в котором дано острое эмоциональное противопоставление Петербурга Москве:

Здесь город чопорный, унылый,
Здесь речи — лед, сердца — гранит;
Здесь нет ни ветрености милой,
Ни Муз, ни Пр(есни), ни Харит! —

напечатана в «Смеси» своеобразная программная статья редакции «Литературной газеты», написанная Пушкиным. Здесь говорится о русской литературе (в ответ на заявление «Северной пчелы», 1830, № 3, что «наша литература есть литература-невидимка», и на тезис И. В. Киреевского: «У нас еще нет литературы»²) и о критике, ее задачах (с иллюстрациями из «Вестника Европы») и в заключение заявляется: «Впрочем, Литературная газета была у нас необходима не столько для публики, сколько для некоторого числа писателей, немогших по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербургских или московских журналов».

О. М. Сомов в «Обзрении Российской словесности 1830 г.» («Северные цветы на 1831 г.», стр. 64) несколько смягчил остроту пушкинского заявления: «Но друзья литературы и правды желали видеть другие, более откровенные и беспристрастные суждения о произведениях словесности русской, желали находить мнение о литературе вообще, а не вывески отношений личных; и для сих-то читателей, постигающих истинную цель журнала литературного, издавалась Литературная газета».

Вяземский, прочитав пушкинскую статью о литературе и критике, писал ему: «Ты прелестно проглотил *Редакцию Вестника Европы*. Мы с Дмитриевым читали твой отрывок и радовались».

Бумага Литературной Газеты очень дурна. Зачем не поместить хорошей рецензии иностранной на какую-нибудь новую замечательную книгу? Статья *Смесь* во 2-м листе ужасно слаба»³.

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 55.

² См. «Обозрение русской словесности 1829 г.». Альманах «Денница на 1830 г.», стр. IX—XI.

³ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 60.

Здесь очень характерно указание на слабость отдела «Смеси» во втором номере «Литературной газеты», составленном, очевидно, О. М. Сомовым без участия А. С. Пушкина. С третьего номера «Литературной газеты» фактическим редактором ее становится Пушкин. Об этом он сам писал в таком смысле, что уехавший из Петербурга по своим делам Дельвиг «поручил ему покамест издание своей газеты»¹.

В письме к Вяземскому в конце января 1830 года Пушкин заявлял: «Скучно издавать Газету одному с помощью Ореста, несносного друга и товарища. Все Оресты и Пиллады на одно лицо. Очень благодарю тебя за твою прозу — подавай ее поболе (очевидно, имеется в виду статья Вяземского «О московских журналах», напечатанная в № 8 «Литературной газеты». — В. В.). Ты бранишь Милославского, я его похвалил. Где гроза, тут и милость. Конечно, в нем многого недостает, но многое и есть: живость, веселость, чего Булгарину и во сне не приснится. Как ты находишь Полевого? Чтение его Истории заменило Жуковскому чтение Муравьева статс-секретаря. Но критика Погодина ни на что не похожа. Как бы Каченовского взбесить? сравним их с Полевым»².

Тут целая программа редактора «Литературной газеты», допускающего большую самостоятельность мнений основных своих сотрудников. В самом деле, в № 5 «Литературной газеты» была напечатана известная рецензия Пушкина на «Юрия Милославского» Загоскина, в общем, очень сочувственная, но с широкой теоретической постановкой вопроса о структуре и стиле исторического реалистического романа. Между тем Вяземский после обзора критических статей о «Юрии Милославском», особенно рецензии «Московского вестника», приходит к такому «любопытному заключению»: «Мы очень любим ахать от удивления и способны к чувствам уничижения и смиренномудрия. Появился роман — и тотчас во сто голосов твердят, что это у нас первое явление в своем роде, сей час готовы почтить автора новым Колумбом, открывшим неизвестный мир, и судить его не по исполнению, а безусловно, по одной решимости предприятия. Можно ли оценивать роман по достоинству первородства, если и признать за ним это достоинство, на которое согласиться нельзя? ... если он посредствен, то первородство не придаст ему занимательности, верного, живого изображения людей, человека, общества, эпохи, страстей, которого в нём нет...»³

А ранее в связи с изложением рецензии «Московского вестника» Вяземский высказывает свое, в общем, отрицательное суждение об «Юрии Милославском»: «... автор романа писал

¹ «Объяснение к заметке об Илиаде». См. А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. IX, изд. АН СССР, Л. 1929, стр. 220.

² А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 61.

³ «Литературная газета», 1830, № 8, стр. 61—62.

многое наобум, в припадках удивительного рассеяния, без соображений умственных, даже и физических. Стихии, времена года, действия, чувства, выражения приводятся не впопад и на удачу»¹.

Насколько был велик авторитет пушкинской критики и как дорожили ею авторы, легко увидеть из письма к Пушкину М. Н. Загоскина. А. С. Пушкин (в письме от 11 января 1830 г.), поблагодарив Загоскина за присылку «Юрия Милославского» и поздравив автора «с успехом полным и заслуженным, а публику с одним из лучших романов нынешней эпохи», сообщил ему, что в «Литературной газете» будет о нем статья Погорельского. «Если в ней не все будет высказано, — прибавил Пушкин, — то постараюсь досказать»². М. Н. Загоскин в ответном письме высказал свое заветное желание в такой форме: «Мне очень приятно, что г-н Погорельской хочет написать рецензию на мой роман; но признаюсь, был бы еще довольнее, если б этот разбор вам не понравился и вы бы сделали то, о чем мне намекнул в своем письме Филипп Филиппович Вигель»³, то есть если бы сам Пушкин написал в «Литературной газете» отзыв о загоскинском романе (что и произошло на самом деле).

Критические статьи Пушкина в «Литературной газете», например, напечатанная в № 4 статья об «Истории русского народа» Николая Полевого, возбуждали живой интерес и привлекали общественное внимание. Так, к письму Вяземского (от 1 февраля 1830 г.) Пушкину сделана приписка неизвестного: «Напрасно вы изволили под статью на Историю Полевого напечатать: продолжение обещано: все ждут его и не дождутся»⁴.

К Пушкину даже такие сотрудники «Литературной газеты», как Вяземский, обращались с просьбой о редакторской правке. «Дельвиг просил меня, — пишет Вяземский Пушкину, — написать статью о московских журналах. Вот она. Кажется, слишком растянута; перетяни ее как хочешь, выкинь частности, одним словом делай что хочешь»⁵.

Кроме №№ 6, 9 и 11 «Литературной газеты», в которых нет особых пушкинских статей, все номера «Литературной газеты» вплоть до № 14 переполнены сочинениями Пушкина. Некоторые, как например №№ 12 и 13, больше чем наполовину состоят из стихотворений, отрывков художественной прозы, критических статей и заметок Пушкина. С № 14 (марта 12), когда Пушкин уже уехал из Петербурга в Москву⁶, участие Пушкина в

¹ «Литературная газета», 1830, № 8, стр. 61.

² А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 57.

³ Там же, стр. 60.

⁴ Там же, стр. 62.

⁵ Там же, стр. 60.

⁶ Ср. в письме Пушкина к П. А. Вяземскому от 14 марта 1830 г.: «Третьего дня приехал я в Москву и прямо из кибитки попал в концерт, где находилась вся Москва» (А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 68).

«Литературной газете» явно ослабевает, но не прекращается совсем. Так, в № 16 «Литературной газеты» (марта 17) напечатан «Отрывок из послания к Языкову» Пушкина; есть основания связывать с именем Пушкина помещенный здесь же анекдот: «Мильтон говаривал...»

В № 20 «Литературной газеты» напечатано стихотворение Пушкина «В альбом» («Что в имени тебе моем?..»). Здесь же находится знаменитая статья Пушкина «О нравственных сочинениях Видока, полицейского сыщика».

В № 30 «Литературной газеты» опубликовано пушкинское «Послание к К. Н. Б. Ю...» («К вельможе»).

В № 38 (июля 5) напечатано стихотворение Пушкина «Калмычке» («Прощай, любезная Калмычка!» под псевдонимом «Крс»).

Таким образом, вопреки выводам Б. В. Томашевского, — совершенно ясно, что участие Пушкина в «Литературной газете» в 1830 году после отъезда его в Москву в начале марта хотя и очень ослабело, но не прекратилось. Общее состояние и содержание «Литературной газеты» в это время очень беспокоило Вяземского. Он писал Пушкину (в письме от 26 апреля 1830 г.): «На Литературную Газету надежды мало. Дельвиг ленив и ничего не пишет, а выезжает только sur sa bête de somme ou de Somoff. В мае приеду на несколько времени в Москву: тогда переговорим»¹. Упрек Вяземского по отношению к Дельвигу не совсем справедлив. И Пушкин в своем ответном письме Вяземскому (от 2 мая 1830 г.) деликатно отметил это, вместе с тем делая намеки на необходимость газеты не только литературной, но и политической: «Приезжай, мой милый, да влюбись в мою жену, а мы поговорим об газете иль альманахе. Дельвиг в самом деле ленив, однако ж его Газета хороша, ты много оживил ее. Поддерживай ее, покамест нет у нас другой. Стыдно будет уступить поле Булгарину. Дело в том, что чисто литературной газеты у нас быть не может, должно принять в союзницы или Моду, или Политику. Соперничествовать с Раичем и Шаликовым как-то совестно. Но неужто Булгарину отдали монополию политических новостей? Неужто, кроме Северной Пчелы, ни один журнал не смеет у нас объявить, что в Мексике было землетрясение и что Камера депутатов закрыта до сентября? Неужто нельзя выхлопотать этого дозволения? справься-ка с молодыми министрами, да и с Бенкендорфом. Тут дело идет не о политических мнениях, но о сухом изложении происшествий. Да и неприлично правительству заключать союз — с кем? с Булгариним и Гречем. Пожалуйста, поговори об этом, но втайне: если Булгарин будет это подозревать, то он, по своему обыкновению, пустится в доносы и клевету — и с ним не справишься»².

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 80.

² Там же, стр. 87.

С другой стороны, Дельвиг в письме от 8 мая 1830 года обращается к Пушкину с такими вопросами и сообщениями, касающимися «Литературной газеты»: «Доволен ли ты продолжением Газеты? Булгарин поглупел до того от Видока, что уехал ранее обыкновенного в деревню. Но подл по-прежнему. Он напечатал твою эпиграмму на Видока Фиглярина с своим именем не по глупости, как читатели думают, а дабы тебя замарать. Он представил ее правительству как пасквиль и просил в удовлетворение свое позволения ее напечатать. Ему позволили, как мне объявил цензор, похваля его благородный поступок, разумеется не зная, что эпиграмма писана не с его именем и что он [сообразя] поставил оное только из боязни, чтобы читатели сами не нашли ее эпиграммою на него. Не желая, чтобы тебя считали пасквилянтом, человеком, делающим противузаконное, я подал в высшую Цензуру просьбу, чтобы позволили это стихотворение напечатать без ошибок...»¹

Отрезанный карантинном, принужденный томиться в болдинском заключении, Пушкин писал в октябре П. А. Плетневу, очевидно, беспокоясь о судьбе «Литературной газеты»: «Журналов ваших я не читаю; кто кого? Скажи Дельвигу, чтоб он крепился; что я к нему явлюсь непременно на подмогу, зимой, коли здесь не околое. Покаместь он уж может заказать виньетку на дереве — изображающую меня голинького, в виде Атланта, на плечах поддерживающего Литературную Газету»².

А 4 ноября 1830 года из того же Болдина Пушкин заявлял А. А. Дельвигу: «Посылаю тебе, Барон, вассальскую мою подать, именуемую Цветочною, по той причине, что платится она в ноябре, в самую пору цветов. Доношу тебе, моему владельцу, что нынешняя осень была детородна и что коли твой смиренный вассал не околеет от сарацинского падежа, холерой именуемого и занесенного нам крестовыми воинами, т. е. бурлаками, то в замке твоём, Литературной Газете, песни трубадуров не умолкнут круглый год. Я, душа моя, написал пропасть полемических статей, но, не получая журналов, отстал от века и не знаю, в чем дело — и кого надлежит душить, Полевого или Булгарина... Прощай, душа, на другой почте я, может быть, еще что-нибудь тебе пришлю»³.

В письме Вяземскому (5 ноября, тоже из Болдина) Пушкин сообщает: «Здесь я кое-что написал. Но досадно, что не получал журналов. Я был в духе ругаться и отделал бы их на их же манер. В полемике, мы скажем с тобою, и нашего тут капля меду есть»⁴.

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 90—91.

² Там же, стр. 118.

³ Там же, стр. 121.

⁴ Там же, стр. 122.

В середине ноября Дельвиг извещает Пушкина, что «Литературная газета выгоды не принесла и притом запрещена за то, что в ней напечатаны были новые стихи Делавиня»¹.

Вернувшись в начале декабря в Москву, Пушкин в письме Плетневу от 9 декабря перечисляет свои новые сочинения, созданные в болдинскую осень, и прибавляет: «И так русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу! жаль — но чего смотрел и Дельвиг? охота ему было печатать конфектный билет этого несносного Лавинья»².

И в январе (13) 1831 года письмо Пушкина Плетневу полно беспокойства о «нашей газете»³.

Но все же очевидно, что и осень и зиму 1830 года Пушкин не мог активно сотрудничать в «Литературной газете».

Из всех этих сообщений и из обстоятельств жизни Пушкина в 1830 году ясно, что после мартовского отъезда в Москву интенсивность творческого участия Пушкина в «Литературной газете» уменьшается. Об этом есть свидетельства и современников великого поэта. Так, 8 июня 1830 года М. П. Розберг писал из Москвы В. Г. Теплякову: «Статья о Видоке в «Литературной газете» писана Пушкиным, и он очень жалеет, что женитьба отдалает его от литературных занятий и мешает поприлежнее приняться за издаваемую Дельвигом и Сомовым газету»⁴.

Б. В. Томашевский, опираясь на несомненно принадлежащие Пушкину статьи в «Литературной газете» 1830—1831 гг. и применив к ним прием помесячных расчетов, пришел к такому, в основном правильному, хотя и слишком категорическому, заключению: «Итак — 16 статей, из них 8 — за январь 1830 г., 5 за февраль и 3 разновременны. Если сопоставить с этим, что Пушкин был в Петербурге до 4 марта (за это время — с начала января — около 5-го до середины февраля Дельвиг уезжал, и Пушкин редактировал газету вдвоем с Сомовым) и затем с 19 июля по 10 августа, после чего вернулся в Петербург лишь в мае 1831 г., то окажется, что все статьи Пушкина в Литературной газете появились за время его пребывания в Петербурге»⁵.

Этот вывод отчасти подтверждается и тем, что во время приезда Пушкина в Петербург (с 19 июля по 10 августа) напечатаны в «Литературной газете» «Арион» (№ 43, 30 июля), «Собрание насекомых» (в том же № 43) и «Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии» (в № 45). Вообще отдел «Смеси» в этом номере, согласно воспоминаниям А. И. Дельвига и указанию В. П. Гаевского, составлялся совместно Пушкиным и Дельвигом. Однако Б. В. Томашевский при

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 124.

² Там же, стр. 133.

³ Там же, стр. 143.

⁴ «Исторический вестник», 1887, № 7, стр. 19.

⁵ Б. В. Томашевский, Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения, стр. 119—120.

своих расчетах не принимал во внимание печатания Пушкиным своих стихотворений в «Литературной газете» — и притом в тех ее номерах, которые выходили в свет во время отсутствия великого поэта в Петербурге (например, в №№ 16, 20, 30). Кроме того, придавая значение подписи Р, Томашевский сам попытался найти пушкинские статьи в «Литературной газете» за 1831 год, несмотря на то, что они появились в то время, когда Пушкин жил в Москве.

Поэтому необходимо расширить сферу поисков пушкинских анонимных статей и заметок и изучить с этой целью все номера «Литературной газеты» за 1830 год.

Вместе с тем чрезвычайно важно установить характер редакторской работы Пушкина и найти, если это возможно, в статьях «Литературной газеты» за январь—февраль 1830 года следы его редакционных исправлений и улучшений чужого текста.

2

При всестороннем изучении «Литературной газеты» можно с относительно большой точностью установить степень участия в ней каждого из основных сотрудников и определить роль Пушкина в редакции этого органа. Не подлежит сомнению, что в первые два месяца существования «Лит. газеты» (до 4 марта 1830 г.), когда с отъездом Дельвига¹ и до появления в Петербурге Вяземского² Пушкин исполнял обязанности главного редактора (совместно с О. М. Сомовым), Пушкин не только больше всех поместил своих критических статей в газете, но и подверг многое из чужих литературных материалов редакторско-стилистической правке³, состоящей нередко из нескольких строк, в отдельных случаях резко выделяющихся по стилистическим признакам. Вот один пример. В № 6 «Лит. газеты» к «Письму русского путешественника из Варны» В. Г. Теплякова сделано редакционное примечание. Вероятнее всего сначала оно было написано Сомовым, который был знаком с жившим в Петербурге братом Теплякова и вел в 1830 году литературную переписку с самим поэтом В. Г. Тепляковым⁴.

По этой переписке можно заключить, что именно О. М. Сомов был автором примечания к «Письму» из Варны.

¹ Дельвиг отсутствовал в Петербурге с первых чисел января по вторую половину февраля 1830 г. Ср. «Московские ведомости», 1830, № 4 и № 14. Ср. «Письма Пушкина» под редакцией Б. Л. Модзалевского, т. II, стр. 368.

² Вяземский приехал в Петербург 28 февраля 1830 г. См. «Звенья», т. VI, 1936, «Письма П. А. Вяземского к жене за 1830 г.», стр. 202.

³ Ср. пушкинские исправления в рецензии Дельвига на альманах «Радуга» в № 2 «Лит. газеты», 1830, стр. 15. См. «Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме», изд. АН СССР, М.—Л. 1937, стр. 289.

⁴ См. «Русская старина», 1896, № 3. Из бумаг Виктора Григорьевича Теплякова.

«Вы удивили и порадовали меня и стихами и прозой, еще более последнюю, — писал Сомов Теплякову от 3 февраля 1830 года про «Письмо русского путешественника из Варны», — ибо у нас редко кто соединяет дар владеть языком рассудительной, холодной прозы. Первое письмо Ваше к Алексею Григорьевичу (брату) есть приступ богатый и полный жизни. Я любовался также вашим отчетом, дельным и оживленным мыслью и слогом»¹. Этот отчет В. Г. Теплякова об его археологических открытиях и находках в Болгарии и Румелии широко использован в редакционном примечании «Лит. газеты». Таким образом, как будто принадлежность этого примечания Сомову не вызывает никаких сомнений.

Следующие строки примечания скорее всего могли быть написаны Сомовым: «В письмах своих (адресованных к брату его А. Г.) г. Тепляков намерен подробнее рассказать о своем путешествии и присовокупить к известиям об археологических своих поисках не менее любопытное описание обстоятельств, сопровождавших оные». Все содержание этих сообщений заимствовано из самого печатаемого в № 6 «Лит. газеты» письма Теплякова, из его последних строк. Ссылка на «Одесский вестник» (прибавление к № 102 за 1829 г.), из которого приводился перечень открытий Теплякова, также, естественно, принадлежит Сомову.

Вот текст этого редакционного примечания.

«Сочинитель сего письма, В. Г. Тепляков, сам говорит в нем о цели своего путешествия. Отчет его о разных памятниках, открытых и приобретенных им в Болгарии и Румелии, напечатан был особым прибавлением к № 102 *Одесского Вестника* прошлого года. Из сего отчета видим, что г. Тепляков открыл следующие памятники древности: 1) Великолепные Гебеджинские развалины; 2) Большой Анхальский саркофаг; 3) 36 кусков мрамора с надписями и барельефами; 4) 89 медалей золотых, серебряных и бронзовых, и, коих более 50-ти, древние греческие; 5) Две вазы, найденные в Сизополе; 6) Две небольшие статуи (бронзовый амур и мраморный женский бюст), купленные в Анхале. — Сверх сего начерчена карта Фаросского залива и срисованы виды некоторых мест, кои г. Тепляков посещал в своем путешествии. Почти все исчисленные здесь остатки древностей (разумеется, кроме тех, коих нельзя было перевезти) приобретены г. Тепляковым для Одесского музея; с других сняты им чертежи. В письмах своих (адресованных к брату его А. Г.)

¹ «Отчет В. Г. Теплякова об открытиях, сделанных им в Болгарии и Румелии» («Mémoire sur divers monuments d'antiquité découverts sur différents points de la Bulgarie et de la Rumélie, présenté à S. E. Mr. le gouverneur-général de la Nouvelle Russie et de Bessarabie par Mr. V. Tépliakow») был напечатан в «Journal d'Odessa» («Одесский вестник», 1829, № 102, и 1830, № 19). Этот отчет был переведен многими европейскими журналами и обратил на себя особенное внимание известного ориенталиста Клапрота. См. «Воспоминания о Теплякове», «Отечественные записки», 1843, т. 28, отд. VIII.

г. Тепляков намерен подробнее рассказать о своем путешествии и присовокупить к известиям об археологических своих поисках не менее любопытное описание обстоятельств, сопровождавших оные. Откровенный рассказ, живой слог, поэтический взгляд на предметы и веселое равнодушие в тех случаях, где судьба была неприветлива к сочинителю, — вот отличительный характер его писем, которые, без сомнения, понравятся читателям «Лит. газеты». Со временем мы надеемся приложить к №№ нашей газеты некоторые из чертежей и рисунков г. Теплякова».

Между этим редакторским примечанием и позднейшей рецензией Пушкина на «Фракийские элегии» Теплякова мало общего. Правда, указания Пушкина на зависимость от Байрона, на сочувствие Овидию, на элегию «Гебеджинские развалины» находят опору отчасти в примечании, отчасти в самом письме Теплякова (ср. лексические параллели: «Великолепные Гебеджинские развалины» — в рецензии на «Фракийские элегии» — «великолепный Восток»; «и присовокупить к известиям об археологических своих поисках не менее любопытное описание обстоятельств, сопровождавших оные» — в рецензии на «Фракийские элегии» — «К «Фракийским элегиям» присовокуплены различные легкие стихотворения, имеющие неоспоримое достоинство»). Но все эти сближения естественны в пределах текстов с однородным содержанием. Однако есть основания предполагать, что к редакционной заметке приложил руку и сам Пушкин. Любопытно, что в самом письме Теплякова реминисценции из Пушкина, образ поэта, навеянный Пушкиным, определяют стиль восприятия и изложения впечатлений. Так Тепляков пишет: «Знаете ли, что первое чувство в минуту разлуки с отечеством есть, без всяких романтических затей, странное, неизъяснимое чувство. Сначала, какая-то непонятная радость овладела моим сердцем: казалось, что оно ощутило внезапное наслаждение каким-то внутренним богатством в тот миг, когда натянутые паруса округлялись и заколебавшийся корабль тронулся с места. Я расхаживал скорыми шагами по шканцам и громко декламировал: «Шуми, шуми, послушное ветрило!» и проч. (42).

Таким образом, письмо всем своим духом и стилем как бы требовало отклика Пушкина, его оценки.

И действительно, в этом примечании есть строки, которые, несомненно, вписаны в него Пушкиным. В них содержится яркая характеристика прозаического стиля Теплякова: «Откровенный рассказ, живой слог, поэтический взгляд на предметы и веселое равнодушие в тех случаях, где судьба была неприветлива к сочинителю, — вот отличительный характер его писем, которые, без сомнения, понравятся читателям Лит. газеты»¹.

¹ Впрочем, последняя фраза тут могла сохраниться и от текста Сомова. Ср. у Сомова в «Обзрении рос. слов. за 1830 г.»: «Отличительный характер стихов Мицкевича» («Северные цветы на 1831 г.», стр. 5).

Неожиданное и острое перечисление разнообразных особенностей, характерное для пушкинского стиля, необычно для языка Сомова. Достаточно сопоставить с этим отрывком стиль принадлежащего Сомову¹ извещения о «Фракийских элегиях» В. Г. Теплякова в № 30 «Лит. газеты» 1830 года: «Мы имели случай читать некоторые из них отрывки, отличающиеся верностью описаний, живостью воображения, богатые чувством и прекрасными стихами». Язык Сомова относительно прост, но бледен и стандартен. Противоречивое и семантически острое сочетание слов вроде: *веселое равнодушие* — не может принадлежать Сомову. Напротив: этот тип смысловых связей типичен для пушкинского стиля с половины 20-х годов, например: «недобросовестное равнодушие или даже неприязненное расположение» («Пора Баратынскому...»); «благородное бешенство» («Путешествие из Москвы в Петербург»); «нельзя воздержаться от праведного негодования» («Замечания по русской истории XVIII в.»); «от упоительных и вредных мечтаний» (там же); «с такою ярою точностью» («О ничтожестве литературы русской»); «ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная» (там же); «политический писатель, уже славный в Европе своим горьким и заносчивым красноречием» («О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая») и мн. др.

Таких поправок и редакторских дополнений Пушкина в чужих статьях можно ожидать и искать довольно много — на протяжении №№ 1—13 «Лит. газеты» за 1830 год.

Так, в рецензии на «Краткую всеобщую географию Константина Арсеньева» есть явные следы пушкинской руки («Лит. газета», № 3, от 11 января). Синтаксический строй этой заметки резко отделяет ее от статей Сомова. Точность, сжатость конструкции, отсутствие сложных синтаксических распространений характерны именно для пушкинской речи. Например: «В нынешнем издании г. Арсеньев многое исправил и дополнил. Политическое разделение земли и государств, ее составляющих, изображены в нынешнем их состоянии. Таким образом, напр. пределы России показаны в том положении, в каком они находились в конце минувшего 1829 года, т. е. по заключению Адрианопольского трактата» и т. д.

3

Кроме приведенных и других редакторских исправлений, перу Пушкина, по моему мнению, принадлежат еще шесть следующих отдельных заметок и статей в «Лит. газете» за 1830 год, до последнего издания Академии наук не включавшихся в современные полные собрания сочинений Пушкина.

¹ См. указание самого Сомова в письме к В. Г. Теплякову от 31 мая 1830 г., «Русская старина», 1896, № 3, стр. 662.

«Замечание» в «Смеси» № 10 «Лит. газеты» за 1830 год (от 15 февраля, стр. 82): «Острая шутка не есть окончательный приговор. *** сказал, что у нас есть три Истории России: одна для гостинной, другая для гостиницы, третья для гостиного двора».

П. В. Анненков заявил, что № 10 «Лит. газеты» «исполнен» критическими заметками Пушкина¹. Основываясь на этом, С. А. Венгеров поместил заметку «Острая шутка не есть окончательный приговор» в собрании сочинений Пушкина². Но Н. О. Лернер, проверяя показания Анненкова и В. П. Гаевского относительно участия Пушкина в «Лит. газете» 1830 года, напал на этот афоризм и решительно отверг принадлежность его Пушкину. «Пушкин был очень дурного мнения об «Истории русского народа» Н. А. Полевого, но слишком высокого об «Истории государства российского», чтобы воспроизводить, да еще с таким слабым возражением, чью-то плоскую, а вовсе не острую шутку, где труд Карамзина назван книгой «для гостинной»³, — писал Лернер.

Вкус Н. О. Лернера показался последующим редакторам сочинений Пушкина достаточным критерием для отрицания принадлежности заметки Пушкину, и с тех пор она не вводилась ни в одно собрание сочинений Пушкина до последнего большого Академического. Между тем все в этой заметке говорит за авторство Пушкина. Отсутствовавший во время издания № 10 «Лит. газеты», Дельвиг не присылал статей в «Лит. газету». Сомову, как свидетельствует вся его литературная деятельность, был чужд стиль афоризмов, и он с этой стороны ничем не обнаружил себя во все время существования «Лит. газеты». Вяземский, еще не приехавший в Петербург из Москвы, сначала не давал мелких заметок для «Смеси», которою был недоволен. Кроме того, он, как показывает дальнейшая история «Лит. газеты», не печатал в ней афоризмов и анекдотов из своей «Записной книжки». Да и афоризм из № 10 «Лит. газеты» Вяземскому показался бы кощунством по отношению к «Истории государства российского» Карамзина, которая навсегда осталась катехизисом русской истории для Вяземского. Таким образом, уже по методу исключения приходится признать автором заметки Пушкина, исполнявшего в то время обязанности главного редактора газеты. Кроме того, и содержание, и стиль заметки, и ее образы вполне гармонируют с сочинениями Пушкина. «Три истории России» — это 1) «История государства российского» Карамзина, 2) «История российская» С. Н. Глинки и 3) «История русского народа» Н. Полевого. «Историю» Полевого сопоставлял с «Историей российской» Глинки даже Н. Надеждин и

¹ Сочинения А. С. Пушкина, изд. Анненкова, т. V, СПб, 1855, стр. 633.

² «Пушкин», изд. Брокгауза и Ефрона, т. IV, 1910, стр. 548, № 897; ср. Н. С. Яковлевский и М. Цявловский, «Пушкин в печати», М. 1914, стр. 86.

³ «Пушкин и его современники», вып. XII, 1909, статья «Новооткрытые страницы Пушкина», стр. 124—125.

отдавал без колебаний безусловное преимущество Глинке: ¹ «ему (Полевому) захотелось перетянуть Карамзина; а дотянулся ли и до Глинки?.. Дело еще сомнительное!.. История Российская Глинки подогрета по крайней мере горячею любовью к отечеству, которую следовало бы, конечно, растворить несколько благородным».

В журнале Раича «Галатее», в прибавлении к нему, названном «Аргус», горячо и притом в сатирическом плане обсуждался I том «Истории русского народа» Н. Полевого — в связи с «Историей государства российского» Карамзина и «Русской историей» С. Глинки. Дело в том, что сам С. Н. Глинка в своем «Московском альманахе для юных русских граждан на 1830 год» поместил статью «Отрывок из моих записок и мысли о истории русского народа». Здесь он заявил: «Погрешил бы я перед нашим временем, если бы в книге, издаваемой в пользу русских граждан, не упомянул о сочинителе *Истории русского народа*, который собственными своими усилиями и пользуясь всеми пособиями девятнадцатого столетия проложил себе поприще к славе...» С. Глинка скромно и самоотверженно ставит себя и свою «Русскую историю» ниже Н. Полевого и его исторического труда: «Я писал для себя и о сочинениях своих точно так думаю, как о мечтах, которые порождали призраки моей юности. Это был сон жизни».

В «Аргусе» (прибавление к «Галатее», ч. XI, 1830) были напечатаны «Замечания на статью, помещенную в Московском альманахе на 1830 год». Здесь прежде всего излагаются иронические комментарии к заявлению С. Н. Глинки, что сочинитель «Истории русского народа» «проложил себе поприще к славе»: «Слава славе рознь. Державин сказал:

...Редок благ прямых содетель, —

Он редок — но какая разность».

К какой из этих двух слав (сюда сделано примечание в сноске. — В. В.: «Слово *слава* поставлено в множественном числе по Грамматике издателя Московского Телеграфа») проложил себе поприще сочинитель *Истории русского народа*, это ясно, очень ясно доказано в 1-м № «Вестника Европы» и во 2-м № Московского Вестника на сей 1830 год. Издатели сих журналов известны публике своими познаниями в истории, следовательно им можно верить. Поверят ли самозванцу-историку, или, что все равно, историку?.. Вот вопрос! Впрочем чего не бывает на белом свете? Гришка Отрепьев имел на своей стороне, если не лучшую, по крайней мере большую часть! (горько вспомнить!) русского народа...» (стр. 11—12).

В связи с скромным признанием С. Н. Глинки, что он «не мог представить в подлинном виде *Истории Русского народа* и

¹ «Вестник Европы», 1830, № 1, статья Н. Н. об «Истории русского народа», сочинении Н. Полевого, стр. 71.

признает преимущества «Истории» Н. Полевого, рецензент заявляет: «Какое самоотвержение или, лучше сказать, самопожертвование! Несколько лет назад тому первый удар нанесен был Русской истории издателем М. Телеграфа, теперь сам родитель наносит последний, смертельный удар своему детищу. Это уже не самоотвержение, а детоубийство, которое, скажем к чести С. Н. Глинки, невольно напоминает об Агамемноне и Ифигении» (стр. 12—13).

Рецензент «Галатеи» так формулирует свое отношение к оценке сравнительных достоинств исторических работ С. Н. Глинки и Н. А. Полевого: «Охотно верим раскаянию издателя Московского альманаха в грехах против Истории, но не охотно соглашаемся или, лучше сказать, не соглашаемся, будто бы *Русская история* хуже *Истории русского народа*; противное, или почти противное этому мнению, доказано в 1-м № Вестника Европы: *История Российская* (русская) Глинки, сказано там, подогрета по крайней мере горячею любовью к отечеству... Но *Историю русского народа*... Сие море великое и пространное: тамо гады, их же несть числа: животные малые с великими!..» (стр. 13).

Пушкин, ссылаясь на чужой каламбур об этих трех историях («*** сказал...») ¹, ограничивает его действие афоризмом: «Острая шутка не есть окончательный приговор». Однако возможно, что и ссылка на постороннее лицо, как на виновника каламбура, была тактическим приемом. Во всяком случае, этот каламбур о трех историях естественно сопоставить с таким парадоксом самого Пушкина: «Некто у нас сказал, что французская словесность родилась в передней и далее гостиной не доходила... Буало, Расин и Вольтер (особенно Вольтер), конечно, дошли до гостиной: но все-таки через переднюю. Об новейших поэтах говорить нечего. Они, конечно, на площади» («О ничтожестве литературы русской...»).

Квалификация «Истории государства российского» как истории для гостиной не противоречит историческим воззрениям Пушкина. Гостиная — метонимия для обозначения светского общества. Это значение часто у Пушкина (напр., в «Евгении Онегине»). Ср. у Вяземского в предисловии «от переводчика» к «Адольфу» Бенжамена Констан: «...творение сие не только роман сегодняшний (roman du jour), подобно новейшим светским, или гостиным романам оно еще более роман века сего» ².

¹ Ср. у Сомова в «Обзрении российской словесности за вторую половину 1829 и за первую 1830 года» намек на шутку Пушкина или (вернее) Вяземского: «Некто сделал следующее замечание на различие в воспитании вымышленных и полусправедливых лиц в наших русских романах: «Монастырка», говорит он, «была воспитана в обществе благородных девиц, Федора в кабаке, а Иван Выжигин в собачьей конуре» («Северные цветы на 1831 г.», стр. 75).

² Бенжамен Констан. Адольф, СПб. 1831, стр. V—VI.

Сюда примыкает замечание Пушкина о первых восьми томах «Истории» Карамзина: «Светские люди бросились читать историю своего отечества. Она была для них новым открытием» («Отрывки из писем, мысли и замечания»). Ср. также: «Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, доколе им неизвестную»¹.

Слова — *гостиная*, *гостиница*, *гостинный двор*, — соединяясь в каламбурную цепь, в то же время выражают глубокую неудовлетворенность Пушкина современным ему состоянием истории. «История государства российского» Карамзина, «История российской» С. Н. Глинки, «История русского народа» Н. А. Полевого не отвечали потребностям народа.

«История российская» С. Глинки действительно была больше рассчитана на возбуждение патриотизма и любви к России у путешественников и проезжих. Она могла удовлетворить лишь беглый взгляд человека, остановившегося на время в гостинице. Приурочение «Истории русского народа» Полевого к «гостиному двору», намекая на социальную природу автора, в то же время заключало общую литературную оценку Н. Полевого как деятеля «толкучего рынка» литературы. Это суждение о Н. Полевом и позднее повторялось в «Лит. газете», например, в рецензии (Дельвига?) на «Гостинный двор российской словесности» Ф. Улегова².

Таким образом, нет никаких историко-литературных препятствий относить заметку № 10 «Лит. газеты» к сочинениям Пушкина. Авторство Пушкина доказывается также языком и стилем заметки.

Сближение слов — *шутка* и *окончательный суд* — у Пушкина встречается в «Отрывке из литературных летописей» в применении к критикам Каченовского: «Молодые писатели не будут ими забавляться как пошлыми шуточками журнального гаера. Писатели известные не будут ими презирать, ибо услышат окончательный суд своим произведениям».

Афоризмы, построенные по типу: «Острая шутка не есть окончательный приговор», — типичны для пушкинского стиля (у Вяземского связка *есть* обыкновенно отсутствует). Например: «Скромность, украшение седин, не есть необходимость литературная» («Отрывок из Литературных Летописей»). «Уважение к именам, освященным славою, не есть подлость (как осмелился кто-то напечатать), но первый признак ума просвещенного» («Об истории Полевого», ст. 1). «Талант неволен, и его подражание не есть постыдное похищение — признак умственной скудости» («Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова»). «Описывать слабости, заблуждения и страсти человеческие не есть безнравственность, так как анатомия не есть убий-

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 12, изд. АН СССР, 1949, стр. 305.

² «Литературная газета», 1830, № 65, стр. 236.

ство» («Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme»). Ср. в заметке о холере: «...легкомысленное бесчувствие не есть еще истинное мужество» и т. п.

Каламбурные сопоставления слов также не редкость в стиле Пушкина, особенно разговорно-эпистолярном. Например: «Один из самых оригинальных писателей нашего времени, не всегда *правый*, но всегда *оправданный* удовольствием очарованных читателей» («Наброски предисловия к «Борису Годунову»).

В письмах: «Покаместь мы не застрахованы, а застрашены»¹. О Дельвиге: «шпионы-литераторы заедят его как *барана*, а не как *барона*»². «Надеждин хоть изрядно нас *тешит* иногда (*тесать*) или *чесет* etc., но лучше было бы, если б он теперь *потешил*»³. «Как вы думаете, есть надежда на Надеждина или Надоумко недоумевают?»⁴ и мн. др. под.

Очень близка к афоризму из № 10 «Лит. газеты» заметка в № 12 (от 25 февраля, стр. 98):

«В одной из шекспировских комедий крестьянка Одрей спрашивает: «Что такое поэзия? вещь ли это *настоящая*?» Не этот ли вопрос, предложенный в ином виде и гораздо велеречивее, находим мы в рассуждении о поэзии романтической, помещенном в одном из Московских Журналов 1830 года?»

Эта заметка иронически метит в рассуждение о романтической поэзии Н. И. Надеждина, начавшее печататься в «Вестнике Европы», 1830, № 1 и № 2 («О настоящем злоупотреблении и искажении романтической поэзии»). Надеждин, доказывая несоответствие «необузданного скакания поэзии романтической» с духом времени, писал: «Сей поэтический цинизм тогда б только мог быть допущен, когда бы поэзия была не более, как раболепная подражательница и спищица природы. Но сия первородная дочь бессмертного духа, по сознанию самих раскольников, есть священнослужительница вечного изящества. Все произведения ее должны быть ознаменованы таинственною печатю божества, пред алтарем коего она священнодействует. Что же есть изящество, как не всесовершеннейшая гармония?»⁵ Восставая во имя этих принципов против мутных, «грязных и прогорклых затонов» романтизма, Надеждин обличал романтиков сопоставлениями с Шекспиром: «Один поэтический взмах проливает ныне более крови, чем грозная муза Шекспира во всех своих мрачных произведениях... Да и притом — разве эта зловещая мрачность, услаждающаяся одними кровавыми жертвами, составляет высо-

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 178.

² Там же, стр. 133.

³ Там же, стр. 97.

⁴ Там же, стр. 96.

⁵ «Вестник Европы», 1830, январь и февраль, № 1, стр. 21.

чайшее достоинство котурна Шекспирова?»¹. Обрушившись на Байрона и на байронистов, на «эти суетливые рои ничтожных пигмеев поэтического мира, толкущиеся в лучах славы байроновой подобно весенним мошкам», Надеждин взывает к «величественным теням Дантов, Кальдеронов и Шекспиров»: «Сколько крутиться должны величественные тени Дантов, Кальдеронов и Шекспиров при виде безумия, совершаемого, во имя их, со столь невежественною самоуверенностью и собирающего еще похвалы и рукоплескания назло им самим и их великим предшественникам!»²

Но, апеллируя к Шекспиру и провозглашая синтез, «средоточное единство» классицизма и романтизма, Надеждин делает ряд беззастенчивых и политически заостренных выпадов против русских «лжеромантических гаеров» — и в первую голову — против Пушкина: «Струны лирные онемели для славного имени русского — между тем как ныне, более нежели когда-либо, мать святая Русь, лелеемая благодатным промыслом, под златым скипетром могущественнейшего монарха, исполински восходит от славы в славу...» Напомнив о патриотическом энтузиазме автора «Слова о полку Игореве» и упрекая современных поэтов за отсутствие патриотических стихотворений, воспевающих славу русского оружия, напр., в турецкой войне, Надеждин патетически восклицает: «Что это значит? Неужели в груди их не бьется сердце русское? Неужели в жилах их не струится кровь русская?.. Увы, они сделались романтиками: и ничем не хотят быть более»³.

Нетрудно понять, что все эти тирады направлены были прежде всего против Пушкина⁴, произведениям которого тут же произносился приговор: «Гораздо охотнее можно согласиться перелистать подчас *Хорева* или *Димитрия Самозванца* Сумарокова — даже *Росслава Княжнина* — чем губить время и труды на беспутное скитание по *цыганским* таборам или *разбойническим* вертепам. Там, если нечем полюбоваться — не с чего и стошнится! Но нелепые бредни, выдаваемые под фирму романтизма, не представляют и сего утешительного преимущества. Все то, что внушало нам омерзение в чужеземных лжеромантических изучениях — в наших еще омерзительнее: ибо у нас они не имеют даже и прелести небывальщины. Это — тот же самый сор, получаемый только из вторых рук, те же мерзости — дважды переваренные!»⁵

Пушкин не мог оставить выпады Надеждина без ответа. В «Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений»

¹ «Вестник Европы», 1830, январь и февраль, № 1, стр. 24.

² Там же, стр. 36—37.

³ Там же, № 2, стр. 146.

⁴ Ср. статью Ю. Н. Тынянова: «О «Путешествии в Арзрум»». «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», вып. 2, 1936, стр. 68—69.

⁵ «Вестник Европы», 1830, № 2, стр. 148.

Пушкин не только пародировал «ребяческие критики» разбором «Федры» в стиле Надеждина, но и дал убийственную оценку рассуждению Надеждина о романтической поэзии. В черновых вариантах «Опыта» он иронически воспроизводит надеждинские характеристики Байрона и Шекспира: «Недавно один из наших критиков, сравнивая Шекспира с Байроном, считал по пальцам где более мертвых? в трагедии одного или в повести другого. Вот в чем полагал он существенную разницу между ними» (рукопись Библиотеки им. В. И. Ленина, № 2387 А, л. 13, об. 14). Вместе с тем Пушкин язвительно спрашивал: «Должно ли серьезно отвечать на таковые критики, хотя б они были писаны и по-латыни, а приятели называли этот вздор глубокомыслием?»

Таким шутливым откликом на «рассуждение о романтической поэзии» Надеждина и была заметка в № 12 «Лит. газеты». Таким образом, уже весь историко-литературный фон ее возникновения наводит на мысль об авторстве Пушкина. В этой заметке-афоризме Пушкин поражал Надеждина его же оружием — ссылкой на Шекспира.

Крестьянка Одри — одно из второстепенных действующих лиц комедии Шекспира «Как вам это понравится». Она отказывается понимать поэтический язык Оселка (Точстона). Тот говорит: «Я с тобою и с твоими козами в этих местах похож на самого прихотливого поэта, честного Овидия в то время, как он был у готов». Жак, второй сын Роланда де-Буа, присутствующий при этой сцене, иронически замечает: «О, ученость — она здесь более не на своем месте, чем если бы Юпитер очутился под соломенной крышей».

Оселок удивляется непонятливости Одри и выражает желание, чтобы боги вложили в нее вкус к поэзии, сделали ее поэтичною.

Одри — в ответ на это — говорит: «Я не знаю, что значит поэзия, поэтичная? Значит ли это — честная на деле и на словах? Правдивая ли, настоящая ли это вещь?» Оселок: «Нет, потому что самая правдивая поэзия — вымысел...» Одри: «И после этого вы хотели бы, чтоб боги создали меня поэтичною?» Оселок: «Конечно, хотел бы, потому что ты клялась мне, что ты честна — значит, если б ты была поэтом, я бы имел некоторую надежду, что ты вымышляешь...» (III, 3).

Прием остроумного и иронически-контрастного сопоставления живых явлений современности с литературными образами и изречениями был характерной особенностью афористического стиля как Вяземского, так и Пушкина. Например, у Пушкина в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» сказано: «Les sociétés secrètes sont diplomatie des peuples. Но какой же народ верит права свои тайным обществам и какое правительство, уважающее себя, войдет с оными в переговоры?»

Ср. также стиль отрывка: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно...»

Или: «В миг, когда любовь исчезает, наше сердце еще лелеет ее воспоминание. Так, гладиатор у Байрона соглашается умирать, но воображением носится по берегам родного Дуная».

Вообще пушкинские мысли и изречения обычно начинаются ссылкой на литературный афоризм: «Стерн говорит...» — «Один из наших поэтов говорил гордо...» — «Все, что превышает геометрию, превышает нас», сказал Паскаль...» — «Путешественник Ансело говорит» и т. п.

Таким образом, заметка в № 12 «Лит. газеты» органически входит в круг пушкинских «мыслей и замечаний». Вяземский не участвовал в №№ 11—15 «Лит. газеты» 1830 года, он в это время готовился к переезду в Петербург, был в дороге и, наконец, устраивал свои служебные дела¹. Дельвиг уже вернулся в Петербург к выходу № 12 «Лит. газеты», но следов его участия в этом номере нет. Кроме того, самый жанр мыслей, замечаний и афоризмов в «Лит. газете» 1830 года, по-видимому, культивировался одним Пушкиным. По крайней мере этот жанр исчезает после № 16 «Лит. газеты» (от 17 марта). Язык заметки не дает никаких новых данных ни в пользу пушкинского авторства, ни против него.

В тесной стилистической связи с афоризмом из № 12 «Лит. газеты» находится также едкое изречение в № 16 (в отделе «Смеси», стр. 130): «Мильтон говаривал: «С меня довольно и малого числа читателей, лишь бы они достойны были понимать меня». — Это гордое желание Поэта повторяется иногда и в наше время, только с небольшою переменной. Некоторые из наших современников явно и под рукою стараются вразумить нас, что «с них довольно и малого числа читателей, лишь бы много было *покупателей*».

Номер 16 «Лит. газеты» (от 17 марта) вышел после отъезда Пушкина из Петербурга. Весь критико-публицистический материал этого номера (кроме научно-популярной статьи академика Велланского о животном магнетизме) принадлежит Дельвигу и Вяземскому. Таким образом, возникает сомнение, можно ли приписывать эту заметку Пушкину, не является ли она сочинением Дельвига или Вяземского. Однако стиль этого афоризма отличается такими особенностями, которые необычны для языка Дельвига. В ней бьется сильная струя живой речи: «это гордое желание поэта повторяется иногда и в наше время, *только с небольшою переменной...*» «явно и *под рукою...*» Последнее выражение носит профессиональный отпечаток торгового диалекта. Авторство Дельвига очень сомнительно. Выбор может быть лишь между Вяземским и Пушкиным. Однако Вяземскому нельзя

¹ См. «Письма П. А. Вяземского к жене за 1830 г.». «Звенья», VI.

приписать никакой другой мелкой афористической заметки в «Лит. газете». По-видимому, Вяземский не хотел распылять своей «Записной книжки», разрушать композицию жанра, извлекая единичные анекдоты и афоризмы как самостоятельные произведения. Кроме того, нет решительно никаких оснований отделять от заметки о Мильтоне стилистически однородную с ней заметку в № 12 по поводу надеждынского рассуждения о романтической поэзии, а автором этой последней не мог быть Вяземский. Таким образом, с наибольшей вероятностью эта заметка в № 16 «Лит. газеты» может быть приписана Пушкину. Выражение «под рукою» встречается у Пушкина в «Путешествии из Москвы в Петербург»: «Продажа рекрут была в то время уже запрещена, но производилась еще под рукою».

Самая композиция заметки вполне совпадает с построением пушкинских мыслей, замечаний и афоризмов (примеры см. выше при анализе заметки из № 12 «Лит. газеты»). Любопытно соответствие зачина «Мильтон говаривал» типичному для Пушкина началу «анекдота» или «замечания»: «Д[ельви́г] говаривал, что самую полную сатиру на некоторые литературные общества был бы список членов с означением того, что кем написано». Или: «Потемкин, встречаясь с Шешковским, обыкновенно говаривал ему...» («Table-talk»).

За авторство Пушкина говорит и противопоставление образа Мильтона, как гордого и независимого поэта, торгашам современной литературы. Пушкин очень часто упоминал о Мильтоне как о величайшем поэте человечества¹. «Истинная красота не поблекнет никогда. Омир, Вергилий, Мильтон, Расин, Вольтер, Шекспир, Тасс и многие другие читаны будут, доколе не истребится род человеческий» («Путешествие из Москвы в Петербург»). Мильтон стоит у Пушкина в одном ряду с Шекспиром («О ничтожестве литературы русской»).

Вместе с тем Мильтон в критических статьях Пушкина неизменно изображается как гордый, строгий и непреклонный поэт, не приспособившийся к модным вкусам толпы: «Мильтон и Данте писали не для благосклонной улыбки прекрасного пола».

«Ни один из французских поэтов не дерзнул быть самобытным, ни один, подобно Мильтону, не отрекся от современной славы».

«Джон Мильтон, друг и сподвижник Кромвеля, суровый фанатик, строгий творец Иконокласта и книги *Defensio populi*»²... он «в злые дни, жертва злых языков, в бедности, в гонении и в слепоте сохранил непреклонность души и продиктовал Потерян-

¹ Мильтон — «всё вместе и изысканный, и простодушный, темный, запутанный, выразительный, своенравный и смелый даже до бессмыслия». См. высказывания Пушкина о Мильтоне в следующих томах последнего академического издания Сочинений Пушкина: т. 11, стр. 33, 37, 61, 262, 272, 306, 309, 503, 508; т. 12, стр. 137—144, 178, 179, 378—385; т. 13, стр. 177.

² В черновом варианте: «защитник английского народа».

ный Рай» («О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая»).

На этом фоне вероятность принадлежности Пушкину заметки «Мильтон говаривал...» возрастает. Но помимо этих лингвистических, стилистических и историко-литературных аргументов, авторство Пушкина подкрепляется и общей ролью и смыслом этой заметки в контексте критической публицистики «Лит. газеты».

Дело в том, что эта заметка является контрударом Пушкина, вызванным журнальными толками вокруг его заявления в № 3 «Лит. газеты»: «Литературная Газета была у нас необходима не столько для публики, сколько для некоторого числа писателей». В «Северной пчеле» — будто бы от имени читателей — был помещен вопрос к издателям: «Истинный талант не знает никаких отношений в литературе, кроме отношения к публике, а не во гнев сказать, в России есть журналы не хуже Литературной Газеты, которых издатели приобрели право (своими трудами) быть посредниками между публикою и писателями. Итак, кто же те великие незнакомцы, которые хотят печатно скрываться пред нами в Литературной Газете? И если Газета более необходима для них, то есть для желающих писать и печатать, нежели для нас, требующих чтения, то что нам остается делать в этом случае. Растолкуйте это нам, гг. издатели Пчелы! Не насмешка ли это, не шутка ли, не мистификация ли? Трудно поверить, чтоб сами издатели журнала писали противу себя такие манифесты!»¹ Еще более резким и грубым был позднейший выпад М. А. Бестужева-Рюмина в «Северном Меркурии»².

Пушкин в ответ на выпады литературных антрепренеров и спекулянтов проводит ироническую параллель между гордым и независимым Мильтоном и современными журналистами. Фразеология, общий тон и содержание этого афоризма находят себе близкие параллели и соответствия в таком наброске Пушкина о журнальной критике: «Критикой у нас большею частью занимаются журналисты, т. е. entrepreneurs, люди понимающие свое дело, но не только не критики, но даже и не литераторы. В других землях писатели пишут или для толпы, или для малого числа. (Сии, с любовью изучив новое творение, изрекают ему суд и таким образом творение, не подлежащее суду публики, получает в ее мнении цену и место ему принадлежащее.) У нас последнее невозможно, должно писать для самого себя».

В собрание сочинений Пушкина должна быть включена одна из лучших рецензий «Литературной газеты» — рецензия на «Невский альманах», 1830 год — в № 12 «Литературной газеты» (от 25 февраля, стр. 96):

¹ «Северная пчела», 1830, № 6. Ср. «Сын отечества», 1830, № 16, стр. 237.

² «Северный Меркурий», 1830, №№ 49 и 50; «Сплетница».

«Невский Альманах на 1830 год, изданный Е. Аладыным». — СПб., в типогр. вдовы Плюшар, 1830 (486 стр. в 16-ю долю и 22 стр. нот).

Невский альманах издается уже 6-й год и видимо улучшается. Нынче явился он безо всяких излишних притязаний на наружную щеголеватость; Издатель в сем случае поступил благо разумно, и Альманах нимало от того не потерпел. Три письма князя Меншикова, в нем помещенные, любопытны как памятники исторические. *Сказки о кладах* суть лучшее из произведений Байского, донныне известных. Стихотворную часть украшает Языков.

С самого появления своего сей поэт удивляет нас огнем и силою языка. Никто самовластнее его не владеет стихом и периодом. Кажется, нет предмета, коего поэтическую сторону не мог бы он постигнуть и выразить с живостию, ему свойственною. Пожалеем, что донныне почти не выходил он из пределов одного слишком тесного рода, и удивимся, что Издатель журнала, отличающегося слогом неправильным до бессмыслицы, мог вообразить, что ему возможно в каких-то пародиях подделаться под слог Языкова, твердый, точный и полный смысла.

Трудно сомневаться в принадлежности Пушкину этой рецензии, раньше иногда приписывавшейся Дельвигу (см. «Сочинения барона А. А. Дельвига», изд. Евг. Евдокимова, 1893, стр. 124). Томашевский уже заподозрил в ней руку Пушкина: «В № 12 рецензия на «Невский альманах», печатаемая в сочинениях Дельвига, но им, конечно, за отсутствием не написанная, своей характеристикой поэзии Языкова напоминает Пушкина. Но обо всем этом можно только гадать»¹. Однако можно, не гадая, найти веские доказательства авторства Пушкина.

Абсолютно исключено участие О. М. Сомова в составлении этой рецензии, так как в ней есть отзыв о его сочинениях, написанный явно посторонним человеком: «*Сказки о кладах* суть лучшее из произведений Байского, донныне известных»². От № 3 до № 13 «Лит. газеты» нет никаких следов участия Дельвига, который до 17—20 февраля еще не возвращался в Петербург. В № 2 напечатана рецензия Дельвига на альманах «Радуга», в № 14 — его же рецензия на роман Булгарина «Дмитрий Самозванец». В промежутке — до № 13 нельзя указать ни одной статьи, которая могла бы быть хоть с минимальной долей вероятности приписана Дельвигу³. Стиль рецензии на «Невский альманах» не дельвиговский (анализ см. ниже).

П. А. Вяземский в момент выхода № 12 «Лит. газеты» находился в дороге из Москвы в Петербург. Поэтому его сотрудниче-

¹ Б. В. Томашевский, Пушкин, стр. 123.

² Ср. отзыв о «Невском альманахе» в «Северных цветах на 1831 г.», стр. 30.

³ Лишь в № 13 короткая рецензия на «Метафизику» Ф. Баумейстера, быть может, написана Дельвигом (если не Пушкиным).

ство в «Лит. газете» прервалось на время. В № 8 помещена при-
сланная им из Москвы статья «О московских журналистах», кото-
рую он предлагал Пушкину растянуть на несколько номеров. Мо-
жно думать, что без содействия Вяземского не обошлось письмо
Ивана Салаева, издателя полного собрания сочинений Фонви-
зина, в редакцию «Лит. газеты», помещенное в № 10 (стр. 81—
82). После этого в «Лит. газете» не было статей Вяземского до
№ 16 (от 17 марта), в котором Вяземский выступил с рецензией
на «Монастырку» Погорельского.

Таким образом, уже одни историко-литературные справки
почти с несомненностью доказывают принадлежность Пушкину
рецензии на «Невский альманах».

Все критические статьи и заметки № 12 «Лит. газеты» как
в отделе «Библиографии», так и «Смеси», кроме перепечатанного
из «Tygodnik Petersburski» извещения о скором издании древ-
него памятника французской словесности «Brut d'Angletterge»,
написаны Пушкиным. Рецензия на «Невский альманах» нахо-
дится в тесной связи с помещенной в том же номере пушкинской
заметкой: «Англия есть отечество карикатуры и пародии». Ре-
цензия заканчивается полемическим выпадом против Полевого.
Ср. в статье «Англия есть отечество карикатуры и пародии»:
«Не думаю, чтобы кто-нибудь из известных наших писателей мог
узнать себя в пародиях, напечатанных недавно в одном из мо-
сковских журналов... Хороший пародист обладает всеми слогами,
а наш едва ли и одним».

В принадлежности Пушкину заметки о пародии в Англии и
о пародиях Полевого нет никаких оснований сомневаться. Язык
и стиль этой статьи соединяют все особенности пушкинской
манеры. Сжатая и строгая конструкция фразы, тонкая ирония,
острые переходы от повествовательного стиля к драматическим
иллюстрациям, непринужденность диалогической речи («Валь-
тер Скотту показывали однажды стихи, будто бы им сочиненные.
«Стихи, кажется, мои», отвечал он, смеясь. «Я так много и так
давно пишу, что не смею отречься и от этой бессмыслицы!») —
все это, естественно, связывается с именем Пушкина. Типичным
приемом пушкинского эпиграмматического стиля является рез-
кий и неожиданный укол в самом конце заметки, контрастно
напоминающий об ее начале, изменяющий значение всего пред-
шествующего изложения и уничтожающий врага убийственной
характеристикой «Истории русского народа» как пародии¹.
Таким образом, рецензия на «Невский альманах» и заметка о
пародии в № 12 «Лит. газеты» — произведения одного автора,
именно Пушкина. Содержащаяся в них оценка слога Полевого
целиком совпадает с пушкинскими отзывами о языке и стиле

¹ Ср. у Пушкина в статье об «Истории русского народа» Полевого: «Как
заглавие его книги есть не что иное, как пустая пародия заглавия «История
государства российского», так и рассказ г-на Полевого слишком часто не
что иное, как пародия рассказа историографа».

Полевого в других местах. Ср. суждение Пушкина о Полевом в рецензии на «Историю русского народа»: «Г. Полевой в своем предисловии весьма искусно дает заметить, что слог в истории есть дело весьма второстепенное, если уже не совсем излишнее... слог есть самая слабая сторона «Истории русского народа». Невозможно отвергать у г-на Полевого ни остроумия, ни воображения, ни способности живо чувствовать, но искусство писать до такой степени чуждо ему, что в его сочинении картины, мысли, слова, все обезображено, перепутано и затемнено»¹. Характеристика же слога Полевого, как «неправильного до бессмыслицы», напоминает такие высказывания Пушкина о Полевом: «издатель... должен 1) знать грамматику русскую, 2) писать со смыслом: т. е. согласовать существ. с прилаг. и связывать их глаголом. — А этого-то Полевой и не умеет» (письмо к П. А. Вяземскому от 9 ноября 1826 г.)².

Ср. в рассказе «Ветреный мальчик» из «Детской книжки»: «Русской грамматике не хотел он учиться, ибо недоволен был изданною для народных училищ и ожидал новой философической».

Кроме того, самый тон отзыва о стихах Языкова как нельзя более соответствует пушкинской, неизменно восторженной оценке «очаровательного стиха» «вдохновенного» Языкова. Еще в 1826 году (9 ноября) Пушкин писал Вяземскому из Михайловского: «Здесь нашел я стихи Языкова. Ты изумишься, как он развернулся, и что из него будет. Если уж завидовать, так вот кому я должен бы завидовать. Аминь, аминь глаголю вам. Он всех нас, стариков, за пояс заткнет»³. Ср. послания к Языкову и «Евгений Онегин» (IV, XXX), а также «Путешествие Онегина».

Наконец, язык и стиль рецензии на «Невский альманах» являются непреложным свидетельством принадлежности ее Пушкину. Типичный пушкинский синтаксис, сжатая глагольная фраза, отсутствие сложных конструкций, стройный и строгий ход логической мысли без всяких отступлений, необыкновенный лаконизм и полнота изложения — все это несвойственно рецензиям Дельвига.

Большая часть выражений и оборотов в рецензии на «Невский альманах» носит явственный отпечаток пушкинского языка и стиля. Например: «сей поэт удивляет нас огнем и силою языка». Ср. в «Моих замечаниях об русском театре»: «славянские стихи Катенина, полные силы и огня»; ср. также в статье о записках

¹ Любопытно, что и Полевой сразу же угадал Пушкина в авторе заметки о пародии и поспешил заявить об отсутствии в «Телеграфе» пародий на стихотворения Пушкина. «Если в Телеграфе и печатаются пародии, если в них и узнают своих детищ некоторые поэты, то из этого не следует, чтобы там же были и пародии на Пушкина» («Московский телеграф», 1830, ч. XXXII, № 6, стр. 240—241).

² А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 13, стр. 304.

³ Там же, стр. 305.

Самсона: «Поэт Гюго не постыдился в нем искать вдохновений для романа, исполненного огня и грязи», в статье о сочинениях Катенина: «Мстислав Мстиславич, стихотворение, исполненное огня и движения».

«Никто самовластнее его не владеет стихом и периодом». Ср.: «Он должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические оковы» («Наброски предисловия к «Борису Годунову») ¹.

Перенос слов *самовластие, самовластный, самовластно* — из сферы политических отношений в область жизни и поэзии — типическая особенность пушкинского стиля. Например: «Наши журнальные Аристархи без церемонии ставят на одну доску Данте и Ламартина, самовластно разделяют европейскую литературу на классическую и романтическую» («Наброски предисловия к «Борису Годунову»).

«Кажется, нет предмета, коего поэтическую сторону не мог бы он постигнуть и выразить». Ср. в «Проекте предисловия к VIII и IX главам «Евгения Онегина»: «Самый ничтожный предмет может быть избран стихотворцем; критике нет нужды разбирать, что стихотворец описывает, но как описывает».

«Постигнуть и выразить с живостью, ему свойственною». Ср.: «Трогательное добродушие древних летописцев, столь живо постигнутое Карамзиным» («Наброски предисловия к «Борису Годунову»). Ср.: «Она (критика) редко сохраняет важность и приличие, ей свойственные» («Мнение М. Е. Лобанова»).

«...Почти не выходил он из пределов одного слишком тесного рода» ². Ср.: «Книгу, в которой дерзость мыслей и выражений выходит из всех пределов» («Путешествие из Москвы в Петербург»). Ср. также: «Круг поэтов делается час от часу теснее...» (письмо Вяземскому, апрель 1820 г.) ³

Вместе с тем слово «род» в языке Пушкина в применении к литературе всегда значит: жанр или стиль, например, род классический и романтический. «Какие же роды стихотворений должно отнести к поэзии романтической?» («О ничтожестве литературы русской») и т. п.

В положительной оценке слога писателя Пушкин прежде всего подчеркивает его точность: «Из стихотворений греческая песнь Туманского, к Одесским друзьям (его же) отличаются гармо-

¹ Ср. в письме к Вяземскому от 6 февраля 1823 г.: «...прозу-то не забывай; ты да Карамзин одни владеют ею» (А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 13, стр. 57).

² Ср. в «Евгении Онегине»:

И свод элегий драгоценный
Представит некогда тебе
Всю повесть о твоей судьбе.

³ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 13, стр. 15.

нией и точностью слога» («Об альманахе «Северная лира»); о Баратынском: «верность ума, чувства, точность выражения, вкус, ясность и стройность» («Пора Баратынскому...»); «гармония его стихов, свежесть слова, живость и точность выражения должны поразить всякого» («Баратынский принадлежит к числу...»).

«Гармоническую точность» Пушкин считал отличительной чертой школы, основанной Жуковским и Батюшковым (в рецензии на «Карелию» Глинки). О Сент-Беве: «Никогда ни на каком языке голый сплин не изъяснялся с такою сухою точностью». Ср. о Ломоносове: «Отвращение от простоты и точности» («Путешествие из Москвы в Петербург»). Ср.: «...Твоя гармония, поэтическая точность, благородство выражений, стройность, чистота в отделке стихов пленяют меня...» (черновое письмо П. А. Плетневу, 1822 г.)¹. «Дельвиг, Дельвиг!.. благославляю и поздравляю тебя — добился ты наконец до точности языка...» (Л. С. Пушкину, от 30 января 1823 г.)². «...Опыты Озерова ознаменованы поэтическим слогом — и то неточным и заржавым...» (П. А. Вяземскому, от 6 февраля 1823 г.)³.

«Полный смысла». Ср.: «Произведения английских поэтов, напротив, исполнены глубоких чувств и поэтических мыслей» («В зрелой словесности приходит время»). «Стих, исполненный истинно трагической силы» (там же). «Стихотворения его... исполнены искреннего вдохновения» («Всемирно известно, что французы...»). «Сладкоречивый епископ в книге, наполненной смелой философией, помещал язвительную сатиру на прославленное царствование» («О ничтожестве литературы»). «С ее роскошным языком, исполненным блеска» («О «Ромео и Джульете» Шекспира»). «Оригинальность и индивидуальность слога, полного жизни и движения» («От редакции. О хронике русского в Париже»).

«Войнаровский полон жизни»⁴.

«А чем же и держится Иван Иванович Расин, как не стихами, полными смысла, точности и гармонии!» (Письмо Л. С. Пушкину, 1824 г.)⁵ и др. под.

Наконец, для пушкинского стиля очень характерно тройственное сочетание эпитетов, которым заканчивается рецензия. Например: «слог его, ровный, цветущий и живописный» («О предисловии г-на Лемонте...»); «трудность метафизического языка, всегда стройного, светского, часто вдохновенного» («О переводе романа Б. Констана «Адольф»); «отпечаток ума тонкого, наблюдательного, оригинального» («О статьях князя Вяземского»); «В этой черте весь его характер, скрытый, жестокий, постоянный» (Заметка о «Полтаве»); «тем искреннее, небрежнее и сильнее

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 13, стр. 53.

² Там же, стр. 56.

³ Там же, стр. 57.

⁴ Там же, стр. 87.

⁵ Там же, стр. 86.

становится его рассказ» («Собр. соч. Георгия Кониского...»); «Германская философия, особенно в Москве, нашла много молодых, пылких, добросовестных последователей» («Мнение М. Е. Лобанова...»); «Он прост, полон и краток» («Словарь о святых»); «Черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно» («Послесловие к «Долине Ажитугай»); «нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют и пером быстрым, живописным и пламенным» («Записки Н. А. Дуровой»); «живой, теплый, внезапный отпечаток мыслей, чувств» («От редакции Современника») и мн. др.

Можно думать, что перу Пушкина принадлежит следующая заметка в «Смеси» № 13 «Лит. газеты» (1830, от 2 марта, стр. 106):

«Г. Раич счел за нужное отвечать критикам, не признававшим в нем таланта. Он напечатал в 8-м № *Галатеи* нынешнего года следующее примечание: «Чтобы вывести некоторых из заблуждения, представляю здесь перечень моих сочинений:

1. Грусть на пиру.
2. Прощальная песнь в кругу друзей.
3. Перекати-поле.
4. Другьям.
5. Амела.
6. Петроний к другьям.
7. Вечер в Одессе.

Прочие мелкие стихотворения мои — переводы. В чем же *obtrectatores* нашли вялость воображения, шепетильную жеманность чувства и (просим покорно найти толк в следующих словах!) недостаток воображения.

Мы принуждены признать неоспоримость сего возражения».

Эта заметка могла быть написана или Пушкиным, или Дельвигом, у которого с Раичем были свои литературные счета и который, по-видимому, по возвращении в Петербург, именно с № 13 «Лит. газеты» приступил к выполнению своих редакторских обязанностей (ср. рецензию на «Метафизику» Ф. Баумейстера в том же номере «Лит. газеты»).

В «Галатее» (1830, ч. XII, № 8) была помещена рецензия на «Северные цветы на 1830 год». Здесь в адрес всех издателей «Литературной газеты» было высказано много злых, а иногда и резких критических замечаний. Так, к О. М. Сомову и отчасти к А. А. Дельвигу относилось следующее общее суждение: «*Les extremités se rencontrent*; это доказывают *Северные Цветы*: в первый год своего существования в них стихотворное отделение было прекрасно, прозаическое слабо; во втором году проза не уступала стихам; в третий год *Северные Цветы* начали малопомалу блекнуть; прошлогодние уступили первенство *Невскому*

альманаху, а нынешние почти совсем завяли; *Денница* превзошла их. Это еще не все: в первый год обозревал словесность нашу добрый миролюбивый литератор, г. Плетнев, и в предлинном письме к какой-то графине, помнится, выставлял сокровища отечественной словесности в самом ярком свете и расхваливал русских... виноват! петербургских писателей, как больше нельзя. Особенно расточителен был он на похвалы своим приятелям. Что же за беда; лучше хвалить друзей, нежели бранить неприятелей. Впрочем, результат длинного письма был тот, что первоклассные наши поэты пишут не хуже Ламартина. В последующие годы обозрение русской литературы в *С[еверных] Ц[ветах]* прибрал к своим рукам г. Сомов и обдирает ее по-своему... Ждите после этого ароматов из цветника нашей Словесности! («Галатей», 1830, ч. XII, № 8, стр. 78—79). Далее подчеркивается пристрастность и необъективность, непринципиальность сомовской критики. Сомову достается отдельно за рассказ «Кикимора».

«Кикимора» (Рассказ русского крестьянина на большой дороге). В этом рассказе крестьянин, или что все равно, сочинитель, действительно хорошо говорит по-крестьянски. Но что в этом толку? Ломоносов, Карамзин, Дмитриев, Батюшков и другие более всего заботились о благородстве языка русского, а гг. Сомовы... (не называю (sic! — В. В.) других) более всего хлопочут о неблагородстве языка. — Горе нашей литературе, если это направление к рустицизму долго еще не прекратится!» (стр. 81).

К Пушкину относятся следующие критические замечания «Галатей»:

«Отрывок из литературных летописей, за подписью: А. Пушкин. Статья эта начинается следующим образом: «Распря между двумя известными журналистами наделала шуму. Постараемся изложить исторически все дело sine ira et studio». Мы с своей стороны постараемся изложить исторически причины, sine ira et studio, побудившие знаменитого нашего поэта написать знаменитую статью для *Северных цветов*. В *Вестнике Европы* помещен был разбор Полтавы, который имел несчастье не понравиться А. С. Пушкину. Вот сочинитель Полтавы, оставив на время поэтические занятия, принялся за (как говорит Вольтер) vile prose, втиснул ее в *Северные цветы*, только не sine ira et studio относительно издателя *Вестника Европы*» (стр. 82).

Рецензент «Галатей» находил, что «в поэзии *Северных цветов* мало поэзии». В ответ на возражение, что «в *Северных цветах* есть стихотворения Пушкина, Баратынского, б. Дельвига», он заявляет: «Это ничего не доказывает или доказывает, что А. С. Пушкин поспешил на пьесы; Муза Баратынского не хотела ласково взглянуть на *Северные Цветы*, почуявши, что они вянут; Муза б. Дельвига, чопорно принарядившись в *душегрейку новейшего уныния*, не отходила от зеркала и, любуясь собою, спрашивала у него: не к лицу ли *Гречанке северный наряд (Денница, LIX)*? Время между тем шло своею чередою, наступила

осень, и цветы без должного надзора, не доцветши, поблекли» (стр. 84).

«Галатее» суровее всего критиковала Дельвига. В этой же рецензии на «Северные цветы на 1830 г.» читаем: «...поэтическая слава б. Дельвига поддерживается несколькими песенками, а о подражаниях его древним скажем теперь то же самое, что обзиратель Северных цветов, по известным публике причинам, говорит о сочинениях Раича: «Вялость воображения и вкуса, щепетильная жеманность чувства, недостаток воображения и вкуса, часто смешной выбор стихотворных мер» (прибавим, какая-то приторность) — вот характеристика барона Дельвига. Кому угодно сделать поверку этой характеристики, тот может, разумеется, отбросивши наперед предубеждения, прочитать все стихи б. Дельвига, помещенные в Северных цветах на нынешний год, особенно две идиллии: *Отставной солдат* и *Изобретение ваяния*. Вот маленький образчик из последнего стихотворения:

Боги! на глине я вижу очерк прямой и чудесный
Лба и носа прекрасной Хариты, дивно похожий,
Вижу: и кудри густые, кругом завиваясь, повисли;
Место для глаз уж назначено, пальцы ж трудятся добраться
В мякоти чудной до...

Довольно ли? — может быть, иные подумают, что пером нашим водило негодование. Действительно, негодование водило им, но только не за себя, но за несчастную нашу литературу; мы с горестью видим, что многие стали подражать барону Дельвигу и пишут в древнем вкусе. Бедные! они позабыли, что дурной вкус есть вкус самый древний. Впрочем, жалеть не о чем; и дурное в литературе, разумеется, если это дурное выдается сочинителем за хорошее, не всегда бесполезно; оно подает повод к пародиям, которые похищают у читателя улыбку. Вот две умные в этом роде пьесы. Мы выписываем их из 2-го № М. Телеграфа на сей год.

СХОДСТВО

(*двустипшие в древнем роде*)

Сшили фрак: и был он модный, прекрасный, изящный;
Мода прошла, и — на ветошь он продан! Не то ли и в мире?

Феокритов

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Трубку я докурил и, пепел ее выбивая,
Думал: «Так выбивает из света нас Крон беспощадный!»

Феокритов

Кстати спросить можно: чем стихи Феокритова хуже следующих стихов барона Дельвига:

Мы не смерти боимся, но с жизнью расстаться нам жалко:
Так не с охотою мы старый меняем халат»

(стр. 84—87).

К тому месту, где критические замечания о сочинениях Раича применяются к поэзии Дельвига («Галатея», 1830, ч. XII, № 8, стр. 84—85), сделано такое примечание издателя: «Горькая участь переводчика Virgiliевых Георгик и Освобожденного Иерусалима! Пока он не издавал журнала, или, лучше сказать, пока не сорвал с некоторых из господ пишущих личины, его хвалили, а теперь? теперь перевод О (освобожденного) Иер. (усалима) назвали пародиею, а сочинения бранят без пощады, не называя их. Чтобы вывести некоторых из заблуждения, представляю здесь перечень моих сочинений: 1. Грусть на пиру, 2. Прощальная песнь в кругу друзей, 3. Перекати-поле, 4. Друзьям, 5. Амела, 6. Петроний к друзьям, 7. Вечер в Одессе. Прочие мелкие стихотворения мои — переводы. В чем же *obtrectatores* нашли вялость воображения, щепетильную жеманность чувства и (просим покорно найти толк в следующих словах!) недостаток воображения. В этом же роде какой-то Бенвенуто... написал в С. О. и С. А. разбор Освобожд. Иерусалима. Там-то рецензент показал во всем свете свой вкус, представивши образцы перевода Тассова Иерусалима в прозе для параллели с переводом Раича».

Язык этой своеобразной статьи не дает никакого материала для суждений об авторе. Параллельные фразы и обороты для коротких вступительных замечаний и заключения можно найти и в «Замечаниях на Песнь о Полку Игореве»: «Шлецер... признал подлинно древнее произведение и не почел даже за нужное приводить тому доказательства». В «Отрывке из литературных летописей»: «Мы ожидали от г. Каченовского возражений неоспоримых» и т. п.

Но гораздо больше данных в пользу авторства Пушкина можно извлечь из наблюдений над общей композицией статьи. Вся манера этой заметки, ее бесстрастный и в то же время глубоко иронический в своем бесстрастии тон невольно напоминают пушкинский замысел ответа на «бранчивые критики». «Кажется, если бы хотел я над ними посмеяться, то ничего не мог бы лучшего придумать, как только их перепечатать безо всякого замечания» («Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений»). Пушкин так и поступил в своем предисловии к новому изданию «Руслана и Людмилы». Этим же способом полемики Пушкин воспользовался и в статьях Феофилакты Косичкина. Для Дельвига стиль заметки был бы необычен.

В этой заметке Пушкин разделался с Раичем за издевательство его над пушкинским объявлением об «Илиаде» в переводе Гомера. Раич перепечатал пушкинскую заметку из № 2 «Лит. газеты» в № 4 «Галатеи», снабдив ее послесловием. В нем указывалось, что это «воззвание на счет (?) труда Гнедича чересчур величаво и обнаруживает дух партии, которая в литературе не должна быть терпима». Раич не соглашается с отзывом «Лит.

газеты», утверждающей «будто книга г. Гнедича долженствует иметь столь важное влияние на отечественную словесность; иначе мы должны будем допустить, что и барона Дельвига так называемые гекзаметры будут иметь столь важное влияние на отечественную словесность, потому что г. Гнедич в предисловии к своему переводу «Илиады» говорит об этом: «Кого не пленяет лира Дельвига счастливыми вдохновениями и стихом, столько музе любезным». Раич здесь сводил с Дельвигом личные счеты: он был сердит на Дельвига за заметку «На критику Галатеи», где, между прочим, Дельвиг уколол Раича как переводчика «Освобожденного Иерусалима», превратившего в балладу бесмертную поэму Тассо¹.

Пушкин ответил на выходку Раича разъяснением в № 12 «Лит. газеты». Признав себя автором объявления об «Илиаде» Гомера, Пушкин указывал, что отношения Дельвига к Гнедичу «не суть дружеские», — и следовательно, подозревать их в рекламировании друг друга — нелепо.

Отношение Пушкина к стилю критических статей «Галатеи» было резко отрицательным. П. А. Вяземскому в конце января — в начале февраля 1830 года Пушкин писал: «Кланяюсь всем твоим и грозному моему критику Павлуше. Я было написал на него ругательскую Антикритику, слогом Галатеи — взяв в эпиграф *Павлуша медный лоб приличное название!*»²

Пушкину же принадлежит пародия на китайские анекдоты Булгарина в № 45 «Лит. газеты» (от 9 августа 1830 г., то есть в бытность Пушкина в Петербурге):

«В Газете *Le Figet* напечатано известие из Пекина, что некоторый Мандарин приказал побить палками некоторого Журналиста. Издатель замечает, что Мандарину стыдно, а Журналисту здорово».

Эта заметка является ироническим итогом толков. вызванных статьею Пушкина о сочинениях Видока³. Любопытно, что именно в № 45 «Лит. газеты» открыто признается принадлежность этой статьи Пушкину: «Издателю *Северной Пчелы Литературная Газета* кажется печальною: сознаемся, что он прав, и самую печальнейшею статьею находим мнение А. С. Пушкина о сочинениях Видока».

¹ «Сын отечества» и «Северный архив», 1829, т. IV.

² А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 62.

³ Эта заметка без доказательств включалась в собрание сочинений А. А. Дельвига (см. «Сочинения барона А. А. Дельвига», СПб. 1893, изд. Евг. Евдокимова, стр. 145). Н. О. Лернер также был склонен приписывать ее Дельвигу (см. «Пушкин и его современники», вып. XII). Б. В. Томашевский на основании расширенного толкования показаний А. И. Дельвига (в «Воспоминаниях») готов признать всю «Смесь» № 45 «Лит. газеты» 1830 г. «совместным произведением» Пушкина и Дельвига. А. А. Дельвиг, Полное собрание стихотворений, под редакцией Б. В. Томашевского, 1934, стр. 506.

Ироническое сообщение о «китайском анекдоте», помещенное непосредственно вслед за пушкинской статьей «Новые выходки противу так называемой литературной аристократии», находится в тесной связи с такими строками пушкинского «Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений»: «У нас, где личность ограждена цензурою, естественно нашли косвенный путь для личной сатиры, именно обиняки. Первым примером обязаны мы ** (Булгарину. — В. В.), который в своем журнале напечатал уморительный анекдот о двух китайских журналистах, которых судия наказал бамбуковою палкою за плутни, унижающие честное звание литератора. Этот китайский анекдот так насмешил публику и так понравился журналистам, что с тех пор, коль скоро газетчик прогневался на кого-нибудь, тотчас в листах его является известие из-за границы (и большей частью из-за китайской), в коем противник расписан самыми черными красками, в лице какого-нибудь вымышленного, или безыменного писателя. Большею частию сии китайские анекдоты, если не делают чести изобретательности и остроумию сочинителя, по крайней мере достигают цели своей по злости, с каковой они написаны».

И тут же Пушкин, пародируя Булгарина и в то же время изобличая его в плагиате, в заимствованиях для «Димитрия Самозванца» из «Бориса Годунова», сочиняет новый китайский анекдот: «Недавно в Пекине случилось очень забавное происшествие. Некто из класса грамотеев, написав трагедию, долго не отдавал ее в печать — но читал ее неоднократно в порядочных пекинских обществах и даже вверял свою рукопись некоторым мандаринам. Другой грамотей (следуют китайские ругательства) или подслушал трагедию из прихожей (что говорят за ним важивалось), или, тихонько взяв рукопись из шкатулки мандарина (что в старину также с ним случалось), склеил на скорую руку из довольно нескладной трагедии чрезвычайно скучный роман».

Известно, что китайский анекдот Булгарина, появившийся в «Северной пчеле» за 1829 год, № 33¹, совсем не совпадал с его пародическим изложением у Пушкина. Булгарин представил распрю Каченовского с Полевым в виде тяжбы двух журналистов, из которых один, имевший звание мандарина, добился сурового судебного приговора, по которому его обидчик был приговорен к восьмидесяти ударам «бамбуса» по пятам.

Подставив под этот анекдот других персонажей, применив его к Булгарину, Пушкин коротко и иронически сообщает о результатах литературного «избиения» своего врага: «эго... журналисту здорово».

Редактор IX тома «Сочинений Пушкина» в прежнем издании Академии наук (1929 г.) воспринял заметку «Лит. газеты» как простое библиографическое сообщение. «С легкой руки Булга-

¹ Ср. «Московский телеграф», 1829, ч. XXVI, № 5, стр. 103—108.

рина, — пишет он, — «китайский анекдот» стал распространяться и сделался популярен». «В газете «Le Furet», уведомляет читателей орган барона Дельвига, «напечатано из Пекина, что некоторый мандарин» и т. д. (т. IX, примечания, стр. 316). Но «Лит. газета», естественно, не стала бы распространять славу болгарского остроумия. Острота и едкость пушкинского анекдота усилены каламбурной ссылкой на газету «Le Furet». Уже Воейков в «Славянине» (1829, ч. XII, № XL и XLI) использовал название этого французского журнала, издававшегося в Петербурге («Le Furet. Journal de littérature et des théâtres»), применительно к «Северной пчеле», недвусмысленно разъяснив, что le furet обозначает не только хорька, но и проныру, сыщика¹.

Таким образом, пародия на «китайский анекдот» в № 45 «Лит. газеты», завершающая цикл пушкинских нападений на Видока-Булгарина в «Лит. газете», может принадлежать лишь перу Пушкина. Тут лаконически сконденсированы все пушкинские образы и приемы. Многословным обинякам Булгарина противопоставлен простой, сжатый, ясный стиль газетного извещения, которое Пушкин сумел оживить не только язвительными сарказмами пародии, но и поговорочным лаконизмом разговорной речи.

Ср. фразеологические параллели из других сочинений Пушкина: для *побить палками* — из письма к П. А. Вяземскому (1824): «Критики у нас, чувашей, не существует, палки как-то неприличны»;² из эпиграммы (1829):

Сердито Феб его прервал
И тотчас взрослого болвана
Поставить в палки приказал.

Совершенно в стиле и духе публициста Пушкина самая манера — замаскировавшись, наносить удары со стороны и защищать литературное дело самого Пушкина. Отстаивая необходимость возражений на «критики» даже самых «презрительных» лиц, в набросках предполагаемого письма к издателю «Лит. газеты», Пушкин писал: «Видок вас обругал. Изъясните, почему вы никоим образом отвечать ему не намерены (в первоначальной редакции: «Изъясните, почему вы никаким образом Видоку

¹ По-видимому, издававшийся в Петербурге французский журнал «Le Furet» был близок к «Северной пчеле». Во всяком случае, характерно написанное в резком тоне опровержение «Лит. газеты» № 64 (стр. 250), направленное против объявления «Le Furet» о близком выходе 8 главы «Евгения Онегина» в «Северных цветах на 1831 г.»: «Издатель Литературной Газеты сим объявляет, что он никогда о том не говорил издателю вышепомянутого французского журнала, что даже не имеет чести знать ни самого издателя, ни кого-либо из принадлежащих к редакции Le Furet. Откуда почерпает журнал сей известия свои касательно русской литературы, неизвестно». Ср. также в № 16 «Лит. газеты» за 1830 г. (стр. 126—128) статью академика Д. Велланского «Замечание на статью литературного французского журнала».

² А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 13, стр. 96.

не отвечает. Публика не может знать, что он отъявленный плут и шпион»). В этом отношении мне нравится одна из статей вашего журнала как доброе дело» (т. е. статья о записках Ви-дока).

4

Особому анализу следует подвергнуть анонимно напечатанные в № 45 «Литературной газеты» (9 августа 1830 г.) бытовые сценки под заглавием «Бал за Москворечьем».

Известно, что этот номер «Литературной газеты» составлялся при особом участии Пушкина, который находился тогда в Петербурге. Как свидетельствует в своих «Воспоминаниях» А. И. Дельвиг и как отметил В. П. Гаевский на принадлежавшем ему экземпляре «Литературной газеты» (ныне экземпляр этот принадлежит библиотеке Пушкинского Дома — Института русской литературы АН СССР), весь отдел «Смеси» в этом номере «Литературной газеты» написан совместно А. А. Дельвигом и А. С. Пушкиным (см. «Новые выходы противу так называемой литературной аристократии» и «В газете «Le Furet» напечатано известие из Пекина»). Участия П. А. Вяземского ни в этом номере, ни в непосредственно ему предшествующих не замечается. Естественно возникает подозрение, не принадлежат ли эти драматические сценки Пушкину. Вот полный текст их.

БАЛ ЗА МОСКВОРЕЧЬЕМ

На Тверской. Подъезд, с улицы.

Черский (*выходит из кареты*). Принимает Вера Ивановна?

Швейцар. Вера Ивановна сей час едет.

Черский. Куда?

Швейцар. На бал.

Вера Ивановна (*выходит на крыльцо*). Это чья карета? А! Черский, поедьте вместе на бал к Замарбицкой.

Надинька. Мурбазицкой, татап.

Черский. Я с Базарбицкой незнаком.

Вера Ивановна. Нужды нет: провинциялка. Я вас представляю: я везу с собою *toute ma société*.

Черский. Да я в сапогах.

Вера Ивановна. Все равно: за Москвой-рекой. Поезжайте же за нами. Надинька, садись.

Надинька. До свидания, Андрей Иванович.

Черский. Со мной первый кадрили, не правда ли?

За Москвой-рекой. Освещенные сени. Убранная лестница.

Вера Ивановна. Какая даль и какая мостовая!

Надинька. Подождемте же Черского.

Входит Пронский.

Вера Ивановна. Так! Пронский уж тут. Он и в Чухлому попадет на бал.

Пронский. Да вы-то как сюда попали?

Надинька. Посмотрите, посмотрите: чем убрана лестница! ананасами!

Туров. Да; я об них все ноги переколол.

Пронский (*смотрит в лорнет*). В самом деле ананасы. Я сюда сбегая после.

Вера Ивановна. Какой вы жадный! Срежьте и мне один.

Надинька. Вот и Черский.

Вера Ивановна. Идите же все за мною. Как бишь зовут хозяйку?

Надинька. Бур... как бишь?

Туров. Мар... Эй-богу, не знаю.

Пронский. Чумарзицкая, кажется.

Вера Ивановна. Никогда от вас толку не добьешься.

Там же.

Пронский. Вообразите! Четверть шестого!

Черский. Какова хозяйка? Настоящая калачница.

Вера Ивановна. Дочка недурна.

Туров. А куда манерится. Господи! Что за лица встречаешь за Москвой-рекой!..

Черский. Бал удался.

Пронский. Так: мороженое было солоно, а шампанское тепло.

Черский. К теплему шампанскому я привык. На балах иначе не бывает. Больше пенится: позволенная экономия.

Лакей (*Вере Ивановне*). Карету вашу подают.

Вера Ивановна. Прощайте, messieurs. Завтра к нам милости просим.

Пронский (*зевая*). А, право, было очень весело.

Эти сцены невозможно связать ни с одним (кроме Пушкина и Вяземского) из основных сотрудников «Литературной газеты», прозаические сочинения которых помещались в этом журнале без подписи. Ни О. М. Сомов, ни А. А. Дельвиг не обнаружили в своей литературной деятельности стремления и склонности к драматическому изображению быта московского дворянства, да едва ли и были знакомы с ним в достаточной мере. Остаются на подозрении в качестве возможных авторов П. А. Вяземский и А. С. Пушкин. Как уже сказано, и тот и другой были во время подготовки № 45 «Литературной газеты» в Петербурге. Согласно полицейским донесениям, Пушкин выехал из Москвы в Петербург 16 июля¹ 1830 года в дилижансе вместе с П. А. Вяземским². Он пробыл там до 10 августа. Следовательно, не совсем исключена мысль и об авторстве П. А. Вяземского. Однако жанр драматических сцен как специфического литературного произведения чужд творчеству Вяземского. Стиль диалога, привлекавший Вяземского, как можно судить хотя бы по его «Старой записной книжке» опирался на каламбуры и на острословие, на неожиданность ситуаций и характеристических

¹ «Красный архив», т. 37, стр. 341. Ср. Н. С. Ашук и н, Москва в жизни и творчестве А. С. Пушкина, 1949, стр. 141.

² «Русский архив», 1899, № 5, стр. 86.

реплик. Да и острота социальной темы, звучавшей в драматическом этюде «Бал за Москворечьем» — противопоставление скудеющей аристократии и промышленного сословия, «калачников», — не вяжется с общественной позицией Вяземского после крушения декабризма.

Для того чтобы решительно отвергнуть мысль об авторстве О. М. Сомова, достаточно сравнить стиль «Бала за Москворечьем» с «светским разговором» О. М. Сомова в очерке под заглавием «Все из ничего» в альманахе на 1830 год, «Царское Село». Вот отрывки диалогов из этого сочинения.

«— Приятель ваш женился, Monsieur Ладов, — сказала одна дама молодому офицеру, — поздравляем его *par contumace*.

— Или *par procuration*, в лице вашем, — прибавила другая дама, — потому что сам он уже с полгода к нам и глаз не кажет.

— Ах, если бы вы знали, Mesdames, чего ему стоила эта женитьба... Сколько хлопот, сколько досад.

— Расскажите нам это, Monsieur Ладов; вы такой мастер рассказывать.

— *Tout d'honneur*, — проговорил Ладов вполголоса, с поклоном и довольно улыбкой. — *Mais puisque vous le voulez absolument*, извольте. Приятелю моему, Тимскому, и неудачи и удача — все было из ничего.

— Как это? — вскрикнули удивленные дамы.

— *Souffrez que je continue*. Два года он был постоянно влюблен в княжну Полину Прюдину, два года ждал решения судьбы своей — все ничего, как ничего...» И заключительная сцена из рассказа Ладова: «Входит в гостиную — видит княгиню Жак и с нею одну только княжну Полину. Уже он готов был бежать за дверь, как вдруг силы его оставили, он задрожал и, не владея собою, упал к ногам Полины. «*Vous me rebutez, Princesse*, — проговорил он жалобным, задыхающимся голосом, — скажите, что вы находите во мне противного?» — «Ничего». — «Что же было препятствием, которое не допущало вас осчастливить меня?» — «Ничего!» — «Так ничто не препятствует моему благополучию?» — «Ничего!..»

Последнее *ничего* протяжно и с легким вздохом вырвалось из груди прелестной Полины.

Словом, из ничего вышло все: Тимский женат; вчерась был я у него с поздравлением. «Ты теперь вполне счастлив, — сказал я ему. — Милая жена, хороший достаток, большие связи; короче, все твои желания исполнились. Скажи, что ты теперь чувствуешь?» — «Ничего!» — отвечал он рассеянно и начал проверять счет, поданный ему дворецким»¹.

Легко увидеть, что между этим «светским» стилем, основанным на иронически-каламбурном осмыслении одного выражения

¹ «Царское Село. Альманах на 1830 г.» Издан Н. Коншиным и Б. Розеном. СПб., стр. 284—289.

(в данном случае — «ничего») и пересыпанном французскими фразами, лишенным внутреннего динамизма и социальной остроты, и стилем «Бала за Москворечьем», в котором одно экспрессивно-контрастное вращение фамилии — Мурбазицкой-Базарбицкой-Чумарзицкой и т. п. — очень выразительно, мало общего.

Стиль диалога в «Бале за Москворечьем», общая тема — разложение и оскудение столичной дворянской аристократии и восхождение торгового, промышленного сословия, противопоставление фешенебельной Тверской и буржуазного Замоскворечья — все это близко Пушкину и способно подтвердить гипотезу о принадлежности этих сцен именно ему.

В 20—30-х годах Москва, в общем, еще сохранившая свой усадебно-дворянский облик, начала превращаться в Москву буржуазную. Она стала утрачивать свой былой аристократический блеск. Роскошные дворцы вельмож, построенные преимущественно в классическом стиле знаменитыми зодчими — Растрелли, Казаковым, Баженовым, Ухтомским, Кваренги, — возвышались на Воздвиженке, Тверской, Басманной, Покровке, Мясницкой¹. Тверская улица была одним из центров, где сосредоточивалась жизнь родовитого дворянства. Там находился дом тогдашнего московского предводителя дворянства — Олсуфьева (где теперь № 15).

Тема обнищания Московского «боярства» очень занимает Пушкина с самого начала 30-х годов. В письме к П. В. Нащокину (от 22 октября 1831 г.) он замечает: «Что-то Москва? как вы приняли государя и кто возьмется оправдать старинное московское хлебосольство? Бояра перевелись. Денег нет; нам не до праздников. Москва губернский город, получающий журналы мод. Плохо»². В письме к жене (Н. Н. Пушкиной) от 27 августа 1833 года из Москвы Пушкин снова возвращается к той же теме: «...В Москву мудрено попасть и не поплясать. Однако скучна Москва, пуста Москва, бедна Москва. Даже извозчиков мало на ее скучных улицах. На Тверском бульваре (гуляют) попадаются две-три салопницы, да какой-нибудь студент в очках и в фуражке, да кн. Шаликов»³.

В «Путешествии из Москвы в Петербург» Пушкин так характеризует современную ему Москву с социально-бытовой и социально-исторической точек зрения: «Но куда девалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда девались балы, пиры, чудаки и проказники — все исчезло; остались одни невесты, к которым нельзя по крайней мере применить грубую поговорку:

¹ См. В. Л. Снегирев, Московское зодчество. Очерки по истории русского зодчества XIV—XIX вв., М. 1948, стр. 258. Ср. Н. С. Ашук и н, Москва в жизни и творчестве А. С. Пушкина, М. 1949, стр. 12.

² А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., изд. АН СССР, т. 14, 1941, стр. 237.

³ Там же, т. 15, стр. 75.

vieilles comme les gues; московские улицы, благодаря 1812 году, моложе московских красавиц, все еще цветущих розами! Ныне в присмирившей Москве огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травой, и садом, запущенным и одичалым. Под вызолоченным гербом торчит вывеска портного, который платит хозяину 30 рублей в месяц за квартиру; великолепный бельэтаж нанят мадамой для пансиона — и то слава богу! На всех воротах прибито объявление, что дом продается и отдается внаймы, и никто его не покупает и не нанимает. Улицы мертвы; редко по мостовой раздается стук кареты; барышни бегут к окошкам, когда едет один из полицмейстеров со своими казаками... Обеды даются уже не хлебо-солами старинного покроя, в день хозяйских именин или в угоду веселых обжор, в честь вельможи, удалившегося от двора, но обществом игроков, задумавших обобрать наперное юношу, вышедшего из-под опеки, или саратовского откупщика. Московские балы... Увы! Посмотрите на эти домашние прически, на эти белые башмачки, искусно забеленные мелом... Кавалеры набраны кое-где — и что за кавалеры! *Горе от ума* есть уже картина обветшала, печальный анахронизм. Вы в Москве уже не найдете ни Фамусова, который *всякому, ты знаешь, рад* — и князю Петру Ильичу, и французу из Бордо, и Загорецкому, и Скалозубу, и Чацкому; ни Татьяны Юрьевны, которая

Балы дает нельзя богаче
От рождества и до поста,
А летом праздники на даче.

Хлестова в могиле; Репетиллов в деревне — бедная Москва!..

Но Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность, сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развилась с необыкновенною силою. Купечество богатее и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством»¹.

Склонность Пушкина к драматическим сценам не нуждается в доказательствах. Речь идет не о «маленьких трагедиях», не о «сценах из рыцарских времен» и т. п., но о таких бытовых сценах, как «Альманашик», как разговор между автором и англичанином в «Путешествии из Москвы в Петербург» и др. под.

В «Бале за Москворечьем» диалог лаконический, живой и быстрый, остро отражающий социальные и бытовые взаимоотношения действующих лиц, близок по структуре к пушкинскому. Реплики — при своей краткости — полны тонких иронических замечаний.

«Черский. Какова хозяйка? Настоящая калачница.

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 11, изд. АН СССР, 1949, стр. 246—247.

Вера Ивановна. Дочка недурна.

Туров. А куда манерится. Господи! Что за лица встречаешь за Москвой-рекой!..

Черский. Бал удался.

Пронский. Так: мороженое было солоно, а шампанское тепло.

Черский. К теплому шампанскому я привык. На балах иначе не бывает. Больше пенится: позволенная экономия».

С общим ходом этого диалога, с основными экспрессивно-семантическими свойствами его структуры можно сопоставить такой обмен репликами в неоконченной пушкинской повести «На углу маленькой площади» (1829).

«— Что с тобою сделалось, Валериан? Ты сегодня сердит.

— Сердит...

— На кого?

— На князя Горецкого. У него сегодня бал, а я не зван.

— А тебе очень хотелось быть на его бале?

— Нимало. Черт его побери с его балом. Но если зовет он весь город, то должен звать и меня.

— Который это Горецкий? Не князь ли Яков?

— Совсем нет. Князь Яков давно умер. Это брат его, князь Григорий, известная скотина¹.

— На ком он женат?

— На дочери какого-то целовальника, нажившего миллионы того певчего, как бишь его?»

В той же повести:

«— Кого ты называешь у нас аристократами?

— Тех, кто протягивают руку графине Фуфлыгиной.

— А кто такая графиня Фуфлыгина?

— Взятчица, толстая наглая дура.

— Какие тонкие эпиграммы!

— Я за остроумием, слава богу, не гоняюсь.

— И пренебрежение людей, которых ты презираешь, может до такой степени тебя расстраивать!.. Признаться, тут есть и иная причина... — сказала дама после некоторого молчания.

— Так: опять подозрения! Опять ревность! Это, ей-богу, несносно».

Основным драматическим стержнем сцен «Бала за Москворечьем» является презренье дворянских обитателей Тверской к богатой «провинциалке», живущей за Москворечьем в роскошном доме с лестницей, убранной ананасами. Но эта «провинциалка» не имеет знатного имени, и самая фамилия ее — вульгарная и неблагозвучная — служит предметом острой экспрессивно-комической игры с каламбурно-пренебрежительными намеками.

¹ Зачеркнуто: «А, — тот, который получил когда-то пощечину и не дрался? — Совсем нет. Его били палкою. А все это шутки его жены: я не имел счастья ей понравиться».

«Вера Ивановна. ...А! Черский, поедемте вместе на бал к Замарбицкой.

Надинька. Мурбазицкой, тапап.

Черский. Я с Базарбицкой незнаком».

«Вера Ивановна. Идите же все за мною. Как бишь зовут хозяйку?»

Надинька. Бур... как бишь?

Туров. Мар... Ей-богу, не знаю.

Пронский. Чумарзицкая, кажется».

Пушкин не раз подвергал презрительные фамилии каламбурному переодеванию: Фаддей Булгарин — Авдей Флюгарин, Фан-Хи, Видок Фиглярин, Голиаф Фиглярин, Фаддей Выжигин,¹ Каченовский — Кочерговский, Трандафырь, Трандафырин, Михаил Трандафил, Франталлей, сиречь Михаил Трандафилос² и др. под.

Самые имена действующих лиц «Бала за Москворечьем»: Вера Ивановна (ср. в «Домике в Коломне»:

Покамест мирно жизнь она вела,
Не думая о балах, о Париже,
Ни о дворе (хоть при дворе жила
Ее сестра двоюродная, Вера
Ивановна, супруга гоф-фурьера) (стр. XXVI),

Надинька (см. у Пушкина — Надинька в отрывке «Участь моя решена», в отрывке «Надинька»), Пронский (в «Барышне-крестьянке»: «Григорий Иванович был близкий родственник графу Пронскому, человеку знатному и сильному»), Черский (ср. Черский в «Египетских ночах»), кроме Турова, встречаются у Пушкина. Любопытно ироническое отношение автора к обедневшей московской знати:

«Вера Ивановна. Какая даль и какая мостовая!

Надинька. Подождемте же Черского.

Входит Пронский.

Вера Ивановна. Так! Пронский уж тут. Он и в Чухлому попадет на бал.

Пронский. Да вы-то как сюда попали?

Надинька. Посмотрите, посмотрите: чем убрана лестница! ананасами!

Туров. Да; я об них все ноги переколол.

Пронский (смотрит в лорнет). В самом деле ананасы. Я сюда сбегая после.

Вера Ивановна. Какой вы жадный! Срежьте и мне один».

Если присмотреться к строению реплик диалога, к их синтаксису и к их чередованию, то легко найти им параллели в сочине-

¹ См. А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., справочный том, изд. АН СССР, Указатель имен, стр. 122—123.

² Там же, стр. 236.

ниях Пушкина. Даже наиболее индивидуальным по своему строю репликам, начинающимся с так:

«Черский й. Бал удался.

Пронский й. Так: мороженое было солоно, а шампанское тепло», — отыскиваются прямые соответствия в стиле Пушкина:

«— Так: опять подозрения! опять ревность!» («На углу маленькой площади».)

Ср. «— Как бишь зовут хозяйку...»

В «Пиковой даме»: «Что же говорил вам Германн — или как бишь его?»

Правда, в диалоге «Бала за Москворечьем» встречаются слова, не попадающиеся в других сочинениях Пушкина: это — *Москворечье*, «все ноги переколол», *калачница*, *манериться*.

В сущности, кажется подозрительным или сомнительным для стиля Пушкина лишь слово: *манериться*. Однако это слово в значении: жеманиться, церемонно, манерно себя вести — было широко употребительно в разговорно-литературной речи допушкинского времени и пушкинской эпохи. В «Словаре русского языка, составленном Словарной Комиссией Академии наук» (т. VI, вып. 2, Л. 1929, стр. 207) указаны следующие примеры:

Манерся ты иль нет, ты мне лишь не важна. Хвостов. Русск. парижанец (Росс. феатр, ч. XV, стр. 187—188).

(Немец) гордо вальсирует с толстою, красною девкою... которая манерится (Арх. бр. Тург. 1, 187).

Полно манериться, родной (Греч. Черн. женщ., ч. II, 72). Тут городничий играет в вист, тогда как жена его манерится во французской кадриле. Соллогуб, Сережа (1, 206).

Посмотреть, у иной рожа-то не белей сапожного голенища, а туда ж манерится. Загоскин, Соч. III, 162.

Ср. у Стасова (Выставки, 1865):

«Дело шло о пустынных залах, где когда-то выступал и манерился со своим двором Людовик XIV».

Любопытно также, что слово *кадриль* в сценах «Бал за Москворечьем» относится к мужскому роду («Со мной первый кадрил, не правда ли?»), как и в сочинениях Пушкина (см. «Словарь языка Пушкина», т. 2, стр. 269: французский кадрил) ¹.

¹ Нет оснований связывать с именем Пушкина напечатанный в № 72 «Лит. газеты» (22 декабря 1830 г.) в отделе «Смесь» анекдот о Ломоносове: «Ломоносов обедал однажды у И. И. Шувалова с каким-то провинциалом. Шувалов читал незадолго перед тем новое произведение Ломоносова и за обедом завел о том разговор с своим гостем — поэтом, хваля его картины. Простодушный провинциал вслушивался в разговор и, выразумев из него только, что дело шло о картинах, просил Ломоносова списать портреты с него и жены. — «Это не по моей части, сударь, — отвечал, улыбаясь, Ломоносов. — Я пишу в другом роде. Но если вам угодно иметь верный ваш портрет, то советую вам попросить о том Грота». — Грот был живописец, славившийся тогда в Петербурге списыванием зверей». Анекдот изложен вяло и растянуто. Он лишен остроты пушкинских анекдотов. В нем нет и игры слов, каламбурных противоречий. Выражения *выразумев из него* (разговора) и *списывание зверей* чужды языку Пушкина.

ГЛАВА III

ОБ АВТОРСТВЕ ДВУХ СТАТЕЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» 1830—1831 гг. НА УКРАИНСКИЕ ТЕМЫ

(Сомов, Пушкин или Гоголь?)

Несмотря на огромную работу, проделанную историками русской литературы по изучению состава и содержания «Литературной газеты» 1830—1831 гг., по определению степени участия в ней Пушкина, Дельвига, Вяземского, Гоголя, Сомова и других писателей того времени, некоторые важные критические статьи этого журнального органа остаются еще не прикрепленными к авторам. В этом отношении не могут не привлечь внимания две статьи «Литературной газеты», связанные с украинской темой. На одну из них — «Письмо к издателю Литературной газеты и его сотрудникам», подписанное псевдонимом Калиник Максимов сын Чупрынский («Литературная газета», 1830, № 7, стр. 55—56), уже было обращено внимание Б. В. Томашевским, который пытался — и притом безуспешно — приписать это сочинение Пушкину¹. Другая же статья, помещенная без подписи автора в отделе «Ученые новости» («Литературная газета», 1831 г., № 8, стр. 66—67) и представляющая критический разбор рецензии Полевого на второе издание «Истории Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского («Московский телеграф», 1830 г., №№ 17 и 18: «Малороссия, ее обитатели и история»), до сих пор не служила предметом интереса и изучения со стороны историков нашей литературы и библиографов.

Необходимо помнить, что в то время, когда подготавливался и был напечатан в «Литературной газете» разбор рецензии Н. Полевого на «Историю Малой России» Бантыш-Каменского, Гоголь еще не был лично знаком с Пушкиным. П. А. Плетнев в письме

¹ См. Б. В. Томашевский, Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения, Л. 1925.

от 22 февраля 1831 года писал А. С. Пушкину: «Надобно познать тебя с молодым писателем, который обещает что-то очень хорошее. Ты, может быть, заметил в Северных Цветах отрывок из исторического романа, с подписью 0000, также в Литературной Газете Мысли о преподавании географии, статью: Женщина и главу из малороссийской повести: Учитель. Их писал Гоголь-Яновский. Он воспитывался в Нежинском лицее Безбородки. Сперва он пошел было по гражданской службе, но страсть к педагогике привела его под мои знамена: он перешел также в учителя. Жуковский от него в восторге. Я нетерпеливо желаю поведи его к тебе под благословение. Он любит науки только для них самих и как художник готов для них подвергать себя всем лишениям. Это меня трогает и восхищает»¹. На этот панегирик Гоголю Пушкин отозвался лишь в апреле: «О Гоголе не скажу тебе ничего, потому что доселе ничего его не читал за недосугом. Отлагаю чтение до Царского села, где ради бога найми мне фатерку...»² Любопытно, что Плетнев прежде всего характеризует Гоголя как самоотверженного любителя наук. Для них он как художник готов «подвергать себя всем лишениям».

1

Ф. Булгарин в рецензии на альманах «Северные цветы на 1830 г.» («Северная пчела», 1830, №№ 4 и 5) в очень грубой, развязной форме критиковал и бранил одного из редакторов «Литературной газеты» О. М. Сомова. Здесь говорилось о «водянистости» сомовского «Обозрения литературы», о том, что он «не мастер этого дела». Ф. Булгарин упрекал также Сомова в беспринципности, в несправедливой пристрастности его критических суждений, в невежестве и безудержной хвастливости: «Мы, как бывшие сотрудники О. М. Сомова, знаем, что он вовсе не обучен Китайскому, Немецкому и Английскому языкам. Почему же ему известно, что перевод г. Ротчева Мессинской незвесты, с немецкого, не близок подлиннику, что переводы из Байрона гг. Карцова и Носкова не похожи на подлинники и что отец Иакинф имеет прекрасный выговор (должно сказать: произношение) Китайский! По слухам ли это известно г. Сомову, или он сам изволил разговаривать по-китайски, но во всяком случае мы почитаем эти приговоры самонадеянными». Поток издевательств, направленный на О. М. Сомова, был широк и напорист. Он прорывался наружу и в других статьях «Северной пчелы». Так, в рецензии на альманах «Денница» («Сев. пчела», 1830, №№ 11 и 12), после глумления над литературным обозрением, принадлежащем перу И. В. Киреевского, был помещен такой

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 153.

² Там же, стр. 162.

иронический отзыв о «Гайдамаке» Порфирия Байского (Ор. Сомова): «Не угодно ли, читатели, заглянуть в сочинение *великого незнакомца*, знаменитого нашего Вальтер-Скотта Порфирия Байского? Он поместил в «Деннице» один отрывок из бесчисленных своих отрывков. Это опять отрывок из малороссийской повести: *Гайдамак*, которая тянется и рвется уже многое множество годов. Знаменитый автор представляет ночлег Гайдамаков. Этот отрывок он хотел связать рассказом одного разбойника о своих приключениях, и в особенности о Вампирах. Разумеется, что разбойник должен быть Морлак, а действие в Боснии или Далмации. Для этого есть прекрасный материал. Недавно вышла на французском языке небольшая книжка: Гузла, или Песни Маглановича, Морлакского Барда. Там много всякой всячины о Вампирах. Почему же не перенести готовых вещей в Малороссию, славную ведьмами, оборотнями и всякой всячиной? Так и сделал знаменитый автор Гайдамака. Жаль одного, что он, почерпая свои сведения из Морлакских песней, не заглянул в историю и географию той страны. Теперь выходит, что рассказ разбойника должно будет вовсе выбросить из повести, ибо все приключения его основаны на исторических и этнографических несообразностях. Вуко Закрутич говорит, что любовница его велела ему достать ожерелье из червонцев, и он хотел отправиться в горы к Гайдукам, как в одно утро схватили его и записали в Пандуры. Чтоб избежать этого записания, Вуко Закрутич сделался Ускоком, бежал к Гайдукам, которых автор почитает разбойниками; но соперник поинтриговал, дал знать Гайдукам, что Вуко был Пандуром, и бедный не смел более явиться к своим товарищам, а между тем его ославили Вампиром. На это мы имеем честь заметить: 1-е) Гайдуки не разбойники, а просто венгерская пехота, солдаты. Имя сие уничтожено в 1741 году при учреждении регулярной пехоты, а теперь дается только рослым лакеям, которых ставят на запятки в гусарской одежде. Так и на Украине поныне домашняя челядь называется казаками. 2-е) Вука Закрутича не могли насильно схватить и записать в Пандуры, ибо Пандуры были вольные солдаты венгерские (Freiwillige). Знаменитый Порфирий Байский в примечании 5-м к своей статье говорит: «Пандуры, полицейские солдаты в Иллирийских областях». Извините! Никогда не были они полицейскими. Напротив, это было храброе пехотное войско, стрелки, прославившиеся в Тридцатилетнюю и Семилетнюю войны. Название свое получили они от деревни Пандур в Нижней Венгрии, где был штаб этой вольницы. Ныне Пандуры обращены в военные поселения на турецкой границе. Быть может, их и посылали, когда-нибудь, противу разбойников так, как могут послать наших егерей, но оттого нельзя звать Пандуров полицейскими солдатами. 3-е) В примечании 6-м знаменитый Порфирий Байский говорит: «Ускок значит беглец, ушедший из войска». Извините! Ускок значит просто разбойник, хотя бы никогда не был в войске. Те-

перь все пружины, на которых основан рассказ, уничтожаются и самое повествование погибнет. Советуем взяться за что-нибудь другое. Назовите малороссийских чумаков танцмейстерами, делайте с ними, что хотите, но не трогайте истории, статистики, этнографии — эти вещи не даются брать голыми руками. — Слог в этом отрывке весьма замечателен. На стр. 79 читаем: «стреляли в меня, бросали камнями и чем попадая». Не вырвался ли в последнем слове малый *ь*? (т. е. попада*ь*. — В. В.). — Стреляли чем попадая. Там же: «спасибо доброму моему коню». Спасибо есть сокращение спаси бог. Как же отнести это к коню? Там же: «он (т. е. конь) вынес меня из этого ада без дальних ран». Это что? Какие это дальние раны? Автор пишет *без дальних видов!* Далее автор, сказав, что конь его был ранен в *четырёх местах* (?) пулями, продолжает: «Я изодрал дорогую турецкую шаль, отбитую мной у одного Босняцкого Бея, перевязал раны бедному моему коню и свое плечо». — Вот что диво, то диво! Мы не знали, что турецкую шаль можно употреблять как пластырь. Бинтом она не могла служить, ибо как бы удержалась в перевязке коня, особенно если конь ранен был в лопатку? — Чудеса! Вот чем отличается наш великий незнакомец!»

Рецензия была подписана псевдонимом *Порфирий Душегрейкин*. Здесь содержался иронический намек на выражение в Обозрении Ив. Киреевского — «душегрейка новейшего уныния», примененное к поэзии А. А. Дельвига. Таким образом, статья была направлена вообще против редакции «Литературной газеты» и даже шире — против группы писателей-«аристократов», так как задевала и И. В. Киреевского, но прежде всего и больше всего она задевала и позорила О. М. Сомова.

«Литературная газета» откликнулась на вызов «Северной пчелы». В «Литературной газете» за 1830 год (т. I, № 7) появилось в качестве ответа на рецензию «Северной пчелы» «Письмо к издателю Литературной газеты и его сотрудникам». Письмо подписано псевдонимом: «Калиник Максимов сын Чупрынский, В...ский обыватель». Таким образом, ответ был псевдонимен. Это была горячая защита «земляка, соседа и кума Порфирия Богдановича Байского» (т. е. О. М. Сомова) от нападок Порфирия Душегрейкина из «Северной пчелы».

Б. В. Томашевский в своей книге «Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения» намекал на возможность связывать «Письмо Калиника Чупрынского» с участием и именем Пушкина, ссылаясь на то, что здесь «между прочим, цитируется «La Guzla» Мериме как раз на тех страницах, которые позже Пушкин целиком перепечатал при «Песнях Западных славян».

Но в стиле этого письма есть такие речевые особенности и приметы, которые едва ли можно отнести к Пушкину. Прежде

всего следует упомянуть о диалектном слове *притоманный*, которое неизвестно в языке Пушкина и которое в ту эпоху связывалось главным образом с украинским языком, хотя оно свойственно и говорам южновеликорусской области и даже некоторым диалектам северновеликорусского наречия. В «Словарях Академии Российской» (1789—1794 гг., тт. I—VI, и 1806—1822 гг., тт. I—VI) слова *притоманный* нет.

М. Макаров в 1820 году¹ среди областных народных слов, «уже совершенно забытых хождением и употребительных языком русским, поместил некоторые слова разных уездов Рязанской губернии». В числе этих слов оказались некоторые слова, затем канонизированные Гоголем, например, *байбак*, *телепень*. Здесь же: «*притоманно* — будто бы правда, точно так, или лучше: почти так, почти правда»².

Д. Дмитриевский в том же томе «Трудов Общества любителей росс. словесности» отметил слово *притоманно* в значении: досконально, верно, точно так — среди «простонародных наречий, употребляемых в разных округах Владимирской губернии»³. В новой серии этих «Трудов» — «Сочинения в прозе и стихах» (1822, ч. I) Николай Суровцев, учитель Вологодской гимназии включил слово *притоманный* в значении *собственный*, *свой* в «список слов особливых Вологодской губернии»⁴.

Вместе с тем в части третьей «Сочинений в прозе и стихах» напечатано «Собрание слов Малороссийского наречия» Ивана Войцеховича. И здесь мы находим: «Притоманный — настоящий»⁵.

Слово *притоманный* именно как украинизм встречается в языке произведений Ор. Сомова и других писателей украинского лагеря.

В «Словаре украинского языка» Б. Д. Гринченко слово *притаманный* толкуется так: «Настоящий, собственный, подлинный. Г. Барв. (О. 1861. III. 99). *Моя притоманна сестра*. Н.-Волын. у. *Моя притаманна земля*. Н.-Волын. у. *За що я дам кому притаманного огорода*. Н.-Волын. у. *Притаманне мое ягня*. Н.-Волын. у. *Одцуралася і притаманная родина*. Мет. 435.

Притаманно, нар. Как следует, настоящим образом. *Не дала себе притаманно роспитати*. Полт. у.⁶

¹ «Труды Общества любителей российской словесности», 1820, ч. XX, стр. 12—26. Краткая записка о некоторых простонародных словах Рязанского, Пронского, Скопинского, Михайловского, Ряжского и Спасского уездов Рязанской губернии, с объяснением их значения.

² Там же, стр. 19.

³ Там же, стр. 204.

⁴ Там же, 1822, ч. I, стр. 275.

⁵ Там же, 1823, ч. III, стр. 362.

⁶ Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина». Редактировал — с добавлением собственных материалов — Б. Д. Гринченко, т. III, О—П, Киев, 1909, стр. 444.

В «Толковом словаре» В. И. Даля читаем: «*Притоманный* ряз. тмб. тул. мск. влд. твр. влгд. истинный, истый, правый, настоящий, подлинный, сущий; коренной, основной, родовой. Он нам не притоманный начальник, а так, сбоку. Это не притоманные деньги, а шелеги. Надо говорить притоманным делом, а не на пусты лясы. Притоманные вотчинники вымерли. // Вят. свой, собственный; домашний, не чужой. Притоманно нар. верно, истинно, подлинно, достоверно, точно, воистину, право, ей-ей. Притоманно не знаю, а верст десять надо быть. Уж притоманно говорю, так и верь, не обману»¹.

Слово «притоманный» отмечено также в «Опыте областного великорусского словаря» 1852 года².

Ср. у А. Ф. Писемского в романе «Боярщина»: «Местечко это еще истари прозвано было Боярщиной, и даже до сих пор, если приедет к вам владимирец-разносчик и вы его спросите:

— Откуда, плут, пробираешься?

— Из Боярщины, сударь... Около месяца там плутовал, — ответит он вам.

— Там?

— Там-с. Такое уж там для нас место притоманное» (ч. I, гл. I).

Любопытно, что слово *притоманный* (или *притаманный*) употреблялось в просторечии и простом слоге XVIII века с окраской «простонародности» — купеческой или крестьянско-дворянской. Никакой специальной окраски украинизма в таких случаях с этим словом не связывалось. Иллюстрации:

У В. Лукина в пьесе «Мот, любовью исправленный»:

[Безотвязной заимодавец — Василию.] «Вы еще не такие великопепные господа, чтобы заимодавцов со двора гонять и травить собаками... Что это? Своего *притоманного* попросить не можно. Я, кажется, служил вам честно, и без барыша за свою уступал цену»³.

В других пьесах XVIII века в речи персонажей из простоародья:

«Могу *притоманно* сказать, желательно, охота есть публичный подряд оставить за собой!»⁴

«Не только барышей у иного (от недосмотра) и *притоманных*-то (капитала) не застанешь»⁵.

Ср. у Загоскина «Аскольд. могила», ч. II, гл. 6: «...Мой господин хочет поговорить с тобою. — «Богомил?» — «Нет, у Бого-

¹ В. И. Даль, Толковый словарь, 1882, стр. 453.

² См. у М. Фасмера в «Russisches Etymologisches Wörterbuch (II B., S. 434): *Притоманный* 'recht, genau, richtig', *притаманно* Südl., притоманный (Mel'nikov.) Gebildet von osman. taman 'ganz richtig, vollkommen, genau', s. Korsch Archiv 9. 672».

³ Сочинения и переводы Владимира Лукина, ч. I, СПб. 1765, стр. 92—193, «Росс. феатр», IX, 96.

⁴ «Рос. феатр», ч. XXXV, т. XVII, стр. 62.

⁵ Там же, стр. 65.

мила я только на время в услуге; я говорю тебе о настоящем, *притоманном* моем господине».

Дело, разумеется, не только в том, что слово — *притоманный* — не встречается в сочинениях А. С. Пушкина. Возникает вопрос: соответствует ли принципам и нормам пушкинского стиля применение этого слова как средства и формы стилизации украинского колорита? Иными словами, относил ли, или лучше: мог ли бы отнести Пушкин слово *притоманный* к числу характернейших признаков украинского стиля в его литературном представлении — с точки зрения его собственной словесно-художественной системы? Все, что нам известно о пушкинском представлении украинского словесно-художественного колорита, склоняет нас к отрицательному ответу на этот вопрос. В самом деле, закрепление этого слова за речью украинских персонажей в русской прозе 20—30-х годов было искусственным и условным. Оно исходит от писателей, связанных с Украиной.

Против присвоения «Письма» Чупрынского творчеству Пушкина говорит также применение других слов, несвойственных языку Пушкина. Таково расширенное употребление медицинского термина того времени — *пароксизм*. В письме Калиника Чупрынского читаем о Гаркуше: «Гайдамак сей обирал богатых и наделял бедных. Вся жизнь его была, так сказать, переменными пароксизмами презрения и сострадания, ненависти и любви к человечеству. Посему-то Байский и выбрал его предпочтительно другим многочисленным Атаманам Гайдамаков, когда-то опустошавших Малороссию» («Лит. газ.», № 7, стр. 56). Слово *пароксизм* в сочинениях Пушкина не зарегистрировано. Любопытно, что слово *пароксизм* встречается в языке статей Вяземского, напечатанных в «Литературной газете» за 1830 год, например, в статье «О московских журналах» («Литературная газета», № 8, стр. 60): «Наши журналы живучи. Посмотреть на иной: в чем душа держится? Целый год чахнет, чахнет и только тогда, в пароксизмах какого-то воспаления, обнаруживаются в нем признаки судорожной силы. Думаешь, с концом года угаснет и он. Не тут-то было! К новому году газетное объявление извещает нас: жив-жив Курилка».

В «Новом словотолкователе» Яновского (ч. III, 1806, стр. 230) слово «пароксизм» рассматривается только как «речение медицинское». Его значение определяется так: «Подступ, приход, обрат, возобновление, удвоение болезни прежде бывшей с сильнейшим иногда действием». Далее следует историко-энциклопедическое пояснение: «Вопрос о пароксизмах, или возобновлениях болезней занимал ученых врачей весьма долгое время. Цель споров их была та, чтобы определить причину таких возвратных; решение сей задачи было полезно; но какая трудность не предстояла к достижению сего намерения?.. Самые просвещеннейшие врачи нашли ее камнем преткновения».

У Даля слово «пароксизм» определяется так: «приступ, припадок болезни или / / сильной страсти. Пароксизм лихорадки у него через день. Он в пароксизме исступления»¹.

Употребление слова *пароксизм* как медицинского термина было широко распространено в литературном и бытовом обиходе русского образованного общества конца XVIII века и первых десятилетий XIX века. Вот несколько иллюстраций.

«Она (большая икотой. — В. В.) была в здравом уме; в самом *пароксизме* разговаривала без помешательства; но не могла удержать горла своего от невольной икоты, которая столь была громка, что заставляла выходить из избы на поле»².

«...Были у него (у Н. Н. Раевского. — В. В.) два лихорадочные *пароксизма*; второй так был силен, что генерал кричал: «Я с ума сойду...»³

«Сделай милость, мой милый друг, не огорчайся этим. Это был только минутный *пароксизм*»⁴.

«В комнату я воротился в *пароксизме* сильной лихорадки»⁵.

«Прикажу, и она... отдаст руку тому, кто один может составить ее счастье. Не так ли, Никласон? — Секретарь... не замедлил согласиться, что все это было и будет пустячками, что первый сердечный *пароксизм* хотя и силен, но пройдет»⁶.

Сюда примыкают и случаи переносного употребления выражения — «*пароксизм лихорадки*».

Например: у П. А. Вяземского:

«Землетрясения, по несколько *пароксизмов* в день, били же как лихорадка, Смирну»;⁷

у Н. Полевого:

«...нынешнее состояние нашей литературы... есть последний кризис и *пароксизм* [курс. авт.] нашей чужеземной литературной лихорадки»⁸.

Есть основания предполагать, что в 20-х годах XIX века начинают распространяться и укореняться приемы переносного, отвлеченно-метафорического употребления слова *пароксизм*, из которых образуется потом общее значение — крайняя точка напряжения, острое проявление, приступ — чего-нибудь.

Например:

¹ В. И. Даль, Толковый словарь, т. III, стр. 19.

² Лепехин, Дневные записки путешествия, т. IV, 1781, стр. 96.

³ Записка о предсмертной болезни Н. Н. Раевского. «Архив Раевских», СПб. 1912, т. IV, стр. 206.

⁴ «Архив бр. Тургеневых», т. II, стр. 18.

⁵ В. Г. Белинский, Письма, СПб. 1914, т. III, стр. 153.

⁶ И. И. Лажечников, Последний Новик, Собр. соч., СПб. 1858, т. 1, стр. 222.

⁷ П. А. Вяземский, Старая записная книжка, Полн. собр. соч., СПб. 1884, т. IX, стр. 296.

⁸ Н. Полевой, Взгляд на русскую литературу 1838 и 1839 гг., «Сын отечества», 1840, т. I, кн. IV, стр. 444.

«Экономьте, платите долги, а там, если пароксизм либерализма пройдет, выбирайте службу и место!»¹

«Гнев Липмана дошел до бешенства, когда он узнал об измене своего племянника. Но — прошел пароксизм бешенства, и он опять мудрец на злое»².

«Катерина Рабе в объятиях милой подруги заградила своими поцелуями крик радости на ее устах. Этот первый пароксизм дружбы прерван был... необыкновенным криком под окнами Луизиной спальни»³.

«Страсть моя, достигнув крайнего своего предела, разразилась пароксизмом невероятной силы»⁴.

«Не перечтешь несчастий от сущей безделицы, от того, что иной с высоты своей поленился выслушать внимательно просителя, другой пугнул его в пароксизме воеводского нетерпения»⁵.

Само собой разумеется, что наличие слов, не отмеченных в известных сочинениях Пушкина, само по себе еще не может служить вполне достоверным свидетельством против авторства Пушкина по отношению к данной статье. Впрочем, слово *притоманный*, как уже было указано выше, достаточно характерно и резко окрашено, чтобы заподозрить в авторе «Письма» действительного какого-нибудь земляка Ор. Сомова, а не Пушкина или Вяземского.

Чупрынский как автор «Письма» близко знаком с украинским языком и бытом. Он и не скрывает своей близости к Порфирию Богдановичу Байскому, своему «соседу и притоманному другу». Защищая Гаркушу, героя романа Байского «Гайдамаки», Чупрынский пишет: «Характер и дела сего странного человека, сохранившиеся и доныне в живой памяти жителей Малороссии, служат тому доказательством». Мог ли так написать Пушкин — сомнительно.

Автор письма — в соответствии с образом украинского обывателя Калиника Чупрынского — обнаруживает свою самую тесную и живую связь с Украиной, с ее фольклором и народно-поэтическими образами. «Где порядочный человек пожалел бы рубля, там беспорядочный Гаркуша мог бросать тысячи» (стр. 56).

Нельзя не заметить, что в «Письме» Чупрынского самый стиль полемики с «Северной пчелой», основательный, но лишенный тонких острот и глубокого юмора, имеет мало общего с полемическим слогом Пушкина (хотя бы в обличье Феофилакта Косич-

¹ Письмо Н. М. Карамзина П. А. Вяземскому, 2 августа 1821 г., «Старина и новизна», т. I, стр. 114.

² И. И. Лажечников, Ледяной дом, Собр. соч., СПб. 1858, т. IV, стр. 88.

³ И. И. Лажечников, Последний Новик, Собр. соч., СПб. 1858, т. 1, стр. 215.

⁴ А. В. Дружинин, Полинька Сакс, Гослитиздат, М. 1955, стр. 40.

⁵ И. И. Лажечников, Внучка панцирного боярина, Полн. собр. соч., СПб. 1899, т. 4, стр. 38.

кина). В качестве иллюстрации можно привести такую цепь возражений Чупрынского: «Реченный критик (т. е. Порфирий Душегрейкин) должен быть очень своенравен: заговорят об Иллирии, а он заметит: этого-де нет в Венгрии. Он не знает, что Гайдуки в Далмации и Боснии то же, что клефты в горах нынешней Греции; он не знает, что Пандуры в той же Далмации исправляют должность итальянских Сбиров, т. е. сыщиков разбойничьих шаек; он смешивает перевязку с пластырем; он не знает, что значит русское употребительное выражение: чем попада (не знает и ударения в последнем слове), и принимает его за попадаью» (стр. 56). Заканчивается это анафорическое перечисление ошибок рецензента следующим ироническим вопросом: «Что всего вышеупомянутого рецензент Душегрейкин не знал или не читал, это бы еще не беда; но зачем же он берется говорить о том, что ему неизвестно?»¹

Канцеляризма «реченный» и «вышеупомянутый» должны, с одной стороны, выражать презрительно-ироническое отношение к Порфирию Душегрейкину, а с другой стороны, бросать экспрессивный отсвет на литературный образ самого Калиника Чупрынского.

Против принадлежности «Письма» Калиника Чупрынского Пушкину говорит также передача на французский лад имени старого гуслера Иакинфа Маглановича. В «Письме» Чупрынского читаем: «Вот этнографические и даже грамматические сведения нашего критика, который не читал ни сочинения аббата Фортиса о Морлаках, ни даже той книги, о которой сам упоминает в своей критике (*La Guzla, ou choix de poésies illyriques, recueillis dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégowine*); иначе он не опровергал бы того, о чем собиратель Морлацких песен, природный иллириец, говорит в своих примечаниях; не сказал бы, что все помянутые песни сочинены Яцинтом Магляновичем, тогда как из них едва пятая доля песен сего Морлацкого импровизатора» (56). Между тем Пушкин в примечании (18) к «Песням западных славян» передает имя старого гуслера на греко-славянский лад: «Иакинф Магланович»: «Мериме поместил в начале своей *Guzla* известие о старом гуслере Иакинфе Маглановиче; неизвестно, существовал ли он когда-нибудь, но статья его биографа имеет необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобия»². Западноевропейское, французское «Яцинт Маглянович» в письме Чупрынского противостоит церковно-южно-славянскому — Иакинф Магланович — в комментариях Пушкина к «Песням западных славян».

Таким образом, нет никаких оснований приписывать Пушкину «Письмо к издателю Литературной газеты и его сотруд-

¹ См. А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., 1957, изд. 2-е, т. III, стр. 318.

² Там же.

никам», хотя участие Пушкина в составлении и редактировании первых тринадцати номеров «Литературной газеты» было очень активным и значительным¹.

Еще труднее предполагать, что «Письмо к издателю Литературной газеты» Калиника Чупрынского было написано самим ее издателем — А. А. Дельвигом. В самом деле, Дельвиг отсутствовал в Петербурге с первых чисел января по вторую половину февраля 1830 года². В это время обязанности главного редактора «Литературной газеты» выполнял Пушкин (совместно с О. М. Сомовым). Между тем живой и быстрый отклик на инсинуации «Северной пчелы» потребовал если не непосредственного присутствия оппонента в Петербурге, то, во всяком случае, его близкой доступности.

Так, при попытках точного приурочения этого письма к автору, естественно, возникает вопрос: не сам ли О. М. Сомов называет себя или свою литературную личину — Порфирия Богдановича Байского — своим «притоманным земляком», «кумом и благодетелем»? Не сам ли он является автором «Письма к издателю Литературной газеты и ее сотрудникам»? Ведь такой способ самозащиты не представлял редкого явления в то время. И со стороны языка и стиля это предположение не встречает никаких препятствий. Впрочем, украинский колорит этого «Письма» может навести на мысль об еще одном возможном авторе — именно Н. В. Гоголе. Но начало сотрудничества Гоголя в «Литературной газете» обычно датируется 1831 годом. № 1 «Литературной газеты» за 1831 год (1 января) содержит отрывок «Учитель» из повести Гоголя «Страшный кабан», а также научно-педагогическую или методическую статью Гоголя «Несколько мыслей о преподавании детям географии». Вместе с тем трудно связать с именем Гоголя какие-нибудь индивидуальные стилистические приметы рассматриваемого «Письма» Чупрынского, кроме, быть может, его подписи: «Калиник Максимов сын Чупрынский, В...ский обыватель». Ср. последний абзац «Письма»: «Если позволите, мм. гг., то я сообщу вам и еще несколько замечаний на замечания нашего критика. Сам Порфирий Богданович, за отдаленностью места своего жительства и по врожденному миролюбию, верно, не решится отвечать своим критикам; но я, живучи здесь по тяжebному делу и следовательно имея много досуга, а сверх того, помня хлеб-соль и приязнь любезного моего кума, П. Б., вменяю себе в долг подать за него свой голос. Есмь и пр. Калиник Максимов сын Чупрынский, В...ский

¹ См. В. В. Виноградов, Неизвестные заметки Пушкина в «Литературной газете» 1830 г., «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии АН СССР», 1939, вып. 4—5.

² Ср. «Московские ведомости», 1830, № 4 и № 14. Ср. «Письма Пушкина» под ред. Б. Л. Модзалевского, т. II, стр. 368.

обыватель» (56). Здесь косвенно выражается желание дальнейшего критического сотрудничества в «Литературной газете», особенно для борьбы с наветами и злобными выпадами Булгарина. Эта задача была близка и Сомову и Гоголю.

В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» действуют и Каленик и Корний Чуб. Слово *чуприна*, «чуб» находится в приложенном к повестям словарице украинизмов. Но все же этого мало для признания авторства Гоголя. Да и другие соображения историко-биографического характера делают эту гипотезу неправдоподобной. Было бы совсем непонятно, если бы Гоголь, привлеченный Сомовым к сотрудничеству в «Литературной газете» почти с самого начала ее издания, затем до 1831 года почему-то избегал помещать в ней свои статьи и повести¹.

Следовательно, версия о Гоголе как авторе «Письма к издателю «Литературной газеты», укrywшемся под псевдонимом «Калиника Максимова сына Чупрынского, В...ского обывателя», отпадает. Трудно также подозревать, что автором этого письма был близкий приятель О. М. Сомова — в то время профессор ботаники в Московском университете М. А. Максимович, друг Гоголя (см. его статью в № 1 «Литературной газеты» за 1830 г.: «О цветке. — Глава из особого сочинения о природе»). Он не выступал в «Литературной газете» как литературный критик. Напротив, наиболее правдоподобной и с стилистической и с историко-биографической точек зрения является гипотеза об авторстве самого О. М. Сомова, выступившего на защиту своего литературного имени и достоинства. Фантазировать об участии Гоголя в подготовке этой отповеди «Литературной газеты» Ф. Булгарину не приходится.

2

Гораздо сложнее вопрос об авторстве другой статьи в «Литературной газете» по украинскому вопросу («Литер. газета», 1831, № 8). Тут, действительно, приходится выбирать лишь между Пушкиным и Гоголем.

Профессор Ю. Г. Оксман в работе «Неосуществленный замысел Истории Украины» собрал ценные сведения о замысле Пушкина написать «Историю Малороссии». «Работа великого русского поэта над «Историей Украины», — писал Ю. Г. Оксман, — предшествуя двум позднейшим его историческим иссле-

¹ Общую сводку итогов работ по вопросу об участии Н. В. Гоголя в «Литературной газете» А. А. Дельвига см. в статье А. И. Степанова: «Публицистические выступления Гоголя в «Литературной газете» А. А. Дельвига». «Ученые записки Ленингр. гос. унив. им. А. А. Жданова», № 218. Серия филологич. наук, изд. ЛГУ, 1957.

дованиям — «Истории Пугачева» и «Истории Петра», — непосредственно следовала за окончанием «Полтавы» и, как мы полагаем, может быть подтверждена документально рукописями самого Пушкина»¹. Ю. Г. Оксман придает особое значение знакомству Пушкина с «Историей Русов», приписывавшейся тогда Георгию Конискому. Список «Истории Русов» подарил Пушкину М. А. Максимович в октябре 1829 года. Ю. Г. Оксман полагает, что после получения «Истории Русов» Пушкин в основу своего исторического труда об Украине намеревался положить материалы именно этой хроники. В этом направлении осмысливается и истолковывается Ю. Г. Оксманом пушкинский набросок на русском языке, «точно фиксирующий схему какой-то периодизации истории Украины». «Мы связываем этот набросок, с одной стороны, с пушкинским замыслом «Истории Украины», с другой — с «Историей Русов». Характерные именно для последней особенности периодизации исторического прошлого Украины и были усвоены Пушкиным»² (ср. вехи Пушкинской периодизации: «от Гедимины до Сагайдачного», «от Сагайдачного до Хмельницкого»). По мнению проф. Оксмана, последующий отход Пушкина от замысла «Истории Украины» по крайней мере на полтора года и даже больше (до середины 1831 г.) произошел под влиянием неожиданного для него выхода в свет весной 1830 года нового издания известной «Истории Малой России» Бантыша-Каменского. «Материалы творческого архива Пушкина свидетельствуют, однако, что в каком-то большом плане замысел «Истории Украины» воскрешается Пушкиным уже через год после вхождения в научный оборот второго издания труда Бантыша-Каменского. Мы имеем в виду несколько листов французского текста (бумага сводяными знаками «1830», «1831»), посвященного древнейшему периоду истории Украины — от эпохи расселения на ее территории славянских племен до первого нашествия татар: «*Sous le nom d'Ukraine ou de Petite-Russie l'on entend*» и пр.»³.

Этот набросок представляет собою пересказ на французском языке соответствующих страниц «Истории Государства Российского» Карамзина. Ю. Г. Оксман склонен рассматривать эти записи как непосредственную реализацию первоначального плана пушкинской «Истории Украины». Он видит подтверждение этой мысли в том, что на первые же «вопросы», которые выдвигались в «плане» («Что ныне называется Малороссией?», «Что составляло прежде Малороссию?»), Пушкин отвечал в своих набросках на французском языке: «*Sous le nom d'Ukraine ou de Petite-Russie l'on entend une grande étendue de terrain réunie*

¹ «Литературное наследство, Пушкин, Лермонтов, Гоголь», 1952, т. 58, стр. 211.

² Там же, стр. 213.

³ Там же, стр. 214.

au colosse de la Russie et qui comprend les gouvernements de Tshernigov, Kiev, Harkov, Poltava et Kamenetz-Podolsk... Les Slaves ont de tout temps habitée cette vaste contrée»¹. Ю. Г. Оксман ставит в связь эти пушкинские записи истории Украины с польским восстанием и полонофильскими настроениями Западной Европы. Поддержка французской буржуазной прессой агрессивных требований «шляхетских политиков» о присоединении к Царству Польскому Украины, Литвы и Белоруссии возмутила Пушкина:

Вы, черни бедственный набат,
Клеветники, враги России!

По мнению Ю. Г. Оксмана, «тот вариант «Истории Украины», над которым Пушкин работал в 1831 году, предназначался уже не для русских читателей, а для западноевропейской аудитории, той самой, до которой не дошли «кровавые скрижали» многовековой борьбы украинского народа за свое освобождение»². Но эта борьба Пушкина с «врагами России» не нашла в отечестве опоры ни государственной, ни общественной. Пушкину не удалось также из-за возражений высших полицейских инстанций издать «Историю Русов». «Таким образом, — заканчивал свою статью проф. Оксман, — черновые наброски плана («Что ныне называется Малороссией?»), фрагменты вводных заметок («*Sous le nom d'Ukraine*») да несколько страниц выписок из «Истории Русов» в «Современнике» — вот и все, чем может документироваться сейчас работа Пушкина над «Историей Украины»³.

В интересной статье Ю. Г. Оксмана нет указаний на два важных для его темы литературных факта — на разбор Н. А. Полевым «Истории Малой России» Д. Н. Бантыша-Каменского, помещенный в «Московском телеграфе» (1830, №№ 17 и 18), и на вызванную этим разбором критическую заметку «Литературной газеты» (1831, № 8).

На вышедшее в 1830 году второе издание сочинения Д. Н. Бантыша-Каменского «История Малой России» (3 части) Н. Полевой в сентябрьских (№№ 17 и 18) номерах «Московского телеграфа» за 1830 год откликнулся большой рецензией. В своей рецензии Н. Полевой ставит ряд острых теоретических и исторических вопросов, относящихся к истории вообще и к «Истории Украины» в частности. «Чем отличается История от Лето-

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., изд. АН СССР, т. 12, стр. 196. Русский перевод: «Под именем Украины, или Малороссии, разумеют большую территорию, соединенную с колоссом Россией и заключающую в себе губернии Черниговскую, Киевскую, Харьковскую, Полтавскую и Каменец-Подольскую... Славяне — исконные обитатели этой обширной страны».

² «Литературное наследство», 1952, т. 58, стр. 218.

³ Там же, стр. 220.

писи? — Система составляет душу Истории, этого отчета памяти уму. Материалы, сущность событий, критический разбор того и другого, выводы, все должно быть предварительно по системе поверено историком; самое изложение историка должно быть следствием сущности предмета, определенной систематической поверкою» («Моск. телеграф», 1830, № 17, стр. 74). На такой методологической основе «может быть написана История, не только государства, но области и города» (75), даже человека, лишь бы они «представляли нечто отдельное, нечто жившее своею, более или менее резкою, жизнью; иначе История быть не может» (75). В приложении к истории Малороссии это означает, что следует представить долгую и сильную отдельную от России жизнь украинцев, или малороссов, как «отличного от нас, чистых руссов, народа» (77). Такая история Малороссии у русских еще не написана. Не создал ее и Карамзин. Общая концепция истории Малороссии в изображении русских историков, в том числе и Карамзина, иронически характеризуется Н. А. Полевым так: «Она была Россия и теперь Россия; вся разница, что там течет Ворскла, а близ Москвы Ока; что там говорят не чистым русским языком, а у нас чистым. Несколько времени было там что-то вроде бунтовщиков, а потом подчинились законному владычеству» (80). «Отдельность от нас, решительно не наша, особая народность не замечались, не описывались» (82). Считалось, что Россия переплавилась и спаяла в единство «все, что к ней ни приставало» (82).

Между тем, по изображению Н. А. Полевого, «Россия началась подобно другим государствам, весьма обыкновенно — Русью, небольшим Нордманнским владением в землях славянских, из феодального Нордманнского владения изменилась она в федеральный союз владений, принадлежащих членам одного семейства; возмущалась междоусобиями сего семейства, дошла от сего до величайшей слабости и разрушения... Христианская религия и русский язык были единственные скрепы и подпоры Руси» (82—83). «Собирание Руси» первоначально не коснулось юга и запада древней Руси. «Сначала Литва, потом Польша, с которою слилась Литва, владели ими, заняв оные во времена татар» (83). Потом царь Алексей Михайлович «увлек к себе Малороссию», но лишь Петр «железною своею рукою укрепил чуждую нам Малороссию» (84). Так составлялась из разнообразных по составу народов и народностей частей великая Россия, подобно Англии, Австрии, Турции и другим государствам. «С областями, которые были некогда русские (Приднепровье, Волынь), и с областями, которые прежде не были русскими (Ост-Зейские области, Литва, Финляндия, Малороссия), мы поступили, как обыкновенно поступают победители с завоеванными землями. Мы обрусили их аристократов, помаленьку устранили местные права, ввели свои законы, поверья, удалили строптивых, сами перемешались с простолюдинами-туземцами,

но за всем тем обрусить туземцев не успели, так же как татар, бурятов и самоедов. Политической самобытности у них нет и быть не может, но опять — они *наши*, а не *мы*... Они прочны нам, исторически и географически — правда; но *народность* у них своя, *местность* своя» (85—86). «...Малороссия, не сделавшись донные Русью, никогда и не была частью древней Руси, точно так же, как Сибирь и Крым» (86—87). «...Половина Малороссии, а что всего важнее, собственно *гнездо* Малороссии, древле не были русскими областями. Там, в лесах и степях, кочевали, бродили, дрались между собою, и с руссами и за руссов, хазары, печенеги, половцы» (88). В русских областях, которые вошли позднее в состав Малороссии, было несколько городов, то есть «укрепленных стенами селений»; и мелких селений, откуда народ бежал в города за защитой от набега иноплеменников, возвращаясь нередко на пепелище.

В эпоху татарского господства явилась жизнь казацкая (89). Казаки образовались из «орд Азийских народов». «В древние еще времена от них отделялись бродники — толпы воинов, составленные из них и половцев, бродившие повсюду и дравшиеся за кого угодно и с кем угодно, по найму» (90). К ним приставали бродяги. «Сии толпы наездников составляли разные отдельные становья, выезжали из своих притонов, били, грабили и называли себя Казаками» (90). «Вскоре по составлении казацких становищ в разных местах татары, литва, руссы начали употреблять их как средство защиты и мщения» (91). «Казачество представляет нам два главные деления: средоточие одного *низ Дона*, средоточие другого *низ Днепра*. От первого явилось множество подразделений Восточного казачества; от второго народ Малороссийский. Первое преимущественно можно назвать Донским, второе Украинским» («М. т.», № 18, 225). «Западные, или малороссийские, казаки были смесью русских, половцев, тюрков, берендеев, молдаван, поляков и литовцев. Запорожцы были первым началом украинских казаков» (233). «Казацкий Днепровский табор, до половины XV-го века, был угрожаем с севера и востока, сначала монголами, потом Литвою и монголами, имея открытый путь на юг и запад; с половины XV века его облегли с юга и запада крымцы и турки, с севера Литва и Польша, но открытый путь явился ему на север к Литве по Днепру и на восток от Днепра, где сталкивался он с Московиею» (237—238). Из казаков выделились запорожцы, Запорожская сеча. История Малороссии сложна и запутательна. «Малороссия ждет своего историка и после труда г-на Бантыш-Каменского» (246). «Этот труд — летопись, не более». В нем много материалов и известий. Но чтение его «утомительно, как чтение сухой летописи» (247).

По мнению Н. А. Полевого, к 30-м годам XIX века еще не было составлено настоящей истории Малороссии и не было еще предложено ее периодизации. «...Историки малороссийские донные принимались за свое дело весьма неловко. Карамзин, в

Истории Государства Российского, вовсе забыл, кажется, Малороссию, эту важную часть Российского Государства с XVII века. Доведя свое повествование до начала XVII-го века, он мимоходом упоминал местами о Малороссии, и мы видим, что если бы он дошел наконец до Хмельницкого, то, разумеется, отделался бы так же легко, как отделался он от происхождения казаков (Ист. Г. Р., т. V, стр. 393), т. е. подарил бы нас великолепным рассказом о патриотизме Хмельницкого, и — только» («М. т.», № 17, 79—80).

Обычно представлялось до Карамзина и самим Карамзиным дело так, что когда «пришли татары, сожгли и истребили все в Южной России», то «часть русских укрылась за днепровскими порогами, назвалась черкесами и казаками, приманила к себе множество беглецов» (80).

В половине XVII века эти «природные воины» устремились «избавить Малороссию от власти иноплеменников и возвратить нашему отечеству древнее достояние оного» (Карамзин, т. V, 395). «Жаль, очень жаль, прибавляют к этому историки, что малороссияне не всегда были такого добропорядочного поведения» (80—81). Так, Д. Н. Бантыш-Каменский говорит: «История, передавая знаменитые подвиги героев, не может скрывать деяний, помрачающих их славу. Сагайдачный (Гетман Малороссийский) обнажил в 1618 году меч свой против соотечественников...» (Ист. Мал. Росс., т. I, стр. 185).

Что же сам Н. А. Полевой противопоставляет этой никуда не годной, по его мнению, карамзинской концепции и карамзинской периодизации истории Малороссии? По словам Н. А. Полевого, «вовсе несправедливо думают, что Киев был когда-нибудь средоточием, или, лучше сказать, главным пунктом Малороссии. Напротив, Малороссию составляли собственно земли по левому берегу Днепра, от южной части Черниговской до южной границы Полтавской губернии, захватывая к востоку часть Харьковской и упираясь к северу западнее Путивля: это была Малороссия по левую сторону Днепра. Южная часть Киевской губернии, к северу — южнее Киева, к западу не далее Днестра, к югу не далее впадения в Днепр реки Псла, была Малороссия по правую сторону Днепра. К сему присовокуплялся табор запорожцев, отброшенный далее на юг, в степи» (87).

В древней Руси, до пришествия татар, «половина Малороссии, а что всего важнее, собственно гнездо Малороссии, древле не были русскими областями. Там, в лесах и степях, кочевали, бродили, дрались между собою, и с руссами и за руссов, хазары, печенеги, половцы» (88).

После пришествия татар «явилась жизнь казацкая» (89). «Таким образом, после нашествия татарского открывается нам обширная система казачества, свойственная веку, местности» (92).

«Начало систематического образования казаков», по мнению Полевого, относится к половине XV века. С 1517 года украин-

ские казаки являются уже «политическим обществом» (92). Они в этом году упоминаются в первый раз: «толпа их, из 1200 человек, ходила тогда с поляками под Аккерман» («М. т.», 1830, № 18, стр. 226). «Если верить источникам, не весьма достоверным, то при учреждении гетманства Баторием, в 1576 году, было строевых казаков украинских в 10 полках, по обоим берегам Днепра, до 20 000; Хмельницкий передал России в 1654 году, в 17 полках, до 60 000 войска казацкого, со 166-ю городами и местечками» (232). «О числе малороссиян всех вообще в разные эпохи сведений собрать невозможно; мы не знаем достоверно даже и того, сколько надобно полагать их ныне. По числу же вышедших в разные времена на службу, от 1576-го до 1725 года, можно видеть, как увеличивалось беспрестанно количество малороссиян от стечения к ним всякого народа. Это пояснит, каким образом размножались они и прежде 1576 года» (232—233). Таким образом, казачество — смешанного этнического состава.

Польско-литовские власти сначала не мешали казакам «селиться, где угодно» (239). «При первом известном нам предводителе казаков, Дашковиче (1504—1535 годы), им даже подарили Канев, Чигирин, Павлочь, за Днестром. Что начал Сигизмунд I (1506—1548 годы), то привел в систематический порядок Стефан Баторий (1574—1586). Тогда совершенно уже удалены были украинские казаки от своих товарищей-запорожцев, особо живших и соблюдавших свой прежний быт, хотя и повиновавшихся начальнику казаков» (239). Но затем началась борьба с Польшей. «Шах и Сагайдачный умерли в монастыре, Наливайко бесчеловечно казнен в Варшаве» (240).

В рецензии Н. А. Полевого рисуются картины прошлой жизни Малороссии также по историко-этнографическим свидетельствам, преданиям и украинским думам. «Лучше обратим читателей к Миллерову описанию запорожцев, составленному со слов очевидца за 70 лет, в половине XVIII-го века. Сеча была в это время куча домов и землянок, окруженная земляным валом. В ней все было общее. «Начинается новый год; надобно, добрые молодцы, жребий метать, какому куреню какую рыбную ловлю владеть, да, что, паны молодцы, не хотите ли нового начальника избрать?» Так спрашивал Атаман запорожцев при начале года. «Нет! отвечали ему, ты хорош, пануй еще год, а жеребьи кинем». — В противном случае, Атаман скидал шапку, клал в нее атаманскую палицу свою и кланялся народу, говоря: «Теперь я ваш брат, простой казак!» Народ собирался, гулял, выбирал нового атамана, тащил его на совет; после вопроса: «Все ли согласны?» — отдавали ему палицу, сыпали на голову земли и кланялись ему как начальнику. Убийцу казака бросали живого в могилу, ставили на него гроб с телом убиенного и засыпали землю. Саламата и тетеря (уха с сорочинским пшеном) составляли весь обед казака. Наши старики помнят еще, как запорожец, желая погулять на ярмарке, нанимал певчих, ходил с ними

по рядам, поил кого попало, бросал на драку деньги, и в заключение, в богатом красном своем платье, сидел в полубочке с дегтем, в знак презрения к богатству, а потом, надев старый свой кожух, весело уезжал домой. Кто из нас не читал прелестных стихов Вольфа на смерть Мура: *Not a drum was heard, not a funeral note* («Не бил барабан перед смутным полком»)? В думках Украины найдете описание похорон казака, столь же дикое и еще более поэтическое. Конь казака прибежал в табун, ходит по куреням, острыми копытами копает землю и смутным ржанием вызывает своего всадника. Товарищи предчувствуют гибель собрата, скачут в степь, отбивают его тело у татар, копают суходол саблями и надилками, выбрасывают землю, шапками и полами насыпают курган над телом, гремят в семипядные пищала, жалобно наигрывают песню и выхваляют казацкую славу. «Так, — говорит Дума, — так! Молодецкая, казацкая голова легла, как трава на степи от ветра, но не умрет и не ляжет слава и всякому расскажет о казацком удалстве» (234—235).

Вот на эту-то критическую статью Н. А. Полевого: «Малороссия, ее обитатели и история» появился острый и язвительный отклик в «Литературной газете» в отделе «Ученые новости» (1831, № 8).

«В статье Н. Полевого по истории Украины, которая, вероятно, составляет отрывок из его Истории русского народа, — иронически пишет рецензент «Литературной газеты», — столько новых мнений и необыкновенных мыслей, что не может она остаться без продолжительных и важных исторических споров. В литературном отношении она не менее занимательна» («Л. г.», 66—67). Уже в этом зачине рецензии на статью Н. Полевого звучит голос писателя, который одновременно считает себя историком.

Автор критической статьи «Литературной газеты» склонен к ярким, выразительным образам и метафорам, насыщенным тонкой иронией. Таким образом, мысль об авторстве О. М. Сомова, стиль которого тяготел к журнальному речевому стандарту, сразу же отпадает. Нет прямых указаний и на индивидуально-характерные черты стиля кн. Вяземского, которому сама область истории Украины была чужда. Стиль рецензии — совсем иного типа. Для предположения авторства М. А. Максимовича или А. Погорельского также очень мало оснований, тем более что они не выступали в «Литературной газете» анонимно. М. А. Максимович был далек от стиля острой пародической сатиры. Само собой разумеется, что установить подлинность автора на основе одного только принципа исключения разных возможных кандидатов на авторство нельзя. Но определить целесообразные направления поисков подлинного автора таким способом можно. В изложении критических замечаний у рецензента «Литературной газеты» обнаруживается как будто некоторая склонность

к стилю «педагогическому», прежде всего в области лексики и фразеологии.

Например: «Ему (Полевому) хотелось показать, что он в состоянии изобрести такие новости, которые уничтожат и учебные книги, принятые даже в чужих краях за безошибочные» (67).

«Чтение рассматриваемой нами статьи Н. Полевого представляет много назидательного, особенно для молодых людей. Приведем некоторые отзывы его о Карамзине». И далее в эту педагогическую манеру врывается резкая струя едкой иронии.

«Пусть каждый благовоспитанный юноша увидит, как истинный талант, поступая на чреду славного предшественника своего, говорит о нем без малейшей зависти, с трогательным участием, не боясь его славы и ожидая себе такого же отзыва в потомстве.

1. «Рассказ Карамзина о происхождении казаков сходен с повестью, писанною на заданные слова»¹.

2. «Карамзин, по степени прагматических идей, стоит на одной черте с Татищевым; потому что оба в сочинениях увлекались патриотизмом»².

Здесь слышится явная переключка с пушкинскими замечаниями на «Историю русского народа» Н. А. Полевого, с пушкинской оценкой отношения Полевого к Карамзину.

Легко заметить, что здесь выражения и мысли Полевого при точной, хотя и сокращенной цитации их иронически оголены и обесмысленны. Близость к пушкинской манере полемики очевидна. Но принципы иронического противопоставления и сопоставления, принципы контрастного раскрытия и обоснования «высокой истины» свойственны ведь не только стилю Пушкина, но и стилю Гоголя.

На возможность связывать эту статью с авторством Гоголя может указывать и то обстоятельство, что за несколько номеров до этого, а именно в № 1 «Литературной газеты», была опубликована педагогическая статья Г. Янова (т. е. Гоголя-Яновского): «Несколько мыслей о преподавании детям географии»³.

¹ Ср. в статье Н. Полевого (окончание) — после цитаты из «Истории Государства Российского» Карамзина о происхождении казаков (т. V, стр. 394 и след.): «Здесь истина яснеея в мраке; но общность всего известия сходна с повестью, писанною на заданные слова: Монголы, Литва, Сигизмунд, Черкасы, Черкесы и проч.» («Московский телеграф», 1830, № 18, стр. 227).

² Ср. в «Московском телеграфе» (1830, № 18, стр. 231): «Так-то прежде писывали Русскую Историю! Фраз, возгласов об отечестве поболее, а до истины дела нет. Квасной патриотизм и тут вмешивался. Татищев стоял на коленях перед величием славян, огнем и мечом вписавших свое имя в летописи Греческие, Карамзин видел в казаках русских витязей, умиравших за отечество и веру, избавивших Малороссию от власти иноплемеников и возвративших отечеству нашему древнее достояние оною. По степени прагматических идей оба писателя стоят на одной черте».

³ Необходимо отметить, что отрывок из «малороссийской повести» Гоголя «Страшный кабан», напечатанной в № 17 «Литературной газеты» за 1831 г. (стр. 133—135), не имеет ни авторской, ни псевдонимной подписи. Он анонимен.

В исследуемой рецензии на статью Полевого есть явные черты географо-педагогического стиля (если можно так выразиться). Несколько странными и неожиданными для этой журнальной рецензии кажутся ссылки на «детей» и «благовоспитанных юношей». Ведь статья Полевого «Малороссия, ее обитатели и История», которая, по предположению самого рецензента, «вероятно составляет отрывок из его «Истории русского народа», совсем не предназначалась для «детей» и отнюдь не была адресована только «молодым людям». Между тем автор разбора в «Литературной газете» пишет, приводя цитату сокращенную и несколько искаженную из статьи Полевого: «Туземные народы Приволжья и Придонья так же к нам относятся, как колонисты немцы, французы и цыганы»¹. — Для детей не худо прибавить здесь, что Приволжье простирается по следующим губерниям: Тверской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Казанской, Симбирской, Саратовской и Астраханской. Придонье начинается в Тульской губернии, захватывает части Рязанской и Тамбовской, проходит через Воронежскую губернию и оканчивается в земле Донских казаков. Вот на каких местах Н. Полевой нашел народы, которые к нам относятся, как колонисты немцы, французы и цыганы» (67).

Следующий абзац рецензии посвящен также этнолого- или этно-географическому разбору тезисов Н. А. Полевого: «Жители Малороссии и Белоруссии решительно так же не русские, как сбитатели Ост-Зейских областей, Финляндии и Грузии». «Из предшествовавшего мнения мы видели, что в Великороссии нет русских, а живут в ней какие-то народы, напоминающие собою то цыганов, то немцев, то французов. По второму пункту видно, что в Белоруссии и Малороссии также нет русских. Не думает ли Н. Полевой, что русскими по справедливости назвать можно только тех между земляками нашими, которые с незапамятных годов кочуют по Италии, Швейцарии, Франции и Англии?» (67).

¹ Ср. в статье Н. Полевого: «Мы объяснили исторический ход России, обратимся к составу частей ее. В нем также не находится ничего удивительного, ничего такого, чем могли бы мы кичиться перед другими народами. Разве нет государств, которые составлены так же, как Россия, из разнообразных частей? Взгляните на Англию (Ирландия, Шотландия, Ганновер), Швецию (Норвегия), Нидерланды (Бельгия), Австрию (Богемия, Венгрия, Италия, Славянские земли), Турцию (Греция, Албания и проч.). Но говорят нам, Россия обладала чудною жилою, посредством коей умела сплавить с собою разные части. Право, ничего этого не было. Россия представляет нам два рода составных частей: земли и народы. Сие различие важно и необходимо. Татарские степи и Сибирь мы взяли почти не населенные; отчасти истребили немногих тамошних жителей, отчасти оставили их там прозябать, и они прозябают так же, как финны, латыши, самоеды, горские народы: одни живут оседло, другие кочуют; мы сами заселили их места и обрусили упомянутые земли (таковы: Северная часть России, Сибирь, Приволжье, Придонье, Крым). Все туземные тамошние народы то же в отношении нас, что колонисты немцы, французы, цыганы и другие народы, живущие в России: они наши, но не мы» («М. т.», № 17, стр. 85).

Мысли Н. Полевого и тут полемически и иронически искажаются, доводятся до абсурда¹.

В сущности, в разборе статьи-рецензии Н. Полевого излагаются в форме почти цитат такие положения и мысли, каких нет у Полевого. Осуществляется тот критико-иронический прием, о котором Гоголь позднее писал в письме к А. С. Пушкину от 21 августа 1831 года: «Тут недурно взять героев романа Булгарина: Наполеона и Петра Ивановича, и рассматривать их обоих, как чистое создание самого поэта; натурально, что здесь нужно вооружиться очками строгого рецензента и приводить места, каких (само по себе разумеется) не бывало в романе. Нехудо присовокуплять: Почему вы, г. Булгарин, заставили Петра Ивановича открыться в любви так рано такой-то, или почему не продолжили разговора Петра Ивановича с Наполеоном, или зачем в самом месте развязки впутали поляка (можно придумать ему и фамилию даже). Все это для того, чтобы читатели видели совершенное беспристрастие критика. Но самое главное, нужно соглашаться с жалобами журналистов наших, что действительно литературу нашу раздирает дух партий ужасным образом, и оттого никак нельзя подслушать справедливого суждения»².

Итак, Полевой язвительно представляется как бы врагом идеи единства русского народа, защитником сепаратистских тенденций тех народностей, которые путем насильственного подчинения были включены в состав Российской империи. Общие мысли о субъективно-интернациональной основе суждений Полевого, относящихся к процессу формирования русского многонационального государства, о неприличии нападок Полевого на «Историю» Карамзина, о «темноте» и запутанности этнографических представлений Полевого принадлежат Пушкину. Они нашли яркое выражение в статьях Пушкина об «Истории русского народа» Полевого; «Как можно самому себя выдавать за представителя всей России»³.

«Приемлем смелость заметить г-ну Полевому, что он поступил по крайней мере неискусно, напад на «Историю Государства

¹ По мнению Н. Полевого, обрусение коснулось лишь верхнего слоя жителей, а не простого народа. «Все это делала Австрия с Богемиею и Венгриєю, Англия с Шотландиею и Ирландиею. Отчего мы успели сделать все это тише, скромнее и прочнее других? Оттого, что Венгрия, Богемия, Шотландия были уже государства, самобытно образованные, что побороть их было трудно и что в борьбу вмешивалось много посторонних обстоятельств, вера, соседи и проч. и проч. Мы, напротив, заставляли побежденные нами народы на первой ступени их гражданского бытия, имели досуг, — и вот вся разгадка мнимой способности переплавлять в русских все, что ни касалось России. Что за русские наши дикари, наши татары, наша Грузия, Малороссия, Белоруссия, Ост-Зейские области, Финляндия? Они прочны нам, исторически и географически — правда, но *народность* у них своя, *местность* своя» («М. т.», № 17, 1830, стр. 86).

² А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 212.

³ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. VII, М. 1958, стр. 132.

Российского», в то самое время как начинал печатать «Историю русского народа». Чем полнее, чем искреннее отдал бы он справедливость Карамзину, чем смиреннее отозвался бы он о самом себе, тем охотнее были бы все готовы приветствовать его появление на поприще, ознаменованном бессмертным трудом его предшественника...

Карамзин есть первый наш историк и последний летописец. Своей критикой он принадлежит истории, простодушием и апофегмами хронике»¹.

В статье II, посвященной первому тому «Истории русского народа» Н. А. Полевого, Пушкин заметил: «Переходя к описанию стран, Россиею ныне именуемых, и народов, некогда там обитавших, г-н Полевой становится столь же темен в изложении своих этнографических понятий, как в философических рассуждениях своего предисловия»². В рецензии на второй том «Истории русского народа» Полевого Пушкин писал: «История русского народа» состоит из отдельных отрывков, часто не имеющих между собою связи по духу, в коем они писаны, и походит более на разные журнальные статьи, чем на книгу, обдуманную одним человеком и проникнутую единством духа»³.

Таким образом, и общая идейная направленность статьи «Литературной газеты», и характерные черты и своеобразие ее стиля носят яркий отпечаток влияния пушкинских полемических статей, относящихся к разбору «Истории русского народа» Н. Полевого.

Можно отметить еще два круга проблем, нашедших отражение в отклике «Литературной газеты» на рецензию Н. А. Полевого «Малороссия, ее обитатели и ее история» и тесно связанных с идеями пушкинской концепции русской истории.

I. Пушкинское понимание русского средневековья. «Феодализма в России не было. Одна фамилия варяжская властвовала независимо, добываясь великого княжества...»

«Феодализма у нас не было, и тем хуже». Между тем Полевой полагает феодализм «необходимым для развития сил юной России».

II. «Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою... История ее требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада»⁴.

Параллели этим высказываниям Пушкина также легко найти в рассматриваемом критическом разборе «Литературной газеты». Следовательно, основные идеи и формы их словесного выражения, выступающие в высказываниях А. С. Пушкина об «Истории

¹ А. С. Пушкин, Полн собр. соч., т. VII, М. 1958, стр. 133.

² Там же, стр. 137.

³ Там же, стр. 141.

⁴ Там же, стр. 144.

русского народа» Полевого, поразительно совпадают с соответствующими положениями и рассуждениями рецензии «Литературной газеты» 1831 года (№ 8) на статью Н. А. Полевого в «Московском телеграфе» 1830 года. Больше того: возникает предположение, не является ли также откликом на ту же статью Полевого черновая запись Пушкина, посвященная проблеме периодизации Украины — «План очерка Истории Украины». Правда, предположительная дата этой рукописи (1829, декабрь¹) как будто не соответствует такой гипотезе, но в пользу этой даты нет бесспорных оснований. Между тем самые первые вопросы пушкинского «Плана очерка Истории Украины» органически связаны с проблемами, выдвинутыми в статье Н. А. Полевого:

«Что ныне называется Малороссиею?

Что составляло прежде Мал. (ороссию)?

Когда отторгнулась она от России?

Долго ли находилась под влады(чеством) Татар?»

Все эти вопросы представляют собою попытку дать историческое разъяснение и опровержение колебаний и сомнений, а отчасти и утверждений статьи Н. А. Полевого.

Следовательно, самая тесная — как стилистическая, так и идеологическая — связь изучаемой рецензии «Литературной газеты» со взглядами Пушкина на «Историю русского народа» Н. А. Полевого и со всем циклом последующих пушкинских исторических высказываний — очевидна. Но можно ли отсюда сделать вывод о принадлежности этой рецензии А. С. Пушкину, — вопрос иной.

Стиль автора рецензии выделяется остротой образов, иронически или сатирически повернутых к читателю, а иногда направляющих его в сторону поэтики или теории словесности, что опять, пожалуй, наводит на мысль об авторстве Гоголя. Интересны комические сопоставления Полевого с Овидием и Гомером. «Любопытно заметить, что Н. Полевой, подобно Гомеру, старается при некоторых существительных постоянно удерживать один и тот же эпитет. Например: в журнальных его статьях русский патриотизм очень часто украшается прозвищем «квасного» (67). Ироническая манера сравнения посредственных писак или писателей с великими гениями или даже приравнения к ним культивировалась Пушкиным и была подхвачена Гоголем (ср. его письмо к Пушкину о Булгарине).

«Теперь уже нет сомнения, что Н. Полевой, как сочинитель, одарен фантазиею в высшей степени, нежели Овидий. Чтобы подтвердить сию истину, столь новую и столь же лестную для критической Истории литературы нашей, разберем метаморфозы того и другого писателя». И далее образ Овидиевых метаморфоз с глубокой и неожиданной иронией направляется в сторону

¹ См. А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., изд. АН СССР, 1949, т. 12, стр. 422.

историко-общественных проблем, вопросов исторической оценки Пугачева и Разина.

«Пугачев и Разин, по мнению автора Истории русского народа, были «страшными, но тщетными усилиями казацкой свободы»¹. Рецензент в таком образно-ироническом стиле комментирует это заявление Полевого: «Изустные предания туземцев и современников, народные песни, исторические акты, голос целой России — ничто не разочаровало мстительного пера Н. Полевого; он вздумал и в сонм витязей казацкой свободы ввел таких разбойников, которых злодейские поступки не защищены от нас даже покровом давности. Такого рода метаморфозы называть можно *возводящими*. У Овидия они только *низводящие*, потому что он не берет разбойников, чтобы сделать их героями: напротив, его герои превращаются или в зверей, или в птиц, или в растения. Впрочем, то и другое — все дело фантазии; но первая, по законам эстетики, предпочтительнее второй» (66). Применение эпитета — *разбойник* к Пугачеву невозможно для Пушкина: косвенно оно отвергнуто им в «Истории Пугачева».

Правда, ни Пугачев, ни Степан Разин не были предметом исторических размышлений и характеристик Гоголя в других его произведениях. Но известно восхищение Гоголя пушкинской «Историей Пугачева». Оно нашло выражение в письме Гоголя к М. П. Погодину (8 мая 1833 года): «Пушкин уже почти кончил Историю Пугачева. Это будет единственное у нас в этом роде сочинение. Замечательна очень вся жизнь Пугачева. Интересу пропасть! Совершенный роман!»²

Ср. в письме к М. А. Максимовичу (22 января 1835 г.): «Что тебе сказать о здешних происшествиях? У нас хорошего, ей-богу, ничего нет. Вышла Пушкина История Пугачевского бунта, а больше ни-ни-ни»³.

Далее очень любопытны полемические выпады против «западничества» Полевого, против его зависимости от «тех иностранных писателей, которые, не видев России, по одним глубоким соображениям узнали все подробности ее внутреннего состояния». В этот абзац внедряется характерная контрастно-ироническая противительная конструкция: «Как философ, Н. Полевой равен иностранцам в беспристрастии; но, как русский, он превосходит их в ясности изложения» (66).

Необходимо в этой связи вспомнить и о критическом отношении не только Гоголя, но и Пушкина к взглядам «иностранцев

¹ Ср. у Полевого: «История Донских казаков не принадлежит к нашему предмету: они вольно гарцевали, пока не установилась политическая жизнь России. Тогда России стало тесно, она окружила их отовсюду и требовала повиновения общему порядку дел. Началась борьба казацкой, дикой независимости с политическим могуществом исполина. Разин, Булавин, Пугачев были страшными, но — тщетными усилиями казацкой свободы!» («М. т.», № 17, стр. 96).

² Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., т. X, изд. АН СССР, стр. 269.

³ Там же, стр. 349.

мыслителей» и вообще к преимуществам западноевропейской культуры. М. А. Цявловский в «Заметках о Пушкине»¹ напечатал такой отрывок из неопубликованного письма кн. П. А. Вяземского к П. И. Бартеневу (от 22 февраля 1867 г.): «...Помню, когда холера начала уже спадать, зимою Пушкин приехал к нам в Остафьево. Я прочел ему несколько глав труда своего. Главою о театре был он очень доволен. Но бранил меня за то, что я излишне хвалю французских энциклопедистов. В нем иногда прорывалось это чувство, которое грешно назвать патриотизмом, а более сбивается на фарисеизм. Это чувство ныне еще более опошлилось. Разумеется, Пушкин сердился за то, что я сердился на Ф.—Визина, говорившего с крайним неуважением о том, что нашел он в Европе... Пушкин тоже в этом роде фонвизинствовал».

В иронически-обличительном тоне раскрывается ложная, по мнению рецензента, идея Полевого о том, что Россия представляет собою не монолитное государственное целое, а конгломерат или коллекцию разных этнических и государственных частей, не сплавленных в единую, целостную систему, в один организм.

«Кроме новости картин, в сочинении Н. Полевого есть, так уважаемая в нынешнее время, новость взгляда. Ею, без сомнения, он обязан постоянному изучению тех иностранных писателей, которые, не видев России, по одним глубоким соображениям узнали все подробности ее внутреннего состояния. Как философ, Н. Полевой равен иностранцам в беспристрастии; но, как русский, он превосходит их в ясности изложения. Вот его слова: «Усердные патриоты не нарадуются только тому, что Россия... всегда имела непонятную силу переплавлять в русских, в единое целое, все, что к ней ни приставало: старые отломки, такова Малороссия, так спаялись, что и трещинки не видно; новые иверни² тоже припаялись столь плотно, что и следа нет. Но я не увлекаюсь патриотизмом, ни в прошедшем, ни в настоящем» (82). «Россия в наше время является величайшею, составленною из разнообразных частей, громадою» (84). «В составе частей ее не находится ничего удивительного, ничего такого, чем могли бы мы кичиться перед другими народами» (85). В подтверждение того, что и у других народов есть части, которые за ними утверждались, Н. Полевой указывает на Бельгию (часть Нидерландского королевства), на Грецию (часть Турецкой империи) и проч. Потом прибавляет он: «Но, говорят нам, Россия обладала чудною силою, посредством коей умела сплавить с собою разные части. Право, ничего этого не бывало» (86). Если бы Г. Полевой ограничился этою новостью взгляда на Россию, он

¹ «Звенья», VI, 1936, «Academia», стр. 151.

² Иверень — иверешек: «Отщепок, отколок от какого-либо твердого тела. Отшибить иверень от камня, от кирпича. Ивернем камня в лицо ранен. Убит ивернем бомбы». Словарь Академии Российской, ч. II, стр. 937.